

СОВРЕМЕННАЯ АЗИЯ: ПОЛИТИКА, ЭКОНОМИКА, ОБЩЕСТВО

№ 2(7)2025

Научный журнал «Современная Азия: политика, экономика, общество» является постоянным периодическим изданием Института Китая и современной Азии РАН, призванным открыть окно в большую академическую науку молодым ученым. Журнал создан на базе постоянной конференции молодых востоковедов «Восточная Азия: прошлое, настоящее, будущее». Миссия журнала — представить читателям многообразие исторических, культурологических отношений стран Восточной и Юго-Восточной Азии, наднациональных интеграционных объединений (ШОС, ЕАЭС, БРИКС, АСЕАН, ОДКБ и др.), региональные особенности. Журнал выступает динамично развивающейся площадкой и дает ответы на вопросы текущей повестки дня.

Научные специальности: 5.2. Экономика, 5.4. Социология, 5.5. Политология, 5.6. История

Учредитель/Издатель: Федеральное государственное автономное учреждение науки «Институт Китая и современной Азии Российской академии наук» (ИКСА РАН)

Председатель редакционного совета:

Бабаев Кирилл Владимирович, доктор филологических наук, директор Института Китая и современной Азии РАН

Члены редакционного совета:

1. Боровой Виталий Ростиславович, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой востоковедения Белорусского государственного университета (г. Минск, Беларусь)
2. Гордиенко Дмитрий Владимирович, доктор военных наук, ведущий научный сотрудник Центра социально-экономических исследований Китая ИКСА РАН
3. Иноятова Диларам Маниглиевна, доктор исторических наук, и.о. профессора кафедры «Новейшая история Узбекистана» Национального университета Узбекистана им. Мирзо Улугбека (г. Ташкент, Узбекистан)
4. Карпиленя Николай Васильевич, доктор военных наук, профессор, действительный член Академии военных наук Российской Федерации, профессор кафедры (социально-гуманитарных дисциплин) ГУО «Институт пограничной службы Республики Беларусь» (г. Минск, Беларусь)
5. Ли Мэнлун, кандидат исторических наук, старший преподаватель института публичной дипломатии Цзилиньского университета (г. Чанчунь, КНР)
6. Свилас Светлана Францевна, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры международных отношений Белорусского государственного университета (г. Минск, Беларусь)
7. Шайдуров Владимир Николаевич, доктор исторических наук, доцент, преподаватель кафедры Истории и психологии Социально-гуманитарного факультета НОУ «Университет Мамуна» (г. Хива, Узбекистан), заведующий Научно-образовательным центром исторических исследований и анализа ГАОУ ВО ЛО «Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина»
8. Шевцов Юрий Вячеславович, PhD in Political Sciences, старший преподаватель кафедры востоковедения факультета международных отношений Белорусского государственного университета (г. Минск, Беларусь)
9. Ян Сумэй, доктор исторических наук, профессор Института иностранных языков Аньхойского педагогического университета, руководитель магистратуры русского языка и литературы и докторантуры мировой истории, главный эксперт и исполнительный директор Центра исследования регионов «Волга—Днепр» при Министерстве образования КНР Аньхойского педагогического университета, член правления Китайской ассоциации изучения русской литературы, эксперт по оценке проектов Национального фонда социальных наук (г. Уху, КНР)

Редакция:

А.В. Бредихин (главный редактор), Е.О. Заклязьминская (заместитель главного редактора), А.Ч. Мокрецкий (заведующий редакцией), Т.М. Мамахатов (ответственный по работе с молодыми учеными), А.Д. Александрова (ответственный секретарь)

Адрес редакции: 117997, г. Москва, Нахимовский проспект, д. 32

Телефон: +7 (917) 510-23-12

E-mail: ca-journal@yandex.ru

Сайт журнала: <https://ca-journal.ru/>

**Современная Азия:
политика, экономика, общество**

Научный журнал

Электронная версия

Свидетельство о регистрации СМИ: Эл № ФС 77-85221 от 27.04.2023

Язык: русский, английский

Периодичность: 4 раза в год

ISSN: 2949-3366

DOI: 10.48647/ICCA.2025.37.83.001

Подписано в печать 15.07.2025.

СОДЕРЖАНИЕ

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА И ПОЛИТИКА

<i>Бобров А.С., Бредихин А.В.</i> Эффективность авторитарного метода в государственном управлении на примере «корейского экономического чуда»	5
<i>Каминская А.Ф.</i> Правовое регулирование ювелирной отрасли в Таиланде	16

ВОСТОЧНОЕ ОБЩЕСТВО И КУЛЬТУРА

<i>Александрова А.Д.</i> Пять специальных типов современной китайской корпоративной культуры	26
<i>Белянина С.Р., Текотова М.А.</i> Анализ социально-исторического контекста казней в творчестве Мо Яня: «Смерть пахнет сандалом» и «Красный Гаолян»	32
<i>Гордеева О.М.</i> Влияние китайских мифов и легенд на мультипликацию на примере франшизы Нэчжа	45
<i>Таирова Е.П.</i> Красота без границ: женщины и новые идеалы в китайской пластической хирургии	55

ИСТОРИЯ

<i>Галкин И.А.</i> Приход Пол Пота к власти	66
<i>Рябухин И.Н.</i> Из истории исследовательского путешествия Мяо Ю-суня по России в 1887—1889 гг.: знакомство китайского сановника с русскими учеными, востоковедами и промышленниками	82
<i>Строгонова П.П.</i> Влияние японо-китайской войны 1937—1945 гг. на искусство Китая	97

КРУГЛЫЙ СТОЛ

Научный семинар «Китай и треугольник Россия—США—Европа в контексте политического и энергетического взаимодействия»	107
--	-----

TABLE OF CONTENTS

WORLD ECONOMY AND POLITICS

<i>Bobrov A.S., Bredikhin A.V.</i> Effectiveness of authoritarian method in public administration on the example of “Korean economic miracle”	5
<i>Kaminskaya A.F.</i> Legal regulation of the jewellery industry in Thailand	16

ORIENTAL SOCIETY AND CULTURE

<i>Alexandrova A.D.</i> Five Special Types of Modern Chinese Corporate culture	26
<i>Belyanina S.R., Tekotova M.A.</i> Analysis of the social and historical context of executions in Mo Yan's works: “Sandalwood death and” and “Red Sorghum”	32
<i>Gordeeva O.M.</i> The influence of Chinese myths and legends on animation using the example of the Nezha franchise	45
<i>Tairova E.P.</i> Beauty knows no limits: women and new ideals in Chinese plastic surgery	55

HISTORY

<i>Galkin I.A.</i> Pol Pot's Rise to Power	66
<i>Riabukhin I.N.</i> From the History of Miao You-sun's Research Journey in Russia in 1887—1889: The Chinese Official's Encounters with Russian Scholars, Orientalists and Industrialists	82
<i>Strogonova P.P.</i> The Impact of the Second Sino-Japanese War of 1937—1945 on Chinese Art	97

ROUND TABLE

Scientific seminar “China and the Russia—USA—Europe Triangle in the context of Political and Energy Cooperation”	107
--	-----

А.С. Бобров, А.В. Бредихин

Эффективность авторитарного метода в государственном управлении на примере «корейского экономического чуда»

Аннотация. Лауреаты Нобелевской премии по экономике Д. Аджемоглу, С. Джонсон и Д. Робинсон в своей работе «Почему одни страны богатые, а другие бедные» утверждают, что в отсутствие демократических политических институтов устойчивое развитие государства невозможно. В мировой истории, однако, можно найти немало примеров, когда происходило обратное: при установлении авторитарного правления, при котором демократические институты или не существуют вовсе, или существуют, но лишь формально, государству удавалось добиться немалых экономических успехов. Яркое тому подтверждение — так называемое «корейское экономическое чудо». Во времена президентства Пак Чон Хи (1962—1979 гг.) Республика Корея, экономика которой пребывала в упадке, уступая во многих отношениях экономике КНДР, смогла совершить скачок, став одним из «азиатских тигров», а также построить собственную национальную концепцию — чучхесон. В статье рассматривается экономическое и политическое развитие Республики Кореи в эпоху правления Пак Чон Хи, обосновывается эффективность авторитарного подхода в государственном управлении.

Ключевые слова: Республика Корея, авторитаризм, государственное управление, Пак Чон Хи, экономическое чудо, экономический рост.

Авторы: Бобров Артемий Сергеевич, студент второго курса бакалавриата социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (направление: «Публичная политика и социальные науки»). ORCID: 0009-0007-0103-5423.

E-mail: artemius.bobrov@yandex.ru

Бредихин Антон Викторович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра «Россия, Китай, мир», Институт Китая и современной Азии РАН. ORCID: 0000-0003-4097-3854. E-mail: bredikhin90@yandex.ru

Для цитирования: Бобров А.С., Бредихин А.В. Эффективность авторитарного метода в государственном управлении на примере «корейского экономического чуда» // Современная Азия: политика, экономика, общество. 2025. № 2. С. 5—15. DOI: 10.48647/ISSA.2025.26.12.001.

A.S. Bobrov, A.V. Bredikhin

Effectiveness of authoritarian method in public administration on the example of “Korean economic miracle”

Abstract. Nobel laureates in economics D. Adzhemoglu, S. Johnson and D. Robinson in their work “Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity and Poverty” argue that in the absence of democratic political institutions, the sustainable development of the state is impossible. In world history, however, one can find many examples when in practice the opposite happened: under the authoritarian rule with no democratic institutions at all, or where they exist but only formally, the state managed to achieve considerable economic success. The so-called “Korean economic miracle” is a vivid confirmation of this idea. During the presidency of Park Chung-hee (1962—1979), the Republic of Korea, whose economy was in decline, inferior in many respects to that of the DPRK, was able not only to make a leap, becoming one of the “Asian tigers”, but also to establish its own national concept — Jucheseon. This article examines the economic and political development of the Republic of Korea during the era of Park Chung-hee's rule, substantiating the effectiveness of authoritarian method in public administration.

Keywords: Republic of Korea, authoritarianism, public administration, Park Chung-hee, economic miracle, economic growth.

Authors: *Bobrov Artemiy S., second-year undergraduate student of the Bachelor's programme at the Department of Sociology, Lomonosov Moscow State University (direction: “Public Policy and Social Sciences”).* ORCID: 0009-0007-0103-5423.

E-mail: artemius.bobrov@yandex.ru

Bredikhin Anton V., PhD (History), Leading Researcher, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences. ORCID: 0000-0003-4097-3854.

E-mail: bredikhin90@yandex.ru

For citation: Bobrov A.S., Bredikhin A.V. Effectiveness of authoritarian method in public administration on the example of “Korean economic miracle”. *Sovremennaya Aziya: Politika, Ekonomika, Obshchestvo* [Modern Asia: Politics, Economy, Society], 2025, no. 2, pp. 5—15. (In Russ.). DOI: 10.48647/ICCA.2025.26.12.001.

После окончания войны 1950—1953 гг. и разделения Корейского полуострова по 38-й параллели Южная Корея впала в затяжной социально-экономический кризис. На фоне колоссальных потерь в человеческом капитале (около одного миллиона погибших среди мирного населения), снижении рождаемости (с 41,98 до 36,34 человека на тысячу) половина промышленных мощностей и экономических ресурсов Корейского полуострова оказалась в распоряжении КНДР. Последнее обстоятельство привело к диспропорции в экономике Республики Корея: 54 % валовой продукции в ней приходилось на две отрасли легкой промышленности — текстильную и пищевую, в то время как на долю базовых отраслей тяжелой промышленности — металлургию, машиностроение и химическую промышленность, приходилось лишь 13 %. Кроме того, Республика Корея была лишена значительных поставок топлива, электроэнергии и минерального сырья с Севера [Гафуров, Ванин и др., с. 187]. Южная Корея нуждалась не столько в экономической помощи, сколько в грамотной политике, направленной на обеспе-

чение самодостаточности республики и долгосрочного экономического роста. До начала вывода войск США с территории Республики Кореи и упразднения оккупационной администрации сделать это было невозможно. Начиная с принятия американским командованием на территории Кореи в октябре 1945 г. особой декларации, провозглашающей создание американской военной администрации, суверенитет и право корейского народа на управление своим государством, в том числе в экономической сфере, были поставлены под вопрос. Вместе с Указами № 2 и № 33 декларация фактически узаконила переход в распоряжение США собственности бывшей Японской империи, находившейся на территории Южной Кореи: ценных бумаг, драгоценных металлов, торговых портов, предприятий и другого материального имущества. В общей сложности было вывезено около 80 % всех южнокорейских активов. Это лишило Республику Корею необходимого базиса для проведения масштабных экономических реформ в ближайшие пять лет. Вместе с тем главной задачей, стоявшей перед США в эти годы, стало закрепление своего влияния в Восточной Азии в целом и на территории Корейского полуострова в частности. Обусловленная этим экономическая помощь со стороны США в 1945—1961 гг. составила более 2 млрд 691 млн долл. Она хоть и обеспечила кратковременный рост ВВП Республики Кореи (максимальный рост в 1957 г. — 8,7 %), но по мере роста дефицита внешней торговли США объемы помощи уменьшались, как и рост ВВП Южной Кореи. С другой стороны, эта самая помощь никак не могла обеспечить долгосрочную экономическую модернизацию в стране: весь ее объем направлялся на стимулирование потребления. США не рассматривали возможности развития в Южной Корее собственной промышленной базы и инфраструктуры, поскольку хотели сохранить зависимое положение союзника на долгие годы, прикрываясь «обеспечением стабильности и безопасности на Корейском полуострове».

После упразднения оккупационной администрации и провозглашения независимости в Южной Корее к власти пришел Ли Сын Ман. Была принята первая Конституция, провозгласившая западную модель государственного устройства: установлено разделение властей, учрежден парламент, взявший на себя законодательную функцию. За президентом и кабинетом министров же была закреплена исполнительная власть. Однако утверждение демократических ценностей в Республике Корее было скорее формальностью, способом противопоставить себя коммунистической идеологии Севера. Эти меры несли на себе больше «внешнеполитическую функциональную нагрузку» [Ермолаева]. С другой стороны, насаждением идеологии антикоммунизма Ли Сын Ман стремился консолидировать южнокорейское общество, а в перспективе и весь Корейский полуостров в рамках идеи «народного единства» (кор. «ильминчжуи»). Большое значение в процессе развития этой концепции Ли Сын Ман придавал мифическому образу Тангуна как кровного предка всех корейцев. «Национализм Тангуна» повсеместно начал внедряться в систему образования.

Экономическая политика при Ли Сыне Мане отличалась непоследовательностью и неэффективностью: предпринятая им попытка финансовой стабилизации замедлила инфляцию, однако политика протекционизма и уменьшение объема американской помощи нивелировали это достижение. Кроме того, земельная ре-

форма 1949—1955 гг., призванная сгладить классовые противоречия и получить поддержку крестьянства, на деле привела к перераспределению земли между наиболее богатыми крестьянами по причине недостаточной проработки соответствующего закона. Тем не менее в аграрной сфере крестьянское землевладение заняло главенствующее положение. Несмотря на усилия правительства Ли Сын Мана, его команде так и не удалось разработать упорядоченный план экономических реформ. В целом экономика Южной Кореи к 1961 г. столкнулась со следующими проблемами, согласно экспертному центру Nathan Associates [Кукла, с. 17]:

1) отсутствие (или частичное отсутствие) базовых ресурсов — так, после окончания Корейской войны потери в человеческом капитале составили 1 млн человек;

2) отсутствие активного экспорта — при Ли Сын Мане была предпринята неудачная попытка организовать полное импортозамещение посредством проведения политики протекционизма;

3) быстрорастущий спрос из-за стремительного роста рождаемости в 1955—1961 гг.;

4) отсутствие у корейских чиновников навыков по управлению экономикой;

5) гиперинфляция, пик которой пришелся на 1952 г. — 95,06 %.

Приход к власти Пак Чон Хи в 1961 г. не изменил общей антикоммунистической направленности политической идеологии Республики Кореи, однако сама ее концепция претерпела ряд изменений. Во-первых, миф о Тангуне трансформировался в идею «чучхесон», южнокорейский национализм получил свое дальнейшее развитие. «Истинная демократия должна существовать на базе здорового национализма», — так обозначил новую политику в одном из своих выступлений сам Пак Чон Хи [Торкунов, Денисов, Ли, с. 218]. Президент Южной Кореи стремился сочетать традиционные корейские устои (в частности, принцип «семейных компаний» — «чеболей»), с технологическими открытиями и инновациями западных союзников. Особое значение получила культурная политика: в том же 1961 г. было создано Управление по делам культурного наследия, стал издаваться журнал «Культурное достояние» [Курмызов]. Также уделялось значительное внимание патриотическому воспитанию в учебных заведениях. Сохранение консервативных ценностей традиционного корейского общества было необходимо Пак Чон Хи для обоснования эффективности своей политики и укреплению авторитета власти в глазах граждан, а также мобилизации экономически активной части населения. Во-вторых, режим Пак Чон Хи показал себя куда более стабильным, чем диктатура Ли Сын Мана: если последний все свои усилия направлял на сосредоточение власти в своих руках, объединяя народ исключительно националистической идеей и угрозой «коммунистического наступления», то приоритетное место в политике Пак Чон Хи заняло решение экономических проблем государства. Решая эту задачу, третий президент Республики Кореи проявлял в том числе гибкость на политической арене. Так, были продолжены замороженные до этого переговоры с Японией. Это было необходимо в первую очередь для разрешения противоречий между сторонами: вопроса рыболовства в спорных территориальных водах, претензий со стороны Республики Корея, ка-

сающихся вывезенных Японией в колониальные годы культурных ценностей и т. д. Переговоры проходили на фоне общественного недовольства, кульминацией которого стали антиправительственные демонстрации в Сеуле в 1964 г. Однако несмотря на все эти факторы уже в 1965 г. было подписано соглашение между Японией и Республикой Кореей, ставшее не только основой двухсторонних отношений государств, но и импульсом к экономической модернизации Южной Кореи. Япония начала активно инвестировать в экономику Республики Кореи. Так, размер вложений в крупнейший сталелитейный комбинат страны POSCO составил 120 млн долл. [Курбанов, с. 510].

В целом период правления Пак Чон Хи ознаменовался построением новой модели экономического развития — направляемой экономики со значительной ролью государства.

Совет по экономическому развитию выработал первый пятилетний план (1962—1966 гг.). Важнейшим достижением такого директивного планирования стал стремительный экономический рост в Южной Корее за счет стимулирования экспорта: создания особых условий для предприятий, выполнивших экспортный план, учреждение специальных экономических зон. Реализация первого пятилетнего плана столкнулась с рядом проблем: неудачное проведение денежной реформы 1962 г., показавшей, что экономика Республики Кореи не может полноценно ориентироваться исключительно на свои силы, а также неурожай. Эти два фактора, в свою очередь, привели к росту инфляции. В связи с этим в 1964 г. была представлена скорректированная экономическая стратегия: экономика государства стала ориентироваться больше на зарубежный капитал и инвестиции, чем на собственные ресурсы. Была инициирована программа государственной поддержки экспортной деятельности. В ходе реализации обновленного пятилетнего плана ВВП Южной Кореи вырос на 7,8 %, а ВВП на душу населения — с 83 долл. до 125 долл. [Валовой национальный продукт Южной Кореи (ВНП) (1960—2024)]. Помимо экспорта товаров Южная Корея начала поставлять за рубеж и услуги — так, в Западную Германию в 1963—1977 гг. были отправлены тысячи корейских шахтеров и медсестер. В первую пятилетку Южная Корея сделала значительные шаги к становлению автомобильным гигантом. В 1962 г. была учреждена компания Sae Nara, в партнерстве с японским Nissan она смогла представить свой первый автомобиль на международный рынок, хоть он и был лицензированным клоном Nissan Bluebird. Не выдержав конкуренции, Sae Nara уступила свое место Kia и Hyundai Motors. Несмотря на увеличение совокупного производства, масштабы его в общей картине были невелики: 6604 автомобиля в Южной Корее против почти 1,4 млн автомобилей в Японии [Ланьков, с. 336].

В период второй пятилетки (1967—1971 гг.) администрация Пак Чон Хи основное внимание уделяла развитию тяжелой промышленности. Теперь задачей для последней стало не импортозамещение, а продвижение продукции на международном рынке. Выделилось шесть отраслей, получивших приоритетную государственную поддержку: машиностроение, судостроение, электронная промышленность, нефтехимическая промышленность, черная и цветная металлургия. В этот период доля промышленности в ВВП выросла до 26,8 %, а экспорт с

645 млн долл. в 1967 г. до 2,9 млрд долл. в 1971 г. [Андрианов]. Реформы коснулись и деревни: формирование «Движения за новую деревню» (кор. «Сэмаыл Ундон»), хоть и не позволило полностью ликвидировать разрыв между городом и деревней, привело к формированию новой системы ценностей деревенских жителей. Во многом это стало возможным благодаря четко выстроенному плану обучения государственных управленцев: был создан специальный подготовительный центр, в котором приглашенные наставники из органов власти делились собственным опытом. При этом отбор в центры «Сэмаыл Ундон» был жестким: на обучение могли претендовать лишь те, за кого проголосуют большинство жителей деревни. Поощрялась инициатива: движение «Сэмаыл Ундон» поддерживало в первую очередь те территории, которые проявляли большую самостоятельность в решении собственных проблем. В конечном итоге, несмотря на все недостатки, «Движение за новую деревню» стало международным. Сейчас его отделения действуют в десяти государствах-членах ООН [Гладких, Чистякова]. Развивалась и дорожная система: строительство скоростной трассы Сеул—Пусан сократило дорогу между городами на 7 часов, и несмотря на критику условий и качества мероприятий стало мощным импульсом для модернизации и дальнейшего роста дорожно-транспортной системы Республики Кореи.

Развитие тяжелой промышленности во вторую пятилетку было обусловлено в том числе и ухудшающейся международной ситуацией: в 1966—1969 гг. в районе Корейской демилитаризованной зоны произошел ряд столкновений между КНДР и Республикой Корея. Кроме того, Северной Кореей в 1968 г. было захвачено американское разведывательное судно «Пуэбло». Это предопределило стремление Республики Кореи построить оборонную промышленность замкнутого цикла, отраженное в «Белой книге обороны», основополагающем документе, описывающем оборонную доктрину государства. В ней были определены основные цели: развитие НИОКР, реализация реформы снабжения и т. д. [Волошак].

Затрагивая экономические успехи, достигнутые в период первых пятилеток, нельзя игнорировать и национальную политическую повестку в те годы. До 1972 г. избирательные процессы проводились в условиях «имитационной демократии», как писал А.Н. Ланьков [Ланьков, с. 359—360]. Оппозиционные политические партии действовали, проводились альтернативные выборы. Был, разумеется, круг «табуированных» тем (так, запрещалось восхвалять Северную Корею и коммунистическую идеологию), но несмотря на это, «имитационная демократия» повторяет аналогичный западный образец, ибо ограничения в свободе слова, совести и печати присутствовали в том числе и в США в период холодной войны, особенно в начальные ее этапы (политика «маккартизма», расовая сегрегация и пр.), в XXI в. трансформировавшиеся в «культуру отмены» и движения по «защите прав» сексуальных и гендерных меньшинств, на деле лишь преследующих цель навязать свою волю большинству (BLM, SJW и др.). Неудивительно, что Соединенные Штаты предпочитали закрывать глаза на происходящее, пока в Республике Корея будет продолжаться борьба с «коммунистической чумой».

В 1972 г. по инициативе Пак Чон Хи была проведена конституционная реформа, законодательно утвердившая авторитарную диктатуру. В мировой историографии это событие получило название «поворот юсин». В переводе с корейского слово «юсин» означает «реформа», так что буквально можно понимать сложившийся порядок в государстве как «диктатуру реформ». Автор «корейского экономического чуда» стал пожизненным президентом, были отменены прямые общенациональные выборы, ужесточилась цензура, а против оппозиционеров вроде Ким Дэ Чжуна проводились полицейские операции.

«Диктатура реформ», хоть и привела к росту общественного недовольства, но способствовала еще большей мобилизации экономических ресурсов Южной Кореи в рамках подготовки и реализации третьего пятилетнего плана (1972—1976 гг.). В этот период упомянутые ранее шесть приоритетных отраслей промышленности стали частью обновленной структуры экспорта Южной Кореи. Кроме того, третья пятилетка характеризуется дальнейшим стимулированием и развитием компаний-чеболей. Проанализировав специфику деятельности этих компаний, можно сделать вывод, что основной их сферой активности как раз и являются те шесть отраслей. Неудивительно, что доля «чеболей» в ВВП страны к 1983 г. стала составлять 25 %, продолжив неуклонно расти [Кукла, с. 31].

В дополнение к оборонной доктрине Южной Кореи («Белой книге»), был принят план «Юльгок» на период с 1974 по 1992 г. На первом этапе главной задачей стало создание базового оборонного потенциала для защиты от предполагаемого вторжения КНДР, так что речь шла больше о производстве импортного боевого снаряжения и техники. Первым успехом «Юльгока» стало строительство завода по выпуску американской винтовки M16. В дальнейшем Южная Корея сделала упор на импортозамещение и выход на международный рынок вооружения. План «Юльгок» подразумевал модернизацию производства в нескольких направлениях: развитие человеческих ресурсов и обучение, выработка программ по совершенствованию гражданских отраслей, связанных с производством вооружения, строительство промышленных комплексов с целью налаживания массового производства дешевого вооружения, а также выработка законодательных и институциональных механизмов партнерства государственного и частного секторов [Волошак]. На фоне сокращения военной помощи США в 1973 г. был создан Государственный инвестиционный фонд, а также введен налог на финансирование оборонных нужд. Студенты, задействованные после окончания обучения на оборонных производствах, помимо прочих льгот освобождались от воинской службы, как и квалифицированные специалисты. К выполнению государственного заказа привлекались и компании-чеболи (Samsung, Daewoo, Hyundai и др.). Все эти меры в дальнейшем привели к тому, что в конце 1970-х гг. Южная Корея вышла в число крупнейших стран по экспорту вооружения в развивающиеся страны [Экспорт вооружения. Страны — статистика по годам (1979)]. Теперь республика могла предложить не только производимое на своей территории американское вооружение, но и отечественные образцы (автомат Daewoo K11, танк K1 и др.).

Можно сделать вывод о том, что компании-«чеболи» стали важным инструментом в руках режима Пак Чон Хи. Сложился уникальный симбиоз авторитар-

ного государства и частной инициативы, в котором один компонент не мог функционировать без другого. Занимая значительное место в экономике Южной Кореи, «чеболи» сводили на нет рыночную конкуренцию со стороны малого бизнеса. Но за такое выгодное положение им приходилось жертвовать частью своей свободы. Развитие компаний подобного типа было выгодно центральной власти: если раньше бизнес-элита управляла действиями правительства, то Пак Чон Хи, напротив, подчинил крупных бизнесменов («патриархов» «чеболей») себе, заставив их подписать соглашение о готовности пожертвовать частью своего имущества для «национального возрождения страны». В этом и заключалась выгода для Республики Кореи. Не выполняя государственный заказ и производственные планы, «чеболи» могли столкнуться с рыночными «трудностями» (штрафами, репрессиями). В случае выполнения экономических планов «чеболям» не только позволяли дальше наращивать прибыль, но и оказывали приоритетную поддержку в вопросах трудовых отношений. В какой-то мере частично принудительный характер работы «чеболей» скорее стал для них стимулом к модернизации своих производственных мощностей и собственному развитию не только на внутреннем, но и на внешнем рынке.

В машиностроении сформировалась контролируемая государством олигополия: производить автомобили разрешалось трем компаниям: Hyundai, Kia и Daewoo. В обмен на преференции от правительства те обязывались исполнять производственные планы: 50 тыс. машин в год на каждую фирму. Кроме того, компании вынуждены были следовать в русле протекционизма: не менее 90 % комплектующих для автомобилей должны были быть произведены в Южной Корее [Жилина].

Реализация четвертого пятилетнего плана (1977—1981 гг.), несмотря на провалы и неудачи (перекося в сторону тяжелой промышленности, уменьшение поддержки малого и среднего бизнеса), привела к росту объема экспорта с 10 млрд долл. в 1977 г. до 20,8 млрд долл. в 1981 г. ВВП на душу населения в этот же период вырос с 1043 долл. до 1826 долл. Данные показатели свидетельствуют об относительном успехе экономического планирования, особенно с учетом второго мирового нефтяного кризиса и экономической нестабильности, вызванной им.

Несмотря на ряд издержек и негативных последствий (рост внешнего долга, а позднее и экономический кризис в 1990-е гг.), была сформирована стабильная модель, основанная на трех «китах» — экспорт, инвестиции и «чеболи». Формирование тесных связей между государством и бизнесом привело к росту доли тяжелой промышленности в экономике, а также внедрению технологических инноваций. Все эти успехи были также обусловлены авторитарным характером режима Пак Чон Хи: именно при такой модели удалось обеспечить долгосрочное экономическое планирование: не существовало никаких противовесов в виде влиятельных оппозиционных сил (хотя до 1972 г. «альтернативные» партии были, но де-факто они не могли ничего противопоставить правящей верхушке). В условиях отсутствия свободного выбора южнокорейские чиновники были сконцентрированы на выполнении директивно поставленных целей и задач, а не на политической борьбе и интригах.

Даже после смерти Пак Чон Хи начатые им реформы были продолжены его преемниками. Несмотря на ряд изъянов (монополизация южнокорейского рынка «чеболями», ориентация на зарубежные инвестиции, «долговой» характер экономики), администрацией Пак Чон Хи был заложен прочный базис для становления самодостаточной экономики Южной Кореи. Южнокорейский пример экономического успеха, основанного на авторитарном стиле руководства, никак не коррелируется с точкой зрения экономистов Д. Аджемоглу и Дж. Робинсона. Авторы в своей книге «Почему одни страны богатые, а другие бедные» отмечают, что предоставление широким слоям экономических и политических прав стимулирует инновации и приводит экономику страны к процветанию [Аджемоглу, Робинсон, с. 485—486]. Пример же «корейского экономического чуда» говорит нам об обратном: экономический рост зависит от грамотного планирования и жесткого контроля за выполнением поставленных задач, а не от насаждения «свободы» и «демократии».

Библиографический список

Аджемоглу Д., Робинсон Д. Почему одни страны богатые, а другие бедные. Нью-Йорк: Crown Business, 2012. С. 546.

Андрианов В.Д. Роль государства в создании динамичной модели устойчивого развития в Южной Кореи. URL: <https://viperson.ru/articles/vladimir-andrianov-rol-gosudarstva-v-sozdanii-dinamichnoy-modeli-ustoychivogo-razvitiya-v-yuzhnoy-koree> (дата обращения: 20.11.2024).

Валовой национальный продукт Южной Кореи (ВНП) (1960—2024). URL: <https://www.ceicdata.com/en/indicator/korea/gross-national-product> (дата обращения: 20.11.2024).

Волошак В. Военная политика Республики Корея в период правления Пак Чонхи (1961—1979 гг.): от войны во Вьетнаме к «самостоятельной обороне». URL: <https://vostokoriens.jes.su/s086919080014177-1-1/> (дата обращения: 20.11.2024).

Гафуров Б.Г., Ванин Ю.В., Казакевич Н.С., Ким Г.Ф., Пак М.Н., Тихомиров В.Д., Шабшина Ф.И., Шипаев В.И. История Кореи (с древнейших времён до наших дней). том 2. М.: Издательство «Наука», 1974. С. 481.

Гладких Н., Чистякова К. Движение за новую деревню: южнокорейский опыт в развитии сельских территорий. Позитивные изменения. URL: <https://doi.org/10.55140/2782-5817-2022-2-4-96-101> (дата обращения: 20.11.2024).

Ермолаева Е.М. Роль идеологии в политических режимах Ли Сынмана и Пак Чонхи (Республика Корея в 1948—1979). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-ideologii-v-politicheskikh-rezhimah-li-synmana-i-pak-chonhi-respublika-koreya-v-1948-1979-gg> (дата обращения: 20.11.2024).

Жилина Е. История автоиндустрии в Кореи: от небольшого завода к мировому гиганту. URL: <https://somanyhorses.ru/istoriya-avtoindustrii-v-koree-ot-nebolshogo-zavoda-k-mirovomu-gigantu> (дата обращения: 22.11.2024).

Кукла М.П. Экономика Республики Корея: учебник. Владивосток: Издательство Дальневосточного федерального университета, 2022. 246 с.

Курбанов С.О. История Кореи с древности до начала XXI века. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2018. С. 745.

Курмызов А.Г. Возрождение «славного прошлого» в Республике Корея в период правления Пак Чон Хи. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vozrozhdenie-slavnogo-proshlogo-v-respublike-koreya-v-period-pravleniya-pak-chon-hi> (дата обращения: 20.11.2024).

Ланьков А.Н. «Не только кимчхи: история, культура и повседневная жизнь Кореи». М.: Альпина нон-фикшн, 2024. С. 608.

Торкунов А.В., Денисов В.И., Ли В.Ф. Корейский полуостров. Метаморфозы послевоенной истории. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2008, С. 450.

Экспорт вооружения. Страны — статистика по годам (1979). URL: <https://statbase.ru/datasets/military/arms-export/?year=1979&frmreq=298975&sproc=sum&filter=&sort=> (дата обращения: 03.07.2025).

References

Acemoğlu D., Robinson J.A. Pochemu odni strany' bogaty'e, a drugie bedny'e [Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity, and Poverty]. New York: Crown Business, 2012. 546 p. (In Russ.).

Andrianov V.D. Rol' gosudarstva v sozdanii dinamichnoj modeli ustojchivogo razvitiya v Yuzhnoj Koree [The role of the state in creating a dynamic model of sustainable development in South Korea]. URL: <https://viperson.ru/articles/vladimir-andrianov-rol-gosudarstva-v-sozdanii-dinamichnoj-mode-li-ustojchivogo-razvitiya-v-yuzhnoy-koree> (accessed: 20.11.2024). (In Russ.).

Eksport vooruzheniya. Strany — statistika po godam [Export of weapons. Countries — statistics by year (1979)] (accessed: 03.07.2025). (In Russ.).

Ermolaeva E.M. Rol' ideologii v politicheskikh rezhimah Rhee Syng Man i Park Chung Hee [The Role of ideology in political regimes of Rhee Syng Man and Park Chung Hee, Republic of Korea in 1948—1979]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-ideologii-v-politicheskikh-rezhimah-li-synn-ana-i-pak-chonhi-respublika-koreya-v-1948-1979-gg> (accessed: 20.11.2024). (In Russ.).

Gafurov B.G., Vanin Y.U.V., Kazakevich N.S., Kim G.F., Pak M.N., Tikhomirov D.D., Shabshina F.I.I., Sipaev V.I. Istoriya Korei (s drevnejshix vremyon do nashix dnei) [Korea's history (from the earliest times to our days)], vol. 2. Moscow: "Science" Establishment, 1974. 481 p. (In Russ.).

Kukla M.P. E'konomika Respubliki Koreya: uchebnik [Economy of the Republic of Korea: textbook]. Vladivostok: Far Eastern Federal University Publishing House, 2022. 246 p. (In Russ.).

Kurbanov S.O. Istoriya Korei s drevnosti do nachala XXI veka [History of Korea from antiquity to the beginning of the 21st century]. SPbB: Publishing House of Saint-Petersburg University, 2018. 745 p. (In Russ.).

Kurmyzov A.G. Vozrozhdenie "slavnogo proshlogo" v Respublike Koreya v period pravleniya Park Jung Hee [The revival of the "Glorious past" in the Republic of Korea under Park Jung Hee]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vozrozhdenie-slavnogo-proshlogo-v-respublike-koreya-v-period-pravleniya-pak-chon-hi>. (accessed: 20.11.2024). (In Russ.).

Lankov A.N. "Ne tol'ko kimchxi: istoriya, kul'tura i povsednevnaya zhizn' Korei" ["Not only kimchhi: history, culture and everyday life of Korea"]. Moscow: Alpina no-fikshn, 2024. 608 p. (In Russ.).

Lishevich H., Chidryakova K. Dvizhenie za novuyu derevnyu: yuzhnokorejskij opyt v razviti sel'skix territorij. Pozitivny'e izmeneniya [Movement for a new village: South Korean experience in rural development. Positive changes]. URL: <https://doi.org/10.55140/2782-5817-2022-2-4-96-101> (accessed: 20.11.2024). (In Russ.).

Torkunov A.V., Denisov V.I., Li V.F. Korejskij poluostrov. Metamorfozy poslevoennoj istorii. [The Korean peninsula: essays of the post second world war history]. Moscow: OLMA Media Group, 2008, 450 p. (In Russ.).

Valovoj nacional'ny'j produkt Yuzhnoj Korei (VNP) (1960—2024) [South Korea's gross national product (GNP) (1960—2024)]. URL: <https://www.ceicdata.com/en/indicator/korea/gross-national-product>. (accessed: 20.11.2024). (In Russ.).

Voloshak V. Voennaya politika Respubliki Koreya v period pravleniya Park Chung-hee (1961—1979 gg.): ot vojny' vo V'etname k "samostoyatel'noj oborone"[The military policy of the Republic of Korea during the period of Park Chung-hee's rule (1961—1979): from the war in Vietnam to "self-defense"]. URL: <https://vostokoriens.jes.su/s086919080014177-1-1/> (accessed: 20.11.2024). (In Russ.).

Zhilina E. Istoriya avtoindustrii v Koree: ot nebol'shogo zavoda k mirovomu gigantu [The history of the automotive industry in Korea: from a small factory to a global giant]. URL: <https://somanymhorses.ru/istoriya-avtoindustrii-v-koree-ot-nebolshogo-zavoda-k-mirovomu-gigantu> (accessed: 22.11.2024). (In Russ.).

Поступила в редакцию: 09.04.2025

Принята к публикации: 21.06.2025

Received: Apr 9, 2025

Accepted: June 21, 2025

А.Ф. Каминская

Правовое регулирование ювелирной отрасли в Таиланде

Аннотация. Статья посвящена анализу развития правовых основ регулирования ювелирной промышленности в Таиланде, начиная с первых законодательных актов, регулирующих добычу драгоценных камней и металлов, заканчивая принятыми правительством мерами по поддержке отрасли. Основное внимание уделено правовым аспектам, включая ограничения для иностранных инвесторов, а также стратегиям правительства по стимулированию экспорта и привлечению иностранного капитала. Рассматриваются ключевые инициативы, такие как создание свободных экономических зон (например, Гемополис), предоставление налоговых льгот и развитие человеческого капитала через специализированные учебные заведения. Статья также анализирует роль Таиланда в глобальной цепочке добавленной стоимости ювелирной продукции, подчеркивая его позицию как центра огранки и обработки драгоценных камней. Особое внимание уделено вызовам, с которыми сталкивается отрасль, включая нехватку сырья, бюрократические барьеры и коррупцию. В заключение отмечается, что комплексный подход Таиланда к развитию ювелирной индустрии, сочетающий законодательные, экономические и образовательные меры, способствует укреплению его позиций на мировом рынке.

Ключевые слова: Таиланд, ювелирная отрасль, правовое регулирование.

Авторы: Каминская Анастасия Федоровна, студент Института стран Азии и Африки, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова; старший лаборант Центра российской стратегии в Азии Института Экономики Российской Академии наук. ORCID: 0009-0005-8265-5848.
E-mail: kaminskaya@inecon.ru

Для цитирования: Каминская А.Ф. Правовое регулирование ювелирной отрасли в Таиланде // Современная Азия: политика, экономика, общество. 2025. № 2. С. 16—25. DOI: 10.48647/ICCA.2025.39.70.002.

A.F. Kaminskaya

Legal regulation of the jewellery industry in Thailand

Abstract. The article analyses the development of the legal framework for regulating the jewellery industry in Thailand, from the first legislative acts regulating the mining of precious stones and metals to the measures taken by the government to support the industry. The focus is on legal aspects, including restrictions on foreign investment, as well as the government's strategies to promote exports and attract foreign capital. Key initiatives such as the establishment of free economic zones (e.g. Gemopolis), tax incentives and human capital development through specialised educational institutions are reviewed. The article also analyses Thailand's role in the global jewellery value chain, highlighting its position as a centre for gemstone cutting and processing. Particular attention is paid to the challenges faced by the industry, including raw material shorta-

ges, bureaucratic barriers and corruption. It concludes by noting that Thailand's comprehensive approach to the development of its jewellery industry, combining legislative, economic and educational measures, is helping to strengthen its position in the global market.

Keywords: Thailand, jewellery industry, legal regulation.

Author: Kaminskaya Anastasia F., student of the Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University; senior laboratory assistant at the Centre for Russian Strategy in Asia, Institute of Economics, Russian Academy of Sciences.
ORCID: 0009-0005-8265-5848. E-mail: kaminskaya@inecon.ru

For citation: Kaminskaya A.F. Legal regulation of the jewellery industry in Thailand. *Sovremennaya Aziya: Politika, Ekonomika, Obshchestvo* [Modern Asia: Politics, Economy, Society], 2025, no. 2, pp. 16—25. (In Russ.). DOI: 10.48647/ICCA.2025.39.70.002.

Первый закон, контролирующий добычу драгоценных камней и металлов, появился в Таиланде в 1901 г. Спустя 10 лет был издан Закон о добыче полезных ископаемых Сиам¹, в который была внесена важная поправка. К ведению деятельности по разработке полезных ископаемых в Таиланде допускаются преимущественно граждане страны [Keller, p. 186—196]. Спустя несколько переизданий закона это правило сохранилось в обновленном Законе о полезных ископаемых 2017 г., действующем по сей день. В целом, в Таиланде действует Закон о привлечении инвестиций, который обеспечивает правовую и административную основу для предоставления инвестиционных льгот с целью поощрения инвестиций в различные отрасли экономики, в том числе в сферу добычи полезных ископаемых [Investment policy and regulatory review. 2022]. Продвижением инвестиционных возможностей в Таиланде занимается правительственная организация — Совет по инвестициям (Board of Investment). Организация стимулирует рост бизнеса и развития экономики страны путем популяризации инвестиционных вложений в королевство, предоставляя иностранным инвесторам большое количество налоговых и неналоговых льгот [Khonsu Legal. Khonsu Law], включающих в себя и снижение или отмену импортных пошлин на ввоз техники и оборудования, используемого для огранки драгоценных камней и т. д.; освобождение от импортных пошлин на сырье, необходимое для производства экспортной продукции; освобождение от уплаты налога на прибыль от 3 до 8 лет и возможность его снижения до 50 % по прошествии пятилетнего периода; двойной вычет из налогооблагаемого дохода по транспортным расходам и расходам, связанным с электричеством на 10 лет, и так далее [Mining in Thailand. An Investment Guide, 2009].

Политика правительства Таиланда не предусматривает предоставление прав на добычу полезных ископаемых иностранным гражданам и иностранным ком-

¹ Королевство Таиланд называлось Сиамом до 1939 г., когда произошло его переименование в Таиланд в 1939 году. Смена названия была инициирована тогдашним премьер-министром Пхихуном Сонгкхрамом с целью развития чувства национальной идентичности и единства. Слово «Таиланд» переводится как «земля свободных», и выбранное название подчеркивало то, что королевство никогда не было колонизировано, в отличие от его соседей.

паниям. Последние, согласно тайскому законодательству, — это те компании, в которых право собственности иностранных граждан составляет более 49 % [Understanding the Foreign Business Act in Thailand. 2022]. Однако существует возможность предоставить права на добычу полезных ископаемых иностранной фирме по специальному соглашению. Компании могут оперировать на рынке Таиланда при условии получения лицензии, что закреплено в специальном соглашении, выдаваемом Министром торговли с одобрения Кабинета министров при соблюдении Закона о внешнем бизнесе [Hamada]. В данном случае присутствие тайского капитала в компании может составлять 40 % или даже 25 % в особых случаях, а две пятые совета директоров должны быть лицами с тайским гражданством [Mining in Thailand. An Investment Guide. 2009].

Что касается соотношения форм собственности, то в Таиланде право добычи полезных ископаемых имеют как государственные, так и частные компании. Большинство организаций по добыче и переработке полезных ископаемых в Таиланде находятся в частной собственности [Ji Won Moon].

Закон о добыче полезных ископаемых допускает к добыче и частный тайский капитал, не аффилированный с государством [E.T. Hunt Talmage]. Так, к примеру, большое количество компаний, осуществляющих добычу рубинов и сапфиров в провинциях Трат и Чантабури принадлежат тайскому частному капиталу. Эти компании, как правило, являются первым звеном производственной цепочки, выступая поставщиками драгоценных камней более крупным компаниям, осуществляющим огранку камней и дальнейшую продажу, а также сотрудничают с многими транснациональными компаниями, такими как Pandora [Chowdhury A.R.] и сайтхолдеры бриллиантового монополиста De Beers.

Компания «De Beers», являясь самым крупным мировым поставщиком бриллиантов и контролируя большую долю глобального рынка, будучи прайсмейкером, оперирует на тайском рынке. Однако свою деятельность она осуществляет не открыто. В Таиланде в 2013 г. было организовано совместное предприятие L.S. Jewelry Group и бельгийского сайтхолдера, однако оно быстро закрылось и на данный момент в стране не появилось ни одного сайтхолдера [Kritchanchai, p. 55—64]. На данный момент в Таиланде находится по меньшей мере 6 заводов по огранке бриллиантов иностранных компаний-сайтхолдеров — Diarough Sourcing SA, IGC Group NV [Responsible Jewellery Council Certifies Igc Group Nv — Antwerp], KGK Diamonds SA Ltd, Pluczenik Diamond Company NV, Premier Diamond Alliance LLC и Rosy Blue NV. Первые две, четвертая и шестая были основаны в Бельгии, третья — в Гонконге, пятая — в США. Таким образом, Таиланд выступает как место огранки бриллиантов, находится на промежуточной стадии цепочки добавленной стоимости, ведущей в Европу. Особой тайской характерной чертой является изобретенная в Таиланде форма огранки — «сердце и стрела», которая применяется вышеперечисленными компаниями. Вместе с тем Таиланд сталкивается с определенными трудностями в отрасли. Прежде всего, отмечается нехватка необходимого сырья — необработанных бриллиантов. 90 % обработанных бриллиантов отправляются на рынки высокого класса, и оставшаяся часть реализуется внутри страны — отправляется в оптовые и розничные магазины или на фабрики по производству украшений [Responsible Jewellery

Council]. Таким образом, выходит, что большая часть тайский ограненных бриллиантов используется в изделиях бельгийских или других иностранных ювелирных домов.

Говоря об инвестициях в сферу добычи полезных ископаемых, следует отметить, что эта отрасль является ограниченной для иностранного капитала. Таиланд сделал это с целью балансирования между протекционистской политикой государства в сфере добычи полезных ископаемых и обеспечением притока иностранного капитала для механизации процесса добычи полезных ископаемых.

Кроме Закона о добыче полезных ископаемых, ювелирную индустрию регулируют многочисленные Распоряжения министерств и Королевские указы.

Королевские указы № 311, № 357 и № 556, а также Распоряжение министерства № 144 обеспечивают снижение налогового бремени на некоторую продукцию, необходимую для функционирования ювелирной индустрии. Так, налог на добавленную стоимость (НДС) на экспорт и импорт драгоценных камней, не использованных в украшениях, равен 0 %. Аналогичное исключение применяется к золоту, белому золоту, платине и палладию, который продается не в виде украшений. К примеру, золото в виде украшений облагается НДС в размере 7 %, а золото, которое не входит в состав какого-либо изделия, и составляет не менее 96,5 % от общей массы товара, не облагается налогом [Praphet khong thong kham thi yu nai kankuapkhum le bebthi kho yokven phasimunlakhapham dai]. Согласно Королевскому указу № 311, изданному в рамках Налогового кодекса, частные и юридические лица при продаже необработанных драгоценных камней частным лицам облагаются подоходным налогом в размере 1 % [Revenue Departmental Order No. Tor Por 4/2528]. После уплаты подоходного налога налог на продажу ювелирных изделий не уплачивается отдельно [Praphet khong thong kham thi yu nai kankuapkhum le bebthi kho yokven phasimunlakhapham dai]. Сравнивая политику правительства Таиланда в остальных отраслях, можно отметить, что список товаров, освобожденных от НДС, невелик. Эти льготы касаются отрасли сельского хозяйства, медицины, а также некоторых товаров, используемых для образовательного процесса [Value Added Tax (VAT) in Thailand].

Практика поддержки отрасли путем снижения импортных пошлин используется в Таиланде довольно давно. Еще в 1977 г. были отменены импортные пошлины на нешлифованные драгоценные камни и алмазы. Так правительство демонстрировало поддержку тайских огранщиков и стимулировало развитие сферы огранки. Подобные действия со стороны государства свидетельствуют о том, что Таиланд избрал экспортоориентированную модель развития отрасли. Это объясняется рядом факторов.

Тайский внутренний рынок не мог выступить в качестве соразмерного объема производства отрасли рынка сбыта. Согласно теории иерархии потребностей А. Маслоу, люди удовлетворяют свои потребности, постепенно двигаясь от низших ступеней к высшим. Естественные потребности человека в пище и отдыхе стоят на первом уровне, и, не удовлетворив их, человек не может перейти к обеспечению следующих желаний. Покупка дорогостоящих украшений помогает удовлетворить потребность в уважении и признании, которая находится на четвертой ступени в иерархии. Уровень жизни населения королевства в тот период

не предусматривал траты на дорогостоящие ювелирные украшения. Так, одни из наиболее ранних статистических данных демонстрируют крайне высокий уровень бедности — 65,2 % в 1988 г. [Taking the pulse of poverty and inequality in Thailand]. В 1970—80 гг. тайский зажиточный средний класс только начал складываться, и был не настолько многочисленным, чтобы продавцы и производители ювелирных украшений имели возможность сбыта продукции на внутреннем рынке [Jomo K.S.]. И, безусловно, в этот период рынок покупателей ювелирных изделий в Таиланде не был сформирован, и население не смогло бы обеспечить необходимый для развития отрасли спрос.

Спустя три года были отменены импортные пошлины на ограненные бриллианты и драгоценные камни для обеспечения более постоянного притока драгоценных камней в отрасли производства ювелирных украшений, ведь Таиланд не так богат на драгоценные камни, как соседняя Мьянма. В 1994 г. были отменены ввозные пошлины на золото, а в 1999 г. и на серебро и платину [Vasikasin, p. 1—76]. Таким образом, почти все ключевые компоненты для развития ювелирного производства в стране могут быть импортированы по привлекательным ценам. Закупочные цены на драгоценные камни в ходе развития тайской ювелирной отрасли и налаживания цепочек производства менялись. В начале 1990-х гг. цены на бриллианты оставались на уровне 4,1 тыс. долл. за карат, топаз продавался по цене 400 долл. за карат, синие драгоценные камни оценивались от 125 до 350 долл. за карат, красные — 200—250 долл. [Shigley & Dirlam, p. 292—335].

Правительство обеспечило постоянный поток драгоценных камней и металлов в королевство и дало стимулы для развития ювелирных промыслов, огранки камней, создания украшений. Тайское правительство осознало весь потенциал индустрии и начало предпринимать действия по развитию отрасли в 1970-х гг.

Институциональную работу отрасли регулирует Министерство промышленности Таиланда, находящееся в подчинении Управления промышленности Таиланда. Среди ключевых видов деятельности Министерства — контроль промышленных зон, которые являются стратегически важными при функционировании отрасли. Создание таких зон должно было освободить производителей экспортной продукции от налогов на импортные ресурсы. Введение промышленных зон служило способом сокращения дефицита национальной торговли путем поощрения экспорта продукции обрабатывающей промышленности [The Asian Institute of Gemological Sciences (AIGS)].

Промышленные зоны делятся на два вида: общие промышленные зоны и свободная зона Управления промышленной недвижимостью (I-EA-T). Компании, имеющие заводы в этих зонах, получают налоговые и другие льготы. Свободная зона I-EA-T предоставляет большее количество привилегий для своих компаний: это и освобождение от импортных пошлин и НДС, акцизного налога на оборудование, сырье, и прочие, необходимые для производства товары.

Одной из таких зон является Гемополис (Gemopolis), которая представляет собой свободную экономическую зону ювелирной индустрии. Гемополис был основан в 1990 г. недалеко от главного аэропорта королевства — Суварнапхуми, и в 2008 г. получил статус СЭЗ. Он построен по кластерному принципу и состав-

ляет полную стоимостную цепочку: на территории зарегистрировано 120 предприятий, которые занимаются всеми этапами работы с ювелирными изделиями и от первичной обработки до упаковки и продажи продукции [Баронов].

В Таиланде действует политика по привлечению иностранных инвестиций, которую реализует Совет по инвестициям Таиланда (Board of investment). Эта организация предоставляет различные инвестиционные стимулы предпринимателям. Совет по инвестициям позволяет иностранным компаниям оперировать на территории Гемополиса, получая огромное количество привилегий при условии выполнения некоторых требований¹. Так, например, компания может получить освобождение от налога на прибыль на производственную деятельность от 4 до 7 лет; освобождение от импортных пошлин и НДС на сырье, промежуточные товары, оборудование и готовую продукцию; бессрочный период хранения вышеперечисленной продукции.

Наиболее благоприятный способ выхода иностранных компаний на тайский рынок ювелирной продукции — размещение своей компании в Гемополисе. Так как Управление промышленной недвижимостью предоставляет огромные льготы иностранным компаниям в этой СЭЗ, вплоть до владения землей вне территории Гемополиса. Во-первых, компании, расположенные в Гемополисе, могут состоять из капитала иностранных инвесторов на 100 %, в отличие от обычных 49 % вне зоны. Во-вторых, иностранные инвесторы имеют право владеть землей и имуществом в Гемополисе, а также другой собственностью, предназначенной для резидентов, экспертов и сотрудников руководителей вне зоны Гемополиса. В-третьих, лица, владеющие компанией внутри данной СЭЗ, имеют право на ускоренное получение разрешения на приглашение семьи и экспертов в страну. И, что немаловажно, они получают разрешение на вывоз иностранной валюты из страны [The Asian Institute of Gemological Sciences (AIGS)].

Вместе с тем открытие компании в Гемополисе представляет трудности. Прежде всего, существует определенный порядок регистрации компании, связанный с формальными запретами и требованиями. Первым этапом регистрации компании является поиск двух и более стейкхолдеров и учреждение минимального капитала — от 2 млн бат, или почти 60 тыс. долл. Второй этап включает в себя открытие банковского счета. Третий и завершающий этап, представляющий наибольшую сложность, — подача и получение заявки на использование земли и заявления о начале промышленной деятельности. Данный этап является наиболее затруднительным для компаний, поскольку Управление промышленной недвижимостью Таиланда выдает разрешения на осуществление деятельности в Гемополисе лишь небольшому количеству компаний. Получение одобрительного ответа от них достаточно затруднительно ввиду неопределенности принципов, по которым они отбирают претендентов. Более того, в данной сфере в Таиланде нередки случаи коррупции.

¹ Компании должны подать петиции в Совет по инвестициям и в Управление промышленной недвижимостью. Совет по инвестициям может обеспечить освобождение от налога на прибыль организаций, а Управление промышленной недвижимостью вправе освободить компанию от остальных обязательств.

Помимо этого, руководство страны приложило немалые усилия по созданию и развитию человеческого капитала в данной отрасли.

Кроме применения необычных технологий огранки камней, королевство, как уже было сказано, отличается высоким уровнем навыков местных ювелиров. Местные жители провинций, славящихся добычей драгоценных камней, имеют дело с камнями ежедневно на протяжении десятков лет. Безусловно, семейные мастерские, передающие свои особенные способы работы с камнями здесь нередки. На месторождениях существует практика, которой пользуются частные добытчики, — они платят компании или государству около 25 долл. ежемесячно и имеют право забрать себе все найденные камни. Это абсолютно не механизированный процесс, и он сопряжен с тяжелым физическим трудом. Зато камни, добытые в ходе работы, могут быть использованы для дальнейшей самостоятельной огранки или перепродажи.

Правительство и королевская семья Таиланда активно поддерживают ювелирную индустрию путем популяризации профессии огранщиков, геммологов и прочих сопряженных профессий. Навыкам обработки камней, знаниям в сфере геммологии можно обучиться в топовых университетах Таиланда — в Университете Чулалонгкорна [Chula Joins GIT to Advance Research for Thailand's Gem and Jewelry Industry], в Азиатском институте геммологических наук [The Asian Institute of Gemological Sciences (AIGS)], Геммологическом институте Америки, Институте торговли драгоценными камнями и т. д. [Bangkok: City of Gemology Schools]. Эти и другие школы дают возможность пройти краткие курсы по огранке камней, работы с ними и т. д. Так, например, в школе «Венеция Востока» в районе Правэт — традиционном месте огранки камней Бангкока, можно пройти краткие курсы гранильного мастерства [Venice of the East].

Принятые тайскими государственными институтами меры по развитию ювелирной индустрии носили многосторонний характер, охватывали различные отрасли. Таиланд развивает отрасль, делая новые шаги в экономической сфере, создавая условия для развития кадров, создавая высшие учебные институты по геммологии, разрабатывая правовую базу. Эти меры помогли Таиланду ускоренно приблизиться к становлению центром по торговле ювелирными изделиями и шлифованными камнями.

Библиографический список

Баронов В.И. Свободные экономические и офшорные зоны (экономико-правовые вопросы зарубежной и российской практики): учебное пособие / В.И. Баронов, Г.М. Костюнина. М.: Магистр; ИНФРА-М, 2013. 559 с.

Chowdhury A.R., Abid A. Hill of Gems, Gems of Labour — Mining in the Borderlands. 2018 // Kyoto review of Southeast Asia. URL: <https://kyotoreview.org/yav/gems-of-labour-mining-in-the-borderlands/> (дата обращения: 31.01.2025).

E.T. Hunt Talmage, III, Noraseth Ohpanayikool, Nuanporn Wechsuwanarux, Sawanee Gulthawatvichai and Tachatorn Vedchapun. In brief: mining rights and title in Thailand. // Mining 2021. URL: <https://www.lexology.com/library/detail.aspx?g=af815cb5-1882-467b-8cab-b8ef09681556> (дата обращения: 27.01.2025).

Hamada M. Mining in Thailand. 2018 // Lexology. URL: <https://www.lexology.com/library/detail.aspx?g=557a2cda-f3cf-461e-ba82-c7ba7530d719> (дата обращения: 26.01.2025).

Investment policy and regulatory review. 2022 // World bank group URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/099250201122357540/pdfP17393800d5ab40b90b37b0df5c794bbb73.pdf> (дата обращения: 20.01.2025).

Ji Won Moon, The Mineral Industry of Thailand. U.S. Geological survey Minerals Yearbook — 2020—2021. URL: <https://pubs.usgs.gov/myb/vol3/2020-21/myb3-2020-21-thailand.pdf> (дата обращения: 27.01.2025).

Keller Peter C. The Chanthaburi-Trat Gem Field // Thailand Gems & Gemology. 1982. No. 18 (4). P. 186—196.

Khonsu Legal. Khonsu Law. URL: <https://khonsulaw.com/boi> (дата обращения: 22.01.2025).

Kritchanchai D., Somboonwiwat T. Virtual Network for Diamond Supply Chain in Thailand // Operations & Supply Chain Management. 2011. No. 4 (1). P. 55—64.

Mining in Thailand. An Investment Guide. 2009 // Department of Primary Industries and Mines, Ministry of Industry, Thailand. URL: https://www.dpim.go.th/en/media/003_mine.pdf (дата обращения: 22.01.2025).

Mining in Thailand. An Investment Guide. 2009 // Department of Primary Industries and Mines, Ministry of Industry, Thailand. URL: https://www.dpim.go.th/en/media/003_mine.pdf (дата обращения: 27.01.2025).

Responsible Jewellery Council Certifies Igc Group Nv — Antwerp // Responsible Jewellery Council. 2013. URL: <https://www.responsiblejewellery.com/wp-content/uploads/News-Release-IGC-Group-NV-Antwerp-17.09.2013.pdf> (дата обращения: 05.02.2025).

Understanding the Foreign Business Act in Thailand. 2022 // BeLaws. URL: <https://belaws.com/thailand/foreign-business-act-in-thailand/> (дата обращения: 26.01.2025).

Bangkok: City of Gemology Schools // International Gem Society. URL: <https://www.gemsociety.org/article/bangkok-gemology-schools/> (дата обращения: 15.03.2025).

Chula Joins GIT to Advance Research for Thailand's Gem and Jewelry Industry // Chulalongkorn University news. 2023. URL: <https://www.chula.ac.th/en/news/118143/> (дата обращения: 15.03.2025).

Jomo K.S. Growth with Equity in East Asia? // Economic&Social Affairs. DESA Working Paper. 2006. No. 33. URL: https://www.un.org/esa/desa/papers/2006/wp33_2006.pdf (дата обращения: 11.02.2025).

Revenue Departmental Order No. Tor Por 4/2528 URL: https://www.rd.go.th/fileadmin/user_upload/kormor/eng/RDR_4.pdf (дата обращения: 05.02.2025).

Shigley J., Dirlam D., Laurs B., Boehm E., Bosshart G., Larson, W. Gem Localities Of the 1990s. // Gems & Gemology. 2000. No. 36. P. 292—335.

Taking the pulse of poverty and inequality in Thailand. // World Bank. URL: <https://www.worldbank.org/en/country/thailand/publication/taking-the-pulse-of-poverty-and-inequality-in-thailand> (дата обращения: 11.02.2025).

Tax Incentives for Supporting Jewel Business. URL: https://rd.go.th/fileadmin/user_upload/kormor/7_Jewel_Business.pdf (дата обращения: 05.02.2025).

The Asian Institute of Gemological Sciences (AIGS). URL: <https://www.aigsthailand.com/School-Overview-EN> (дата обращения: 15.03.2025).

Value Added Tax (VAT) in Thailand // Benoit&partners. 2024. URL: <https://benoit-partners.com/value-added-tax-vat-in-thailand/> (дата обращения: 11.02.2025).

Vasikasin P. Impact Assessment Of Export Processing Zone On Thailand's Gem And Jewelry Industry // Case Study: Gemopolis Free Zone. 2016. P. 1—76.

Venice of the East. URL: <https://www.veniceofeastgems.com> (дата обращения: 15.03.2025).

ประเภทของทองคำ ที่อยู่ในการควบคุมและแบบที่ขอยกเว้นภาษีมูลค่าเพิ่มได้ [Types of gold that are under control and the types that can be exempt from Value-added tax (VAT)]. Thailand mice one stop service, 2023. (In Thai).

References

Baronov V.I. Svobodnye ekonomicheskie i ofshornye zony (ekonomiko-pravovye voprosy zarubezhnoj i rossijskoj praktiki): uchebnoe posobie [Free economic and offshore zones (economic and legal issues of foreign and Russian practice): textbook], Moscow: Magister: INFRA-M, 2013, p. 559. (In Russ.).

Bangkok: City of Gemology Schools // International Gem Society. URL: <https://www.gemsociety.org/article/bangkok-gemology-schools/> (accessed: 15 March 2025).

Chowdhury A.R., Abid A. Hill of Gems, Gems of Labour — Mining in the Borderlands. 2018. Kyoto review of Southeast Asia. URL: <https://kyotoreview.org/yav/gems-of-labour-mining-in-the-borderlands/> (accessed: 31 January 2025).

Chula Joins GIT to Advance Research for Thailand's Gem and Jewelry Industry. Chulalongkorn University news. 2023. URL: <https://www.chula.ac.th/en/news/118143/> (accessed: 15 March 2025).

E.T. Hunt Talmage, III, Noraseth Ohpanayikool, Nuanporn Wechsuwanarux, Sawanee Gulthawatvichai and Tachatorn Vedchapun. In brief: mining rights and title in Thailand. Mining 2021. URL: <https://www.lexology.com/library/detail.aspx?g=af815cb5-1882-467b-8cab-b8ef09681556> (accessed: 27 January 2025).

Hamada M. Mining in Thailand. 2018. Lexology. URL: <https://www.lexology.com/library/detail.aspx?g=557a2cda-f3cf-461e-ba82-c7ba7530d719> (accessed: 26 January 2025).

Investment policy and regulatory review. 2022. World bank group URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/099250201122357540/pdfP17393800d5ab40b90b37b0df5c794bbb73.pdf> (accessed: 20 January 2025).

Ji Won Moon, The Mineral Industry of Thailand. U.S. Geological survey Minerals Yearbook — 2020—2021. URL: <https://pubs.usgs.gov/myb/vol3/2020-21/myb3-2020-21-thailand.pdf> (accessed: 27 January 2025).

Jomo K.S. Growth with Equity in East Asia? // Economic&Social Affairs. DESA Working Paper. 2006, no. 33. URL: https://www.un.org/esa/desa/papers/2006/wp33_2006.pdf (accessed: 11 February 2025).

Keller Peter C. The Chanthaburi-Trat Gem Field. Thailand. Gems & Gemology. 1982, no. 18 (4), p. 186—196.

Khonsu Legal. KhonsuLaw. URL: <https://khonsulaw.com/boi> (accessed: 22 January 2025).

Kritchanchai D., Somboonwiwat T. Virtual Network for Diamond Supply Chain in Thailand. Operations & Supply Chain Management. 2011, no. 4 (1), p. 55—64.

Mining in Thailand. An Investment Guide. 2009. Department of Primary Industries and Mines, Ministry of Industry, Thailand. URL:https://www.dpim.go.th/en/media/003_mine.pdf (accessed: 22 January 2025).

Mining in Thailand. An Investment Guide. 2009. Department of Primary Industries and Mines, Ministry of Industry, Thailand. URL:https://www.dpim.go.th/en/media/003_mine.pdf (accessed: 27 January 2025).

Responsible Jewellery Council Certifies Igc Group Nv — Antwerp. Responsible Jewellery Council. 2013. URL: <https://www.responsiblejewellery.com/wp-content/uploads/News-Release-IGC-Group-NV-Antwerp-17.09.2013.pdf> (accessed: 05 February 2025).

Revenue Departmental Order No. Tor Por 4/2528 URL: https://www.rd.go.th/fileadmin/user_upload/kormor/eng/RDR_4.pdf (accessed: 05 February 2025).

Shigley J., Dirlam D., Laurs B., Boehm E., Bosshart G., Larson, W. Gem Localities Of the 1990s. *Gems & Gemology*, 2000, no. 36, p. 292—335.

Taking the pulse of poverty and inequality in Thailand. World Bank. URL: <https://www.worldbank.org/en/country/thailand/publication/taking-the-pulse-of-poverty-and-inequality-in-thailand> (accessed: 11 February 2025).

Tax Incentives for Supporting Jewel Business. URL: https://rd.go.th/fileadmin/user_upload/kormor/7_Jewel_Business.pdf (accessed: 05 February 2025).

The Asian Institute of Gemological Sciences (AIGS) URL: <https://www.aigsthailand.com/School-Overview-EN> (accessed: 15 March 2025).

Understanding the Foreign Business Act in Thailand. 2022. BeLaws. URL: <https://belaws.com/thailand/foreign-business-act-in-thailand/> (accessed: 26 January 2025).

Value Added Tax (VAT) in Thailand. Benoit&partners. 2024. URL: <https://benoit-partners.com/value-added-tax-vat-in-thailand/> (accessed: 11 February 2025).

Vasikasin P. Impact Assessment Of Export Processing Zone On Thailand's Gem And Jewelry Industry. Case Study: Gemopolis Free Zone, 2016, p. 1—76.

Venice of the East. URL: <https://www.veniceofeastgems.com> (accessed: 15 March 2025).

ประเภทของทองคำ ที่อยู่ในการควบคุมและแบบที่ขอยกเว้นภาษีมูลค่าเพิ่มได้ [Types of gold that are under control and the types that can be exempt from Value-added tax (VAT)]. Thailand mice one stop service, 2023. (In Thai).

Поступила в редакцию: 19.03.2025

Принята к публикации: 08.07.2025

Received: Mar 19, 2025

Accepted: July 08, 2025

А.Д. Александрова

Пять специальных типов современной китайской корпоративной культуры

Аннотация. В результате начатой политики реформ и открытости, в Китае были сформированы пять специальных типов китайской корпоративной культуры, которые активно развиваются и в настоящее время. В последнее время компании и предприятия стараются активнее развивать корпоративную культуру в своих организациях, так как развитие корпоративной культуры оказывает положительное влияние на имидж компании. Кроме того, в основных задачах плана экономического и социального развития в Китае на 2025 г., была отмечена необходимость последовательно оптимизировать бизнес-среду и стимулировать развитие и процветание культуры, подчеркивая значимость развития корпоративной культуры для экономики КНР.

В статье будут рассмотрены особенности корпоративной культуры на примерах пяти китайских компаниях и предприятиях.

Ключевые слова: корпоративная культура, Китай, 5 типов, государственная предпринимательская культура, корпоративная культура коллективной собственности, культура совместных предприятий, культура частного предпринимательства, корпоративная культура смешанного владения.

Автор: Александрова Анна Дмитриевна, научный сотрудник Центра социально-экономических исследований Китая, Институт Китая и современной Азии РАН. ORCID: 0000-0003-4308-4673. E-mail: alexaann007@yandex.ru

Для цитирования: Александрова А.Д. Пять специальных типов современной китайской корпоративной культуры // Современная Азия: политика, экономика, общество. 2025. № 2. С. 26—31. DOI: 10.48647/ICCA.2025.68.49.003.

A.D.Alexandrova

Five Special Types of Modern Chinese Corporate culture

Abstract. As a result of the initiated policy of reform and openness, five special types of Chinese corporate culture have been formed in China, which are actively developing at the present time. Recently, companies and enterprises have been trying to actively develop corporate culture in their organizations, as the development of corporate culture has a positive impact on the company's image. In addition, the main objectives of Chi-

na's economic and social development plan for 2025 highlighted the need to consistently optimize the business environment and stimulate the development and prosperity of culture, emphasizing the importance of developing corporate culture for the Chinese economy. The article will examine the features of corporate culture using the examples of five Chinese companies and enterprises.

Keywords: corporate culture, China, five special types, state entrepreneurial culture, corporate culture of collective ownership, culture of joint ventures, culture of private entrepreneurship, corporate culture of mixed ownership.

Author: Alexandrova Anna D., Researcher of the Center for Chinese Economy and Social Studies, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences. ORCID: 0000-0003-4308-4673. E-mail: alexaann007@yandex.ru

For citation: Alexandrova A.D. Five Special Types of Modern Chinese Corporate culture. *Sovremennaya Aziya: Politika, Ekonomika, Obshchestvo* [Modern Asia: Politics, Economy, Society], 2025, no. 2, pp. 26—31. (In Russ.). DOI: 10.48647/ICCA.2025.68.49.003.

В результате политики реформ и открытости (改革开放), начатой по инициативе Коммунистической партии Китая (КПК), помимо экономического роста, стала активно развиваться и корпоративная культура внутри страны. Ее развитие можно разделить на три этапа:

1) с конца 1970-х до начала 1990-х гг. — внедрение и освоение иностранной корпоративной культуры, который связан с начатой политикой реформ и открытости;

2) с 1990-х гг. по начало XXI в. — интеграция китайских и иностранных корпоративных культур¹. С появлением иностранных компаний в Китае происходит процесс взаимной интеграции и диалога;

3) с начала XXI в. до настоящего времени — постепенное формирование корпоративной культуры с китайской спецификой [Ван Ифэй, с. 86—91].

Было сформировано пять специальных типов современной китайской корпоративной культуры, которые существуют и в настоящее время: государственная предпринимательская культура, культура совместных предприятий, культура частного предпринимательства, корпоративная культура смешанного владения, корпоративная культура коллективной собственности [Ван Ифэй, 139]. В каждом из пяти типов существует свои особенности развития корпоративной культуры [Ищенко, с. 42—51]. Рассмотрим более подробно особенности корпоративной культуры на примерах конкретных организаций.

1. Китайская национальная нефтяная корпорация (CNPC) (Государственные предприятия — государственная предпринимательская культура). CNPC была создана 17 сентября 1988 г., штаб-квартира располагается в Пекине. В компании ценят и защищают законные права и интересы сотрудников, руководствуясь

¹ В июле 1979 г. на второй сессии Пятого Всекитайского собрания народных представителей Китая был принят первый закон об использовании иностранного капитала — «Законодательство о совместном предприятии с иностранными представителями». В 1978 г. компания Panasonic стала первым иностранным финансируемым предприятием, которое осуществляло свою деятельность в Китае [Ван Ифэй, 86—91]

принципом «люди превыше всего». Строго соблюдается Трудовое законодательство Китайской Народной Республики, поддерживается политика равенства в сфере занятости и предоставлении равных возможностей всем сотрудникам, независимо от их возраста, национальности, пола или религии [CNPC Annual Report 2022]. В рамках корпоративной культуры компания уделяет большое внимание обучению своих сотрудников и их карьерному росту, активно поощряется стремления сотрудников к повышению своей квалификации и профессионализма.

Согласно данным отчета за 2023 г., в компании работали 375,803 тыс. сотрудников, из которых: 20,625 тыс. человек (5.50 %) имеют степень магистра и выше, 146,737 тыс. человек (39,05 %) — бакалавриат, 82,665 тыс. человек (22.00 %) окончили политехнический колледж, а 125,716 тыс. человек (33,45 %) имеют среднее техническое образование и ниже [CNPC Annual Report 2023].

В CNPC было создано множество каналов для обратной связи с сотрудниками, многоуровневая коммуникация и обмен мнениями через группы представителей сотрудников и онлайн-взаимодействия, поощряя сотрудников участвовать в управлении производством и функционированием компании [CNPC Annual Report 2023]. Разработан дифференцированный подход к профессиональному обучению, основанный на анализе потребностей и инновационных формах обучения.

В 2022 г. Компания выпустила 14-й пятилетний план для сотрудников «Образование и профессиональная подготовка для обеспечения индивидуального обучения», а в рамках корпоративной культуры в 2023 г. было реализовано 53 000 обучающих программ на общую сумму 2,84 млрд юаней [CNPC Annual Report 2022; CNPC Annual Report 2023], в которых приняли участие 6,512 млн сотрудников.

2. FAW-Volkswagen (корпоративная культура совместных предприятий). FAW-Volkswagen — совместное предприятие FAW и Volkswagen, действующее с 6 февраля 1991 г. Штаб-квартира располагается в Китае, в г. Чанчунь. В отличие от корпоративной культуры CNPC, корпоративная культура таких компаний отражена в сочетании концепции бренда с культурой обслуживания. FAW-Volkswagen создала специальную сервисную станцию «четыре в одном», включающую продажи, обслуживание, аксессуары и обратную связь с информацией для своих клиентов. Такая станция обслуживания включает в себя клуб водителей, футбольный автомат, тренажерный зал, бильярд, настольный теннис и другие объекты, позволяющие клиентам получать дополнительные услуги с добавленной стоимостью в сфере развлечений. Таким образом, корпоративная культура направлена на взаимодействие с клиентами, анализ и удовлетворение их запросов.

3. Huawei (культура частного предпринимательства). Компания была основана в 1987 г., штаб-квартира находится в Китае, в г. Шэньчжэнь. В рамках корпоративной культуры в компании уделяется большое внимание карьерному росту. Huawei предлагает сотрудникам два различных карьерных пути: менеджера и эксперта. При переходе с одного пути на другой сотрудникам выплачивается денежное вознаграждение. Все работники регулярно проходят аттестацию по результатам работы, а также получают множество возможностей для обучения и карьерного роста [Huawei 2023 Annual Report]. Чтобы помочь новым сотрудни-

кам быстро освоиться на должностях, для них предусмотрено прохождение программ обучения и наставничества.

Кроме того, в компании предоставляются дополнительные льготы, например в области страхования. В 2023 г. Huawei инвестировала более 18,6 млрд юаней в выплаты сотрудникам по всему миру, чтобы обеспечить их всесторонней социальной защитой и конкурентоспособным коммерческим страхованием [Huawei 2023 Annual Report].

Корпоративная культура также регулирует и отношения в коллективе. В компании развита «культура волка», включающая в себя три признака. Первый — кровожадный. Сотрудники Huawei чрезвычайно агрессивны к конкурентам и могут оперативно реагировать на любые изменения в рыночной информации. Второй — устойчивость к трудностям. Каждый сотрудник Huawei бесстрашен перед трудностями и стремлении к прогрессу, какими бы сложными они ни были. Третий — это действие в командах. В Huawei особенно сильна атмосфера командного сотрудничества, людей поощряют за развитие и обмен личными мнениями друг с другом. В компании развита модель коллективного лидерства, при которой успех организации достигается путем всеобщего развития [The major organizational culture of Huawei Company].

Однако в данной компании существует свои особенности, которые не принято афишировать. Образно говоря, в компании два этажа, и сотрудники без китайских корней могут занимать только нижний этаж — независимо от того, где они находятся в официальной организационной структуре. Верхний уровень зарезервирован для экспатов, китайцев, которых отправляют из штаб-квартиры компании в Шэньчжэнь в дочерние фирмы по всему миру.

4. Ping An Insurance (Корпоративная культура предприятий смешанной собственности). Ping An Insurance была основана 27 мая 1988 г., штаб-квартира находится в Китае, в г. Шэньчжэнь. В компании соблюдаются права сотрудников (в том числе и гендерное равенство), борются с дискриминацией, травлей и домогательствами.

По данным отчета за 2023 г., в компании работал 288 751 сотрудник, из которых 237 019 — в главном и дочерних компаниях и 482 сотрудника, которые вышли на пенсию, но за которых главная и основные дочерние компании должны были нести расходы [Ping An Insurance Annual Report 2023]. В рамках корпоративной культуры уделяется большое внимание «стремлению к совершенству». В Ping An Insurance обращают большое внимание на эмоциональное состояние сотрудников: компания предоставляет им каналы для выражения своего мнения. Работники могут анонимно или в прямом эфире высказывать свою позицию по поводу работы в компании по различным каналам, в том числе во время общения со своим начальством, с отделом кадров, профсоюзом или по электронной почте. Кроме того, проводятся ежегодные опросы сотрудников об удовлетворенности работой [Ping An Insurance Annual Report 2023].

Руководствуясь философией «Знания создают ценность», компания мотивирует всех своих сотрудников к обучению при помощи создания «паспорта обучения», в котором каждый может управлять получением и использованием баллов за обучение.

Кроме того, своим сотрудникам компания предлагает гибкие условия труда и возможность удаленной работы, высококачественные обучающие курсы и мероприятия для сотрудников как в автономном режиме, так и онлайн.

5. Haier (корпоративная культура коллективной собственности). Китайская компания была основана в 1984 г., штаб-квартира находится в г. Циндао. В компании придерживаются философии «люди превыше всего», стремясь не только оборудовать для сотрудников рабочее место, но и создать уникальный микроклимат внутри коллектива. В рамках корпоративной культуры в Haier обращают внимание на защиту прав и благополучия работников, содействуют личностному росту и повышению благосостояния. По данным отчета за 2023 г., в компании работали 66 120 человек [Haier 2023 Environmental, Social and Governance Report]. В рамках корпоративной культуры в организации также уделяется большое внимание росту и развитию сотрудников («каждый может развиваться, и каждый заслуживает внимания»): впервые была внедрена модель управления «Рендан-хейи», направленная на стимулирование инициативы сотрудников, раскрытие их потенциала для достижения личных целей и открытий, а также на расширение возможностей для карьерного роста [Haier 2023 Environmental, Social and Governance Report]. В рамках данной модели были разработаны краткосрочная, среднесрочная и долгосрочная системы поощрения, основывающиеся на оценке трех ключевых показателей эффективности (доходе, распределении добавленной стоимости и равных стимулах), которые оцениваются ежемесячно и ежеквартально и напрямую взаимосвязаны с выплатой бонусов. Кроме того, в компании существует и целый ряд программ социального обеспечения, ориентированных на различные группы сотрудников, которые предоставляют широкий спектр льгот, в том числе на отдых, медицинское обслуживание, занятия спортом и т. д. [Haier 2023 Environmental, Social and Governance Report].

В 2023 г. в рамках корпоративной культуры компания организовала медицинскую взаимопомощь для 6044 сотрудников, а сумма субсидий составила более 160 000 юаней [Haier 2023 Environmental, Social and Governance Report].

Таким образом, развитию корпоративной культуры в представленных китайских компаниях уделяют большое внимание. С каждым годом акцентируется все больше и больше внимания на обучении сотрудников и их карьерном росте, в том числе и с применением различных инновационных программ, что оказывает положительное влияние не только на имидж компании (она становится более привлекательной для потенциальных кандидатов при трудоустройстве), но и при помощи различных нововведений, развитие корпоративной культуры отвечает плану экономического и социального развития Китая на 2025 г.

Библиографический список

Ван Ифэй. Корпоративная культура в контексте экономического и культурного развития Китая (1978—2000-е гг.) // Общество: философия, история, культура. 2018. № 7 (51). С. 86—91. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/korporativnaya-kultura-v-kontekste-ekonomicheskogo-i-kulturnogo-razvitiya-kitaya-1978-2000-e-gg> (дата обращения: 09.04.2024).

Ван Ифэй. Ценностно-ориентированное построение китайской корпоративной культуры // Культура и цивилизация. 2018. Том 8. № 6А. С. 37—48.

Ищенко Н.Л. Концептосфера корпоративной «философии» китайской компании // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2011. № 1. С. 42—51.

CNPC Annual Report 2022. URL: <https://www.cnpc.com.cn/en/csr2022enhmshn/202309/9dee582c8eee41f080db33a67106fcec/files/b07d5e8f28cd42da8b3937cdb64210bf.pdf> (accessed: 09.04.2024).

CNPC Annual Report 2023. URL: <https://www.cnpc.com.cn/en/2023enbyfgrme/202409/16a8ad5005ac4ab383a4f2bce8018177/files/bd9769e5d7ef4bfc91622072fa027702.pdf> (accessed: 20.04.2025)

Haier 2023 Environmental, Social and Governance Report. URL: <file:///C:/Users/alexa/Downloads/2023%20Environmental,%20Social%20and%20Governance%20Report.pdf> (accessed: 03.05.2025).

Huawei 2023 Annual Report. URL: https://www-file.huawei.com/minisite/media/annual_report/annual_report_2023_en.pdf (accessed: 22.04.2025).

Ping An Insurance Annual Report 2023. URL: <https://group.pingan.com/resource/pingan/IR-Docs/2024/pingan-ar23-report.pdf> (accessed: 20.04.2025).

The major organizational culture of Huawei Company. URL: <https://huaweico.wordpress.com/our-culture/> (accessed: 09.04.2024).

References

Ischenko N.L. Konceptosfera korporativnoi “filosofii” kitaiskoi kompanii [Conceptosphere of the corporate “philosophy” of the Chinese company]. *Vestnik NGU. Seriya: Lingvistika i mejkulturnaya kommunikaciya* [Bulletin of the NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication], 2011, no.1, p. 42—51. (In Russ.).

Wang Yifei Cennostno-orientirovannoe postroenie kitajskoj korporativnoj kul'tury [Value-oriented construction of Chinese corporate culture]. *Kul'tura i civilizaciya* [Culture and Civilization], 2018, vol. 8, no. 6 A (8), p. 37—48. (In Russ.).

Wang Yifei. Korporativnaya kultura v kontekste ekonomicheskogo i kulturnogo razvitiya Kitaya (1978—2000-e gg.) [Corporate Culture in the Context of China's Economic and Cultural Development (1978—2000)]. *Obschestvo: filosofiya, istoriya, kultura* [Society: philosophy, history, culture], 2018, no. 7(51), p. 86—91. (In Russ.).

CNPC Annual Report 2022. URL: <https://www.cnpc.com.cn/en/csr2022enhmshn/202309/9dee582c8eee41f080db33a67106fcec/files/b07d5e8f28cd42da8b3937cdb64210bf.pdf> (accessed: 09.04.2024).

CNPC Annual Report 2023. URL: <https://www.cnpc.com.cn/en/2023enbyfgrme/202409/16a8ad5005ac4ab383a4f2bce8018177/files/bd9769e5d7ef4bfc91622072fa027702.pdf> (accessed: 20.04.2025).

Haier 2023 Environmental, Social and Governance Report. URL: <file:///C:/Users/alexa/Downloads/2023%20Environmental,%20Social%20and%20Governance%20Report.pdf> (accessed: 03.05.2025).

Huawei 2023 Annual Report. URL: https://www-file.huawei.com/minisite/media/annual_report/annual_report_2023_en.pdf (accessed: 22.04.2025).

Ping An Insurance Annual Report 2023. URL: <https://group.pingan.com/resource/pingan/IR-Docs/2024/pingan-ar23-report.pdf> (accessed: 20.04.2025).

The major organizational culture of Huawei Company. URL: <https://huaweico.wordpress.com/our-culture/> (accessed: 09.04.2024).

С.Р. Белянина, М.А. Текотова

Анализ социально-исторического контекста казней в творчестве Мо Яня: «Смерть пахнет сандалом» и «Красный Гаолян»

Аннотация. В статье исследуется, как китайский писатель Мо Янь через изображение казней в романах «Смерть пахнет сандалом» и «Красный гаолян» раскрывает сложные взаимоотношения между властью и человеком. Анализируется, как исторические формы насилия становятся в его произведениях зеркалом социальных противоречий — от традиционного общества эпохи Цин до периода японской оккупации. Особое внимание уделяется художественному парадоксу: сочетанию жестокости казней с элементами народной культуры и ритуальной символики. Показывается, как через судьбы палачей и жертв Мо Янь ставит вопросы о природе насилия, сопротивления и цене человеческой жизни в условиях государственного и колониального гнета. Исследование вносит вклад в понимание специфики «нового историзма» Мо Яня, где документальная точность сочетается с мифопоэтическим осмыслением национальной истории.

Ключевые слова: Мо Янь, китайская литература, китайская история, современная литература, социальный контекст, исторический контекст, роман «Смерть пахнет сандалом», роман «Красный гаолян».

Авторы: *Белянина Софья Романовна, бакалавр третьего курса, Институт иностранных языков Московского государственного педагогического университета (ИИЯ МГПУ). E-mail: BelyaninaSR390@mgpu.ru*

Текотова Мария Алексеевна, бакалавр третьего курса, Институт иностранных языков Московского государственного педагогического университета (ИИЯ МГПУ). E-mail: TekotovaMA152@mgpu.ru

Научный руководитель:

Заклязьминская Е.О., доцент кафедры китайского языка, Институт иностранных языков Московского государственного педагогического университета (ИИЯ МГПУ). E-mail: zaklyazminskayaeo@mgpu.ru

Для цитирования: *Белянина С.Р., Текотова М.А. Анализ социально-исторического контекста казней в творчестве Мо Яня: «Смерть пахнет сандалом» и «Красный Гаолян» // Современная Азия: политика, экономика, общество. 2025. № 2. С. 32—44. DOI: 10.48647/ICCA.2025.57.33.004.*

S.R. Belyanina, M.A. Tekotova

Analysis of the social and historical context of executions in Mo Yan's works: “Sandalwood death and” and “Red Sorghum”

Abstract. This article explores how Chinese writer Mo Yan, through his depictions of executions in the novels “Sandalwood Death” and “Red Sorghum”, reveals the complex dynamics between authority and individuals. The study examines how historical forms of violence in his works reflect social contradictions—from traditional Qing so-

ciety to the period of Japanese occupation. Particular attention is given to the artistic paradox: the fusion of execution brutality with elements of folk culture and ritual symbolism. Through the fates of executioners and victims, Mo Yan raises profound questions about the nature of violence, resistance, and the value of human life under state and colonial oppression. The research contributes to understanding Mo Yan's distinctive "new historicism", where documentary precision blends with mythopoetic interpretations of national history.

Keywords: Mo Yan, Chinese literature, Chinese history, contemporary literature, social context, historical context, novel "Sandalwood death", novel "Red Sorghum".

Authors: *Belyanina Sofia R.*, bachelor of 3rd course year of the Institute of Foreign Languages of the Moscow City University. E-mail: BelyaninaSR390@mgpu.ru

Tekotova Maria A., bachelor of 3rd course year of the Institute of Foreign Languages of the Moscow City University. E-mail: TekotovaMA152@mgpu.ru

Research supervisor:

Zaklyazminskaya E. O., Associate Professor of the Chinese Language Department, Institute of Foreign Languages of the Moscow City University. E-mail: zaklyazminskayaeo@mgpu.ru

For citation: Belyanina S. R., Tekotova M. A. Analysis of the social and historical context of executions in Mo Yan's works: «Sandalwood death and» and «Red Sorghum». *Sovremennaya Aziya: Politika, Ekonomika, Obshchestvo* [Modern Asia: Politics, Economy, Society], 2025, no. 2, pp. 32–44. (In Russ.). DOI: 10.48647/ICCA.2025.57.33.004.

Китайский писатель Мо Янь, удостоенный Нобелевской премии по литературе в 2012 г., занимает особое место в современной мировой литературе благодаря способности глубоко осмысливать трагические стороны человеческого существования на фоне исторических потрясений. Его художественная манера соединяет элементы мифологического мировосприятия, фольклора и социальной критики, что делает его произведения насыщенными как в культурном, так и в политическом плане. Центральными темами в творчестве писателя нередко становятся насилие, страх, власть и их влияние на судьбы простых людей.

В статье рассматриваются два романа Мо Яня — «Смерть пахнет сандалом» и «Красный гаолян», действия которых проходят в начале XX в. В «Смерти, пахнувшей сандалом» внимание уделяется бюрократии и ритуалам исполнения приговора, в то время как в «Красном гаоляне» акцент делается на жестокости времени, где насилие становится способом выживания и самовыражения.

Авторы исследуют, как Мо Янь обращается к теме казни, чтобы отразить социальные противоречия, исторический контекст и одновременно подвергнуть критике власть и общественные нормы.

В Древнем Китае смертная казнь была одним из главных способов наказания, который помогал укреплять власть правителя и поддерживать порядок в обществе. В условиях зарождения и консолидации китайского государства правовые нормы постепенно систематизировались, что позволило сформировать уголовное право как самостоятельный институт. Уже в первом своде китайских уголовных законов был представлен перечень наказаний за наиболее тяжкие

преступления, среди которых значились клеймение лица раскаленным железом, отрезание носа, отсечение ног и смертная казнь [Бичурин 2002].

Особое влияние на уголовное право оказало конфуцианство, сформулированное в период VI—III вв. до н.э. Важной составляющей учения стала идея обожествления правителя, провозглашенного «сыном Неба», что требовало безусловного подчинения подданных и жесткого наказания за преступления против власти [Хайруллина 2018]. Конфуций развил концепцию государства как большой семьи, где правитель — отец, а подданные — его дети, что создало основу для жесткой социальной иерархии, где смертная казнь стала орудием контроля [Бертронг 2004].

Легисты в эпоху Чжаньго (V—III вв. до н.э.) проповедовали равенство перед законом и неотвратимость наказаний за преступления, что усилило применение смертной казни как средства устрашения и поддержания порядка. Со временем конфуцианство и легизм слились в ортодоксальное ханьское учение, в котором смертная казнь стала не только средством наказания, но и способом демонстрации могущества государства [Хайруллина 2018].

В Средневековом Китае применение смертной казни приобрело еще более жестокие формы. В VII в. был издан свод правовых норм «Тан люй шу и» (唐律疏议), который включал кодификацию преступлений и наказаний. В условиях укрепления деспотической власти императора смертная казнь превратилась в инструмент защиты императорской власти, что отражалось в жесткой регламентации любых посягательств на власть [Шапорева 2017].

Виды казней в этот период становились все более изощренными: преступников сжигали на кострах, разрывали колесницами, варили в котлах, распинали и закапывали живьем. В особо тяжелых случаях применялась казнь «пять видов наказаний» (五刑, у-син), включавшая клеймение, отрезание носа, отсечение конечностей и забивание до смерти. Голова преступника выставлялась на площади для всеобщего обозрения [Синицын 2018].

При вынесении приговора учитывалось сословное положение осужденного: представители знати могли исполнить приговор самостоятельно — через отравление или повешение, тогда как простолюдины подвергались публичной казни [Бичурин 2002]. В условиях централизации власти в эпоху Тан смертная казнь стала важным элементом поддержания общественного порядка и устранения потенциальных угроз государству, что соответствовало конфуцианской доктрине о необходимости сохранения социальной стабильности.

В период правления династии Цин (1644—1912) смертная казнь занимала центральное место в уголовной системе, отражая как правовые нормы, так и идеологические установки имперского Китая. Цинское законодательство, унаследовав и развив традиции предыдущих династий, предусматривало широкий перечень преступлений, караемых смертной казнью, включая государственную измену, убийство родителей и иные тяжкие преступления против морали и государственной власти [Даньшин 2022].

Суровость карательных мер была соразмерна степени опасности совершенного преступления. В категорию наиболее тяжких входили посягательства на им-

ператора, его приближенных и любые действия, направленные против государства [Шапорева 2018].

Особое место среди методов казни занимала линчи (凌迟) — «казнь тысячи усекновений», применявшаяся за особо тяжкие преступления вплоть до ее отмены в 1905 г. [Рожкова 2011]. Линчи представляла собой жестокий способ лишения жизни, при котором приговоренному наносились множественные раны, которые приводили к смерти. Этот метод казни имел не только карательный, но и демонстративный характер, направленный на устрашение населения и укрепление авторитета государственной власти. Художественное воплощение линчи мы находим в романе Мо Яня «Смерть пахнет сандалом», где процесс казни описан с пугающей натуралистичностью, подчеркивая как жестокость наказания, так и ритуализированный характер насилия в китайской традиции.

Публичное проведение казней, особенно таких, как линчи, обеспечивало их зрелищность и массовый характер, особенно в крупных городах.

В рамках цинской правовой системы была распространена практика коллективной ответственности. В случае преступлений против государства, в особенности государственной измены, наказанию подвергались не только виновные, но и их ближайшие родственники, включая женщин и детей. Эта мера служила проявлением идеи тотальной лояльности подданных к императору и средством профилактики мятежей.

Цинская система наказаний также отражала глубокую социальную стратификацию. Представители аристократии и чиновничества могли рассчитывать на более «почетные» и менее болезненные формы казни, включая дозволение совершить самоубийство, тогда как простолюдины и преступники низшего сословия чаще подвергались публичным и мучительным формам наказания. Это различие подчеркивало иерархический характер общества и обеспечивало воспроизводство социальной структуры.

В XIX в. под влиянием внутренних реформ и внешнего давления со стороны европейских держав началась постепенная трансформация уголовной политики. В 1905 г. линчи была официально отменена, что стало символом стремления к модернизации и гуманизации уголовного права. Несмотря на это, смертная казнь продолжала использоваться как важный инструмент государственной власти до самого конца существования Цинской империи в 1912 г.

Социально-исторические особенности эпохи Цин находят отражение не только в правовых документах, но и в литературе, где казнь предстает как выразительный символ власти, страха и общественной морали. Одним из произведений, в котором эти темы раскрываются с особой силой, является роман Мо Яня «Смерть пахнет сандалом».

«Смерть пахнет сандалом» (檀香刑, тансян син) — это историко-драматическое произведение, действие которого разворачивается в уезде Гаоми провинции Шаньдун начале XX в., на фоне восстания ихэтуаней и нарастающего давления со стороны западных держав. В центре сюжета — казнь народного бунтовщика и певца оперы маоцян Сунь Бина. Его должен казнить палач Чжао Цзя — сват Сунь Бина: его сын Чжао Сяоцзя, «большой мастер по части забоя собак и свиней, его хорошо знают во всем уезде Гаоми», женат на его дочери, Сунь Мэйнян.

Ситуация осложняется тем, что Сунь Мэйнян не только жена мясника, но и любовница уездного начальника Цянь Дина. Эта личная драма переплетается с политическим насилием, бюрократическим произволом и тем, как обычные люди становятся жертвами чужих решений и системы.

Роман построен в виде чередующихся монологов пяти персонажей: Сунь Мэйнян, Чжао Цзя, Чжао Сяоцзя, Цянь Дина и Сунь Бина. Мо Янь использует форму, напоминающую китайскую оперу: персонажи как будто поют свои мысли, что создает необычную, напряженную атмосферу. Через эти монологи раскрываются их чувства — боль, страх, вина, ненависть, а также отчаяние перед лицом казни, которая становится центральным событием книги.

«Смерть пахнет сандалом» — не просто рассказ о трагедии одной семьи, а размышление о том, как власть, насилие и традиции переплетаются в китайском обществе. Мо Янь показывает, как человеческие судьбы ломаются под давлением политики и как жестокость может быть узаконена и даже театрализована.

В дополнение к уже сказанному о периоде династии Цин и ее карательной системе важно отметить, что события в романе «Смерть пахнет сандалом» происходят в особенно сложный момент — на сломе эпох, когда традиционные китайские устои сталкивались с мощным внешним давлением и внутренними кризисами. Конец XIX — начало XX вв. в Китае — это не просто ослабление императорской власти, но и глубокий мировоззренческий кризис.

Одним из ключевых моментов, который усугублял обстановку в провинции Шаньдун, где разворачивается действие, были экономические трудности. Неурожаи, голод и общее обнищание населения создавали плодородную почву для социальных взрывов, каким и стало Ихэтуаньское восстание. Народное недовольство часто направлялось не только против иностранцев, чье экономическое и политическое присутствие ощущалось все сильнее, но и против местных властей, воспринимавшихся как несправедливые и коррумпированные. В таких условиях фигура бунтаря Сунь Бина обрела для одних черты героя, а для других — опасного преступника, подрывающего последние остатки порядка.

Жестокость «сандаловой казни», выбранной для Сунь Бина, в этом контексте приобретает дополнительное значение. Для цинских властей, чья легитимность стремительно падала, такие показательные и мучительные расправы были одной из последних возможностей продемонстрировать силу и попытаться удержать население в повиновении. Однако эффект мог быть и обратным, усиливая ненависть к режиму. Стоит также учитывать, что практика таких жестоких казней, как например линчи, уже вызывала осуждение не только за пределами Китая, но и среди части китайской интеллигенции, стремившейся к модернизации страны и реформе устаревших законов. Таким образом, описанная в романе казнь становится символом не только жестокости конкретного исторического периода, но и столкновения архаичных традиций с требованиями нового времени.

Чтобы увидеть, как именно Мо Янь вплетает эти сложные социально-исторические реалии в повествование и как они отражаются в судьбах и мыслях его героев, важно проанализировать отрывки непосредственно из романа «Смерть пахнет сандалом». Далее мы рассмотрим несколько показательных цитат, которые помогут глубже понять позицию автора и специфику изображения им эпохи.

В романе «Смерть пахнет сандалом» сцена казни разрубанием по пояснице описана очень ярко и детально. Автор показывает, как палачи всю ночь готовились к казни: «Бабушка самолично точил большой топор-сюаньхуа. [...] Старшая тетка и вторая тетка готовили деревянную колоду, веревки и тому подобное».

Казнь описана как жуткое и жестокое зрелище. Рабочий казначейства, которого должны казнить, сопротивляется. Он ведет себя как «бешеный бык», и палачам с трудом удается его уложить: «Старшая тетка спереди прижимал голову, вторая тетка сзади придерживал ноги». Толпа смотрит, кто-то поддерживает осужденного, кто-то кричит в ужасе.

Первый удар топора не убивает рабочего. Бабушка промахивается, и топор застревает в колоде: «Бабушка хотел вытащить топор, но удар получился слишком сильный, и топор вошел в колоду чересчур глубоко». Рабочий продолжает извиваться и кричать, кровь льется ручьем: «Лицо этого человека слепило желтизной, как листовое золото. Из рта, который вертелся из стороны в сторону, [...] вырывалась кровавая пена». В конце концов, подмастерье добывает его мечом, но даже после этого верхняя половина тела, осужденного продолжает двигаться. Автор сравнивает его со «стрекозой», которая может летать, даже если потеряет нижнюю часть тела: «Этот тип, вероятнее всего, в прошлом перерождении был стрекозой». Сцена казни «разрубания по пояснице» в романе «Смерть пахнет сандалом» показывает, как человеческое страдание становится публичным зрелищем.

В то время как «разрубание по пояснице» иллюстрирует хаос и физическую муку публичной казни, линчи представляет собой более изощренную форму жестокости, превращая насилие в орудие контроля. Мо Янь тем самым показывает многообразие методов наказания в начале XX в., в «Смерть пахнет сандалом» он пишет: «Клодт снова что-то пробормотал переводчику, и тот сказал: “Генерал-губернатор говорит, что Китай отстает во всем, но вот по казням он впереди всего мира. У китайцев в этом отношении особый талант”».

В главе «Шедевр» из романа «Смерть пахнет сандалом» описывается казнь через линчи — «пятьсот усекновений» — офицера Цянь Сюнфэя, осужденного за покушение на Юань Шикая. Сцена демонстрирует жестокость наказания. Палач Чжао Цзя, опытный мастер своего дела, впервые испытывает волнение перед казнью — тело осужденного кажется ему «идеальным», а его спокойствие и язвительная усмешка смущают палача. Каждый отсеченный кусок плоти демонстрируется зрителям, а помощник ведет счет. Первые удары наносятся по груди, затем — по гениталиям, что вызывает у Цянь Сюнфэя первый крик. «Вопли Цяня были ни на что не похожи. [...] От стенаний все присутствовавшие испытали глубочайшее потрясение».

Даже лишившись языка, осужденный продолжает проклинать Юань Шикая, что вынуждает палача ускорить процесс. К концу казни от тела Цяня почти ничего не остается, но Чжао Цзя доводит счет до пятисот, следуя ритуалу. «К этому времени жизнь в Цяне еле теплилась... внутренние органы выпирали наружу, кишки шевелились под кожей, как клубок змей». Последние удары — вырезание глаз и сердца — завершают казнь, но даже мертвые глаза Цяня, «испускающие мертво-бледные лучи», словно продолжают искать Юань Шикая в толпе.

Казнь представлена как тщательно спланированное действие, где палач — не просто исполнитель, а «художник», следующий древним техникам. Демонстрация отсеченной плоти зрителям подчеркивает, что цель наказания — не только смерть преступника, но и устрашение общества. Автор детально описывает, как тело Цянь Сюньфэя превращается в объект, лишенный личности: сначала палач видит в нем лишь «набор мышц и костей», затем — материал для «шедевра».

Казнь отражает абсурдность и лицемерие системы: Юань Шикай называет Цяня «талантом», но при этом санкционирует его мучительную смерть. Даже солдаты, привыкшие к крови, падают в обморок, что подчеркивает противоестественность такой жестокости.

Чжао Цзя, несмотря на свою профессиональную гордость, разрывается между долгом и человечностью. Его волнение перед «идеальным телом» Цяня и страх, когда тот кусает его, делают палача уязвимым, показывая, как насилие калечит не только жертву, но и исполнителя. Цянь Сюньфэй, в свою очередь, воплощает дух сопротивления. Его ругательства и стойкость, даже когда он теряет язык и куски тела, напоминают о Суне Бине, который через пение бросает вызов власти.

Сравнение казни с искусством («резьба по дереву», «выступление актера») создает противоречие между красотой исполнения и ужасом происходящего. Это побуждает задуматься о том, как общество поощряет насилие и превращает его в спектакль. Даже после смерти взгляд Цяня все еще направлен на Юань Шикая, символизируя непоколебимость духа осужденного человека. Это напоминает о том факте, что цель казни — сломить волю осужденного — не была достигнута; она лишь показала хрупкость власти, основанной на страхе.

В романе «Смерть пахнет сандалом» сцена казни линчи представляет собой форму демонстративного насилия, направленного на устрашение и подавление индивидуальной воли. Сам термин «сандаловая казнь» указывает на ритуализированную природу экзекуции, в которой использование сандалового дерева — материала, символически связанного с буддийскими и традиционно-китайскими обрядами, — вступает в резкое противоречие с актом крайней жестокости.

Сцена сандаловой казни Сунь Бина в романе «Смерть пахнет сандалом» представляет собой пример того, как в китайской традиции сакральные элементы могут сосуществовать с крайней степенью телесного насилия. Само название казни — «сандаловая» — уже отсылает к религиозной и культурной символике: сандаловое дерево традиционно ассоциируется с буддизмом, используется при кремации, в храмах и в ритуалах очищения. В буддизме сандал считается священным материалом, используемым для изготовления статуй Будды, ритуальных предметов и благовоний. Исторически сандал стал значимым в Китае с III в., после распространения легенды о сандаловой статуе Будды Удаяны, вывезенной из Индии. Эта статуя, созданная, согласно преданию, при жизни Будды, закрепила за сандалом статус материала, связанного с божественным. В романе Чжао Цзя перебирает сандаловые четки: «свекор перебирал четки из сандалового дерева...», «...от его сандалового кресла и сандаловых четок в руках вдруг пахло тяжелым ароматом, от которого у меня зарябило в глазах и сердце бешено забилося...». Сандаловое дерево использовалось в изготовлении мебели и предметов роскоши.

В эпоху Цин, когда происходит действие романа, сандал был довольно дорогим, не каждый мог себе позволить иметь предметы, изготовленные из сандалового дерева. Ценность сандала иллюстрируется такой деталью, как кресло Чжао Цзя: «Свекор сидел в полудреме с закрытыми глазами на сандаловом кресле с подлокотниками, украшенными резными драконами на спинке и инкрустированными золотой нитью. Кресло он привез из столицы». Все это усиливает внутренний контраст между культурным значением материала и реальным его применением в сцене казни.

Подготовка к казни описана очень подробно. Тело Сунь Бина укладывают на старый сосновый верстак, ранее использовавшийся для забоя животных: «Этот сосновый верстак использовался в нашем доме лет десять, пропитался свинной и собачьей кровью и был тяжелый, как железо». Таким образом, человек ставится в один ряд со скотом, что подчеркивает его полную бесправность.

Важную роль играют также фигуры палачей — Чжао Цзя и Чжао Сяоцзя. Чжао Цзя тщательно выбирает инструмент: «Отец сам выбрал из двух сандаловых колышков тот, что выглядел поглаже, и тщательно протер его смоченной в масле тряпицей». В этом действии нет спешки или импульсивности — напротив, все сделано согласно порядку, напоминающему ремесленный или даже ритуальный.

Затем начинается сама процедура. Сын, следуя указаниям отца, вбивает кол в тело тестя: «Колышек цунь за цунем проникал в тело тестя. Удары киянки звучали негромко — бам-бам-бам». Удары наносятся с учетом анатомии, чтобы не повредить внутренние органы: «Отец с самого начала рассчитал, что колышек выйдет у Сунь Бина из плеча, а не изо рта, чтобы он мог продолжать петь». Этот выбор подчеркивает наличие некоторого уважения к роли Сунь Бина как мао-цзянского певца.

После того как тело пронзено, его поднимают на высокий помост и выставляют на всеобщее обозрение. Это повторяет структуру традиционной китайской публичной казни, где не только сама смерть, но и демонстрация страдания играли важную роль в воздействии на зрителей. Мо Янь подчеркивает зрелищность происходящего: «Мы с отцом забрались на помост... изо рта Сунь Бина доносились проклятия: “Цянь Дин, твою бабушку! Чжао Цзя, твою бабушку!”».

Казнь проходит в момент политического кризиса — период ихэтуаньского восстания и усиления внешнего давления на Китай. Применение «сандаловой» казни иллюстрирует, как государственные ритуалы насилия могут включать в себя элементы традиционной культуры, при этом радикально трансформируя их значение.

«Красный гаолян» (红高粱家族, Хун гаолян цзяцзу) — это самое известное произведение Мо Яня. Действие разворачивается в уезде Гаоми провинции Шаньдун в период японской оккупации Китая в 1930-х — 1940-х гг.

В центре повествования — три поколения семьи, чьи судьбы переплетаются с судьбой родной земли и народного сопротивления. Главный герой, Юй Чжаньао, человек простых нравов, но сильного характера, становится предводителем местных партизан, сражающихся против японских захватчиков. Его отношения с женщинами, особенно с красавицей и хозяйкой винокурни Дай Фэнлянь, кото-

рая становится матерью его сына, приобретают оттенок как личной, так и коллективной трагедии, демонстрируя, как война трансформирует человеческие отношения.

Роман построен как мозаика из пяти частей, каждая из которых фокусируется на разных временных отрезках и героях, создавая нелинейное повествование, напоминающее народные легенды. Прошрое и настоящее переплетаются, создавая многоуровневую картину, где трагедия одной семьи становится отражением страданий целой нации. Сквозь призму личных судеб Мо Янь исследует вопросы национальной идентичности, народного сопротивления и неизбежности жестокости в условиях войны. Мо Янь использует яркие, почти мифологические образы, такие как «кровь, смешанная с гаоляном», чтобы показать, как война и насилие проникают в повседневную жизнь. Через монологи и воспоминания героев — от Дугуаня, вспоминающего отца, до Ласки, борющейся за выживание и пытавшейся спасти дочь, — раскрываются их боль, гордость и отчаяние перед лицом неизбежной смерти.

Мо Янь использует образ красного гаоляна как метафору страсти, жизни и смерти. Красный цвет сорго — символ страдания, жизни и стойкости: красный гаолян, кровь на груди, красное вино, цвет земли, пропитанной кровью, символ упорства и выживания, напоминающий о том, как жизнь продолжает расти даже на самой бесплодной почве — все это создает единый эмоциональный фон [Tian 2025].

Так, «Красный гаолян» — это не просто история любви и мести, но и размышление о том, как народная память впитывает кровь, боль и борьбу, превращая их в культурные символы. Мо Янь мастерски показывает, как люди, находящиеся на краю гибели, способны сохранить свою человечность, оставаясь верными себе и своей земле, даже когда она превращается в поле битвы.

Чтобы понять, как Мо Янь раскрывает сложные социально-исторические реалии японской оккупации и их влияние на судьбы героев, необходимо обратиться к ключевым отрывкам из романа «Красный гаолян». Далее необходимо изучить цитаты, касающиеся казней, которые помогут осмыслить замысел Мо Яня и специфику его картины трагического времени.

В романе «Красный гаолян» Мо Янь изображает одну из самых жестоких казней — публичное освежение дяди Лоханя, совершаемое по приказу японских оккупантов. Сцена начинается с того, что избитого и окровавленного мужчину привязывают к столбу, а затем палач, Сунь Пятый, который является известным во всем уезде Гаоми мясником, под давлением японцев начинает снимать с него кожу: «Сунь Пятый работал очень аккуратно, когда он снял кожу с головы, стали видны синеватые глаза и куски плоти... После того как дядя Лохань превратился под ножом в грудку мяса, стало видно, как пульсируют в животе внутренности». Казнь совершается публично, чтобы запугать население. Толпа, включая детей, становится свидетелем, а значит — соучастником, пусть и против воли. Японский офицер демонстративно подносит отрезанные уши и гениталии жертвы к овчарке, но та отказывается их есть — деталь, подчеркивающая абсурдную жестокость происходящего.

Освеживание — реальный метод казни, применявшийся в Китае со времен империи за особо тяжкие преступления, такие как измена или убийство родителей. В романе Мо Янь переносит эту средневековую практику в эпоху японской оккупации (1937—1945), показывая, как колонизаторы используют традиционные формы насилия для устрашения населения.

Казнь дяди Лоханя — действие, призванное продемонстрировать абсолютную власть оккупантов. Японцы заставляют китайского же палача (Суня Пятого) выполнять казнь, что усиливает ощущение предательства и морального разложения. Дядя Лохань теряет человеческий облик, превращаясь в «грудку мяса», а Сунь Пятый, рыдая, продолжает работу — так Мо Янь показывает, как система ломает и жертв, и исполнителей.

После казни тело исчезает «слух об исчезновении тела дяди Лоханя разлетелся по деревни, один поведал десяти, десять — целой сотне, рассказ этот передавался из поколения в поколения и превратился в красивую легенду», а история о ней становится легендой. Это отсылка к китайской традиции героизации мучеников, чья смерть остается в памяти народа.

Эта сцена перекликается с конфуцианско-легистской традицией, где казнь была не только наказанием, но и «уроком» для общества. Однако если в древнем Китае такие методы оправдывались защитой порядка, то здесь они служат чужеземной власти, подчеркивая трагедию оккупации.

Если сцена освеживания дяди Лоханя демонстрирует жестокость японских оккупантов, то расстрел Зубастого Юя раскрывает внутренний конфликт между долгом и родственными узами. Эта казнь несет не меньшую эмоциональную нагрузку, подчеркивая трагедию гражданской войны, где командир, отдавший приказ, и жертва связаны кровными узами.

Сцена расстрела разворачивается на окраине деревни, у гнилой излучины реки, что сразу создает мрачную атмосферу. Зубастый Юй, дядя командира Юя, приговоренный к смерти за надругательство над девушкой по имени Цао Линцзы, ведет себя как непокорная жертва — перед казнью он просит развязать веревки и запекает песню о «японских псах», превращая свои последние минуты в акт неповиновения. Немой, исполняющий приговор, заметно колеблется, но выстрел все же раздается. Описание смерти лаконично и символично: «Лоб Зубастого Юя раскололся, как черепица... мозги вытекли и залили уши, один глаз висел, словно виноградина». Особую символическую нагрузку несет последующая похоронная процессия — командир Юй рыдает в траурных одеждах, а разбитый глиняный горшок напоминает о «расколотой» голове казненного, создавая поэтическую параллель.

Исторический контекст этой сцены очень символичен. Казнь Зубастого Юя отражает раскол в китайском обществе 1930—1940-х гг., когда брат шел на брата в противостоянии коммунистов, гоминьдановцев и других партизанских отрядов. Командир Юй, вынужденный казнить родственника, становится олицетворением трагического выбора между долгом и семейными узами. Даже место казни — у гнилой воды с хилым лотосом — работает как метафора морального разложения, контрастируя с образом красного гаояня.

Казни в романах Мо Яня «Смерть пахнет сандалом» и «Красный гаолян» — это не просто сцены насилия, а зеркало, отражающее социально-исторические кризисы: от упадка Цинской империи до японской оккупации. Через контраст ритуализированной жестокости и спонтанного гнева Мо Янь подчеркивает, как насилие, будь то инструмент власти или акт сопротивления, неизбежно калечит человеческую душу, оставляя лишь память, пропитанную кровью и болью. Они отражают разные исторические контексты и цели насилия, но оба произведения показывают, как жестокость становится частью общественной жизни, ломая судьбы и обнажая противоречия эпохи.

В творчестве Мо Яня тема казни выступает как многогранный инструмент анализа социально-исторических противоречий Китая. Роман «Смерть пахнет сандалом» раскрывает механизмы государственной власти через ритуализацию наказания: сандаловая казнь и линчи становятся символами слияния сакрального и жестокого, где традиции служат оправданием деспотизма. Мо Янь исследует, как традиционная культура и народные массы, вопреки своей пассивности, становятся соучастниками исторических трагедий, поддерживая систему через молчание. «Красный гаолян» знаменует переход от просветительского историзма к новому историзму, где история представлена через призму человеческой природы и мифологии. Вместо сухого хронологического нарратива автор создает мозаику из личных драм, где война и оккупация раскрываются через эмоции, легенды и коллективную память. Акцент на японском гнете и средневековых методах казней подчеркивает, как насилие, даже будучи инструментом колониального подавления, сохраняет архаичные черты, укорененные в китайской истории [Чжан Цинхуа 2025].

Оба романа объединяет идея цикличности насилия: жестокость сохраняется вне зависимости от времени, меняя лишь форму и идеологическое обоснование. Мо Янь подчеркивает, что система, основанная на устрашении, калечит не только жертв, но и палачей, вынужденных балансировать между долгом и человечностью.

Через натуралистичные описания казней Мо Янь не только реконструирует исторические травмы, но и проводит параллели с современностью, указывая на опасность устаревших норм, маскирующихся под традиции. Его творчество становится зеркалом, в котором общество видит, как собственное прошлое, так и нерешенные вопросы власти, справедливости и цены человеческой жизни.

Библиографический список

- Бертронг Д. и Э. Конфуцианство / пер. с англ. О. Перфильева. М.: Фаир-Пресс, 2004. 304 с.
- Бичурин Н.Я. Китай в гражданском и нравственном состоянии. М.: Вост. Дом, 2002. 432 с.
- Даньшин А.В. Признание под пыткой в уголовном судопроизводстве императорского Китая // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2022. Т. 6, № 4(24). С. 349—358.
- Мо Янь. Красный гаолян. М.: Эксмо, 2025. 480 с.
- Мо Янь. Смерть пахнет сандалом. М.: Эксмо, 2024. 574 с.

Рожкова Е.К. Смертная казнь в Китае: история и современность // Законность и правопорядок в современном обществе. 2011. № 7. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/smertnaya-kazn-v-kitae-istoriya-i-sovremennost> (дата обращения: 01.04.2025).

Синицын Н.А. Смертная казнь в средневековом Китае / Н.А. Синицын, Е.Б. Калашникова // Синергия Наук. 2018. № 22. С. 936—940.

Хайруллина Д.И. Смертная казнь как вид уголовного наказания в Древнем Китае / Д.И. Хайруллина, Е.Б. Калашникова // Юридический факт. 2018. № 26. С. 79—81.

Шапорева Е.Д. Смертная казнь в Китае в эпоху Нового времени // Роль инноваций в трансформации современной науки: сборник статей по итогам Международной научно-практической конференции, Стерлитамак, 22 апреля 2018 года. Том Часть 2. Стерлитамак: Общество с ограниченной ответственностью «Агентство международных исследований», 2018. С. 114—117.

Шапорева Е.Д. Смертная казнь как вид уголовного наказания в средневековом Китае // Взаимодействие науки и общества: проблемы и перспективы: сборник статей по итогам Международной научно-практической конференции: в 3 частях, Стерлитамак, 21 октября 2017 года. Том Часть 3. Стерлитамак: Общество с ограниченной ответственностью «Агентство международных исследований», 2017. С. 158—160.

Tian P. Chinese Nobel Laureate Mo Yan and Red Sorghum // Journal of Education and Educational Research. 2025. Vol. 12, No. 1. P. 1—3. ISSN 2957-9465.

张清华. 悲枪与新历史主义文学思潮: 以《红高粱家族》《丰乳肥臀》《檀香刑》为例 [Чжан Цинхуа. Печаль и литературное течение нового историзма: на примере «Красного гаоляна», «Большая грудь, широкий зад» и «Смерть пахнет сандалом»] // 海南师范大学学报(社会科学版). 2005. 第18卷, 第2期. 第1—7页.

References

Bertrong D., Bertrong E. Konfutsianstvo [Confucianism]. Moscow, Fair-Press Publ., 2004. 304 p. (In Russ.).

Bichurin N.Ya. Kitay v grazhdanskom i npravstvennom sostoyanii [China in Civil and Moral State]. Moscow, Vost. Dom Publ., 2002. 432 p. (In Russ.).

Danshin A.V. Priznanie pod pytkoy v ugovolnom sudoproizvodstve imperatorskogo Kitaya [Confession under Torture in the Criminal Proceedings of Imperial China]. Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki [Bulletin of Kemerovo State University. Series: Humanities and Social Sciences], 2022, vol. 6, no. 4(24), pp. 349—358. (In Russ.).

Mo Yan. Krasnyy gaolyan [Red Sorghum]. Moscow, Eksmo Publ., 2025. 480 p. (In Russ.).

Mo Yan. Smert pakhnet sandalom [Sandalwood Death]. Moscow, Eksmo Publ., 2024. 574 p. (In Russ.).

Rozhkova E.K. Smertnaya kazn v Kitae: istoriya i sovremennost [The Death Penalty in China: History and Modernity]. Zakonnost i pravoporyadok v sovremennoy obshchestve [Legality and Law and Order in Modern Society], 2011, no. 7. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/smertnaya-kazn-v-kitae-istoriya-i-sovremennost> (accessed: 01.04.2025). (In Russ.).

Sinityn N.A., Kalashnikova E.B. Smertnaya kazn v srednevekovom Kitae [The Death Penalty in Medieval China]. Sinergiya Nauk [Synergy of Sciences], 2018, no. 22, pp. 936—940. (In Russ.).

Khayrullina D.I., Kalashnikova E.B. Smertnaya kazn kak vid ugovolnogo nakazaniya v Drevnem Kitae [The Death Penalty as a Type of Criminal Punishment in Ancient China]. Yuridicheskiy fakt [Legal Fact], 2018, no. 26, pp. 79—81. (In Russ.).

Shaporeva E.D. Smertnaya kazn v Kitae v epokhu Novogo vremeni [The Death Penalty in China in the Modern Era]. Rol' innovatsiy v transformatsii sovremennoy nauki: sbornik statey po itogam Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Sterlitamak, 22 aprelya 2018 goda [The Role of

Innovations in the Transformation of Modern Science: Collection of Articles from the International Scientific-Practical Conference, Sterlitamak, April 22, 2018], vol. Part 2. Sterlitamak, Obshchestvo s ogranichennoy otvetstvennostyu “Agentstvo mezhdunarodnykh issledovaniy” Publ., 2018, pp. 114–117. (In Russ.).

Shaporeva E.D. Smertnaya kazn kak vid ugovnogo nakazaniya v srednevekovom Kitae [The Death Penalty as a Type of Criminal Punishment in Medieval China]. Vzaimodeystvie nauki i obshchestva: problemy i perspektivy: sbornik statey po itogam Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii: v 3 chastyakh, Sterlitamak, 21 oktyabrya 2017 goda [Interaction of Science and Society: Problems and Prospects: Collection of Articles from the International Scientific-Practical Conference: in 3 Parts, Sterlitamak, October 21, 2017], vol. Part 3. Sterlitamak, Obshchestvo s ogranichennoy otvetstvennostyu “Agentstvo mezhdunarodnykh issledovaniy” Publ., 2017, p. 158–160. (In Russ.).

Tian P. Chinese Nobel Laureate Mo Yan and Red Sorghum. Journal of Education and Educational Research, 2025, vol. 12, no. 1, pp. 1–3. ISSN 2957-9465.

张清华. 悲怆与新历史主义文学思潮: 以《红高粱家族》《丰乳肥臀》《檀香刑》为例 [Zhang Qinghua. Sorrow and the Literary Trend of New Historicism: The Case of “Red Sorghum,” “Big Breasts and Wide Hips,” and “Sandalwood Death”]. 海南师范大学学报(社会科学版) [Journal of Hainan Normal University (Social Sciences)], 2005, vol. 18, no. 2, pp. 1–7. (In Chinese).

Поступила в редакцию: 16.06.2025
Принята к публикации: 04.07.2025

Received: June 16, 2025
Accepted: July 04, 2025

О.М. Гордеева

Влияние китайских мифов и легенд на мультипликацию на примере франшизы «Нэчжа»

Аннотация. Актуальность исследования влияния китайских мифов и легенд на современную мультипликацию была обусловлена значительным успехом франшизы «Нэчжа», которая не только привлекла внимание международной аудитории, но и наглядно продемонстрировала, как использование традиционных образов и сюжетов способствует сохранению культурной идентичности Китая в условиях современного медиапространства глобализированного мира. Целью данного исследования являлся анализ влияния китайских мифов и легенд на современную китайскую мультипликацию, в частности на анимационные фильмы франшизы «Нэчжа». Для достижения поставленной цели применялись методы анализа источников и сравнительного анализа. В ходе исследования было установлено, что противоречивый характер и внутренние конфликты персонажа Нэчжа делают его актуальным для зрителей различных поколений. Это позволило анимационному фильму не только сохранить традиционные ценности, но и адаптировать их к современным реалиям, создавая контекст, который находит отклик у аудитории. Был сделан вывод о том, что в анимационных фильмах образ Нэчжа сохраняет многие традиционные черты, но также приобретает новые детали, такие как острые зубы и темные круги под глазами. Его характер и отношения с родителями раскрываются более глубоко, что позволяет зрителю сопереживать герою. Фильмы также поднимают важные темы, такие как дружба, семья и борьба с судьбой, что делает историю универсальной и актуальной для современной аудитории. Было выявлено, что эволюция образа Нэчжа от демонического изгнанника до героя, стремящегося к самосовершенствованию и борьбе со злом, отражает более широкую тему преодоления предвзятости и поиска своего места в обществе. Этот процесс позволяет зрителям увидеть в Нэчжа не только мифологического персонажа, но и символ борьбы с внутренними демонами, что делает его путь к принятию себя и своей природы особенно значимым в контексте современных социальных проблем.

Ключевые слова: Китай, китайская мифология, Нэчжа, даосизм, мультипликация, фэнтези.

Автор: Гордеева Ольга Михайловна, студентка 3 курса, Кафедра китайского языка, Институт иностранных языков — Государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский городской педагогический университет». ORCID: 0009-0001-3294-807X.
E-mail: GordeevaOM886@mgpu.ru

Для цитирования: Гордеева О.М. Влияние китайских мифов и легенд на мультипликацию на примере франшизы «Нэчжа» // Современная Азия: политика, экономика, общество. 2025. № 2. С. 45—54. DOI: 10.48647/ICCA.2025.32.91.005.

O.M. Gordeeva

The influence of Chinese myths and legends on animation using the example of the Nezha franchise

Abstract. The relevance of the study of the influence of Chinese myths and legends on modern animation is based on a significant success of the Ne Zha franchise. This franchise not only attracted the attention of an international audience, but also vividly demonstrated how the use of traditional images and plots contributes to the preservation of China's cultural identity in the modern media space of a globalized world. The purpose of this study was to analyze the influence of Chinese myths and legends on modern Chinese animation, in particular on the films of the Nezha franchise. To achieve this goal, the methods of source analysis and comparative analysis were used. The study found that the contradictory nature and internal conflicts of Nezha's character make him relevant to viewers of different generations. This allowed the animated film not only to preserve traditional values, but also to adapt them to modern realities, creating a context that resonates with the audience. It was concluded that in animated films, Nezha's image retains many traditional features, but also acquires new details such as sharp teeth and dark circles under his eyes. Nezha's character and relationship with his parents are revealed more deeply, which allows the viewer to empathize with him. The films also raise important problems such as friendship, family, and the struggle with fate, making the story universal and relevant to a modern audience. It was revealed that the evolution of Nezha's image from a demonic exile to a hero striving for self-improvement and the fight against evil reflects a broader topic of overcoming bias and finding his place in society. This process allows viewers to see Nezha not only as a mythological character, but also as a symbol of the struggle with inner demons, which makes his path to acceptance of himself and his nature especially significant in the context of modern social problems.

Keywords: China, Chinese mythology, Nezha, Taoism, animation, fantasy.

Author: Gordeeva Olga M., 3rd year student, Department of Chinese Language, Institute of Foreign Languages, Moscow City University. ORCID: 0009-0001-3294-807X. E-mail: GordeevaOM886@mgpu.ru

For citation: Gordeeva O. M. The influence of Chinese myths and legends on animation using the example of the Nezha franchise. *Sovremennaya Aziya: Politika, Ekonomika, Obshchestvo* [Modern Asia: Politics, Economy, Society], 2025, no. 2, pp. 45–54. (In Russ.). DOI: 10.48647/ICCA.2025.32.91.005.

Введение

Последнее десятилетие стало особенно плодотворным для китайского кинематографа в целом и мультипликации в частности. Анимация пережила глобальный подъем, привлекая внимание людей со всего мира. Китай единолично и в сотрудничестве с другими странами выпустил ряд мультфильмов, получивших высокие оценки от зрителей и критиков, как местных, так и международных. Одним из самых успешных продуктов китайской анимации стала франшиза «Нэчжа». На данный момент во франшизу входят два мультфильма — «Нэчжа» (哪吒之魔童降世), выпущенный в 2019 г., и «Нэчжа побеждает Царя Драко-

нов» (哪吒之魔童闹海), выпущенный в 2025 г. Особенно успешным стал второй анимационный фильм франшизы — на данный момент официально не выпущенный во многих странах, включая Российскую Федерацию. «Нэчжа побеждает Царя драконов» уже собрал в мировом прокате более двух млрд долл., став самым кассовым мультфильмом в истории и самым кассовым фильмом, не относящимся к Голливуду.

Мультфильмы франшизы основаны на китайской мифологии, в частности на образе Нэчжа (哪吒), или Ночжа (那吒). Это даосское божество, история которого уходит корнями в буддийскую мифологию. Нэчжа считается божественным защитником и драконоборцем, что нашло свое отражение и в мультипликации.

Подобный успех использования в анимации традиционных образов и сюжетов подтверждает неоспоримую актуальность мотивов китайской мифологии в современном медиапространстве. Обращение авторов к национальной мифологии позволяет сохранить культурную идентичность, не потерять свою специфику в попытке удовлетворить запросы иностранных зрителей, в то же время, привлекая интерес новой аудитории, заинтересованной в ознакомлении с ранее не известной им культурой и сюжетами. Такого рода синкретизм глубоких традиций и современных технологий находит отклик у широкой публики. По этой причине исследование влияния китайских мифов и легенд на мультипликацию является актуальной и интересной темой для исследования.

Цель работы — проанализировать как китайские мифы и легенды влияют на современную китайскую мультипликацию, в частности анимационные фильмы франшизы «Нэчжа». Для достижения поставленной цели были сформулированы следующие **задачи**.

1. Изучить образ Нэчжа в китайской мифологии и выявить ключевые его мотивы и элементы.
2. Сравнить трактовку персонажа в классической мифологии и современной анимации.
3. Оценить, как анимация помогает сохранить и переосмыслить традиционные сюжеты.

В работе применяются такие **методы исследования**, как анализ источников, включающий изучение мифов о Нэчжа, и анимационных фильмов об этом герое, сравнительный анализ, предполагающий сопоставление мифологических образов с их экранными адаптациями.

Образ Нэчжа в мифологии и литературе

Нэчжа — это персонаж, относящийся к поздней китайской мифологии. Впервые образ Нэчжа встречается в эпоху Юань, в драмах XIII—XIV вв. [Рифтин 1991, с. 232]. В тот же период герой описывается в сборнике мифов «Информация о богах трех религий» (三教源流搜神大全) [Сюли 2021, с. 150]. Наиболее полное его описание можно найти в романе XVI в. «Возвышение в ранг духов», также известном как «Фэн шэнь яньи» (封神演义 или 封神榜) авторства Сюй Чжунли-

ня (许仲琳) и Лу Сисиня (陆西星). Наряду с названным произведением, этот герой фигурирует и в четвертой главе классического китайского романа «Путешествие на Запад» (西游记) У Чэньэня (吴承恩).

В романе «Возвышение в ранг духов» подробно описывается жизненный путь Нэчжа. Двенадцатая глава произведения повествует об истории известного полководца Ли Цзина (李靖) — за основу персонажа взята реальная историческая личность, знаменитый полководец времен династии Тан. Его жена после беременности длительностью более трех лет и шести месяцев однажды ночью увидела необычный сон, после чего родила странный шар из плоти, покотившийся по полу. Ли Цзин, прибежав в комнату, разрубил шар пополам, и из него появился ребенок, которому дали имя Нэчжа. Герой появился на свет вместе с браслетом, или, согласно некоторым вариантам, кольцом цянькуньюань (乾坤圈, браслет Неба и Земли) и полоской красного шелка хуньтяньлин (浑天绦, Небесный шелк, или шелк, баламутающий небо).

В произведении раскрывается и конфликт Нэчжа с Царем Драконов Лун-ваном (龙王). По сюжету Нэчжа потревожил Царя Драконов, опустив свой красный шелк в море, намереваясь использовать его как полотенце. Сначала герой ранил отправленных усмирить его воинов Лун-вана, а потом убил его третьего сына [Фэн 2025, с. 181]. Разъяренный Лун-ван немедленно явился к Ли Цзину и потребовал объяснений. Когда Нэчжа предстал перед разгневанным Царем и передал ему сухожилие убитого сына, дракон разозлился еще сильнее и принял решение рассказать о произошедшем Нефритовому Императору Эй-ди (玉帝). Нэчжа, не желавший, чтобы его родители подверглись наказанию, решил искупить свою вину, совершив самоубийство, раздробив себе все кости и перерезав себе живот.

Впоследствии дух Нэчжа явился перед его учителем — бессмертным даоским богом Тайи Чжэньжэнем (太乙真人) [Чэнь 2024, с. 256], который велел своему ученику явиться во сне к матери с просьбой построить храм, где Нэчжа по истечении трех лет сможет возродиться. Мать выполнила его просьбу, однако его отец, Ли Цзин не одобрил самоуправство жены и сжег храм дотла. Тогда Тайи Чжэньжэнь сделал для Нэчжа новое тело из цветов лотоса, и у героя все равно получилось возродиться, а после и быстро освоить свои новые атрибуты — колеса Огня и Ветра фэнхолунь (风火轮) и огненное копье хоцзяньцян (火尖枪).

Далее в сюжете «Фэн шэнь яньи» Нэчжа стал одним из главных союзников Цзян Цзыя (姜子牙) в войне против последнего правителя династии Шан, императора-тирана Чжоу Синя (纣辛).

В романе «Путешествие на Запад» Нэчжа со своим отцом появляется в четвертой главе. В данном произведении отцом Нэчжа выступает Вайшравана (多闻天王 или, в китайском варианте, Пишамэнь — 毗沙门). Образы Ли Цзина и Вайшраваны используются взаимозаменяемо, а иногда их соединяют, образуя Ли тянь-вана (李天王). В романе отец и сын выступают против устроившего переполох и назвавшего себя «Великим Мудрецом, равным небу» Сунь Укуна. Нэчжа вступает с Царем обезьян в поединок, в ходе которого преображается и принимает форму божества с тремя головами и шестью руками. В конце схватки Нэчжа терпит поражение.

Часто Нэчжа сопоставляется с персонажем индусской мифологии, Богом-трикстером Налакуварой, также известным как Налакубара (那吒俱伐罗), сыном повелителя якшей Куберы или Виттешвары (俱毗罗 или 俱吠罗), буддийским аналогом которого является Вайшравана, ранее уже появлявшийся в мифах и романах в качестве отца Нэчжа. Налакубара появляется в индуизме в качестве второстепенного персонажа историй о Кришне (黑天), восьмой аватары Вишну (毗湿奴). Существует вероятность, что Налакувара перенял некоторые черты Бала-Кришны, одной из форм Кришны, где он изображается в качестве Бога-ребенка [Li Z. 2024, с. 185].

Что касается внешности персонажа, расхождения в данном вопросе редки. Нэчжа чаще всего изображается в качестве ребенка или подростка. Его волосы собраны в традиционную для Древнего Китая детскую прическу — волосы средней длины, собранные в два пучка по бокам. Часто упоминается и его «демоническая» форма, в которой у персонажа три головы и шесть или больше рук. В цзацзюй (杂剧), драме эпохи Юань, «Соушэнь гуанци» (Расширенные записи о поисках духов, 搜神广记) Нэчжа описывается как существо с тремя головами, девятью глазами и восемью руками [张爱红 2023, с. 11]. Подобный образ герой принимает и в романе «Путешествие на запад».

Из рассмотренных примеров можно сделать вывод, что решение использовать именно Нэчжа в качестве основы для анимационного фильма не было случайным. Во-первых, персонаж очень популярен. К примеру, почти в каждой тайваньской деревне есть храм Нэчжа (太子宮), а при его отсутствии Нэчжа почитается в храмах других богов [Sheng K. 2013, с. 394].

Во-вторых, образ Нэчжа легко узнаваем, у персонажа характерная прическа, атрибуты и характер. Это делает процесс переноса персонажа на экран проще, а также позволяет зрителю легко определить в герое мультфильма мифологический образ, на который опирались создатели.

В-третьих, образ Нэчжа совмещает в себе как конфуцианские мотивы сыновней почтительности, так и непокорность, неповиновение, характерное для детей во все времена. Образ этого персонажа нестареющий, актуальный для любого времени и хорошо подходит для адаптации в анимационном фильме. Несмотря на крупные изменения сюжетной линии героя, а также персонажей и их характеров, многие китайские исследователи уверены, что суть истории была сохранена [Шитова 2023, с. 218].

Противоречивость героя, помимо вышесказанного, предоставляет создателям мультфильма почву для завязки конфликта и развития персонажа. Оба этих аспекта являются важными факторами, необходимыми для успеха у зрителей и критиков.

Образ Нэчжа в анимации

Внешний облик Нэчжа в фильме 2019 г. соответствует стандартному образу героя: детский облик, волосы средней длины с двумя пучками по бокам. Однако к внешности персонажа добавлены и новые детали, например, острые «акульки»

зубы и темные круги под глазами [陈睿 2021, с. 38]. На шее Нэчжа носит золотой обруч, надетый на него Тайи Чжэньжэнем с целью сдерживать его демоническую форму.

В ранее упомянутом образе демона Нэчжа выглядит как подросток с поднятыми вверх темными волосами. Он одет в ту же одежду, как и в своем детском воплощении. В финале мультфильма, в демонической форме Нэчжа имеет шесть рук.

Характер Нэчжа в мультфильме с самого начала неоднозначен. Он представляется зрителю как изгой, которого боятся и избегают все жители деревни. Большинство деревенских детей подвергают Нэчжа преследованиям, называют его демоном и даже без колебаний организуют жестокие ловушки, а тех детей, которые слишком малы и не знают о репутации героя, останавливают от игры с ним родители. Однако, когда родителям удастся убедить главного героя в том, что он — бусина света, Нэчжа начинает усердно учиться у Тайи Чжэньжэня, быстро постигая искусство иллюзий. Мальчик часто переусердствует и пренебрегает безопасностью окружающих, но его действия лишены злого умысла, Нэчжа искренне предан борьбе со злыми силами и однажды даже спасает от демона деревенскую девочку.

Отношения между Нэчжа и его родителями, так же, как и его характер, противоречивы. Герой часто скрывает от отца и матери свои реальные чувства, предпочитая казаться равнодушным. Тем не менее он дорожит редким вниманием родителей, часто занятых сражениями с демонами. Особенно теплые отношения у Нэчжа с матерью, которая из-за своих обязанностей не может уделять сыну столько времени, сколько ей бы хотелось. С отцом же отношения героя более напряженные, Ли Цзин строг к сыну и сурово наказывает его за проступки.

Противоречивость детско-родительских отношений в анимационном фильме раскрывается по ходу сюжета. Несмотря на любовь родителей к своему ребенку, они все равно совершают поступки, противоречащие общепринятым нормам морали. Они сначала скрывают от сына правду о его происхождении и трагичном предназначении, а далее лгут ему, заставляя Нэчжа поверить в то, что он — воплощение бусины света. Сложные моральные выборы, с которыми сталкиваются родители в мультфильме, показывают, что даже имея благие намерения, человек регулярно сталкивается с дилеммами. Сюжет находит отклик у многих зрителей, свидетельствует о сложных, продуманных характерах героев, ставших одним из факторов успеха картины.

На протяжении анимационного фильма герой борется не только с внешней угрозой в лице ставшего ему сначала другом, а потом противником Ао Бина (敖丙), но и с самим собой и своей судьбой. Один из главных посылов мультфильма — 我命由我不由天 (моя судьба зависит от меня, а не от небес). Эта фраза, сказанная главным героем, символизирует и его борьбу против своей темной стороны, и его вызов predetermined небом будущему.

Таким образом, Нэчжа в рассматриваемой франшизе — многогранный и запоминающийся персонаж с тщательно проработанным характером и визуальным образом. Зрители симпатизируют и сопереживают ему, что вызывает у них желание продолжать просмотр.

Влияние мифов на мультипликацию

Без сомнений, история Нэчжа в анимационном фильме 2019 г. в значительной степени была основана на сюжетном пути героя в романе «Возвышение в ранг духов», однако не является его экранизацией. Сюжет был изменен и адаптирован под более современного зрителя. Несмотря на это, в содержании мультфильма и романа есть много общих моментов.

Например, схожи сцены рождения героя — в обоих случаях Нэчжа появляется на свет как шарообразное существо, и только потом принимает форму ребенка. Сохранены и основные действующие лица — наставник героя Тайи Чжэньжэнь, отец Нэчжа Ли Цзин, его противник Ао Бин и другие.

Существует ряд персонажей, которые появлялись в первоисточнике, но прямо не взаимодействовали с Нэчжа. Их роль в сюжете была изменена, однако основой их образов все также служат прототипы из романа. Таким персонажем является Юань-ши тянь-цзунь (元始天尊), в романе «Возвышение в ранг духов» отождествляющийся с Юй-ди (玉帝), а в анимационном фильме выступающий в роли божества, разделившего жемчужину хаоса на бусины света и тьмы. К таким действующим лицам относится и Шэнь Гунбао (申公豹), в романе выступающий противником Цзян Цзыя, а в фильме берущий на себя роль главного антагониста. Многие сюжетные моменты романа, такие как вспыльчивый характер персонажа, конфликт Нэчжа и драконов и сложные отношения героя с отцом тоже нашли отражение в анимации.

В фильме находят отражение и даосские культурные элементы, представленные на экране в разнообразных формах [Li Z. 2024, с. 6]. Во-первых, появляющиеся в фильме жемчужина хаоса и произошедшие из нее бусины света и тьмы сопоставляются с полюсами Инь и Ян. Во-вторых, даосизм включает в себя ряд уже упомянутых ранее бессмертных персонажей. Эти бессмертные также применяют заклинания, например, «обмен судьбами», которые представляют собой даосские магические практики, возникшие из ранних форм боевых искусств.

Кроме того, дух сопротивления судьбе является центральной темой, передаваемой фильмом, что также отражает даосские доктрины. Во второй половине фильма, во время финального сражения Нэчжа произносит: «Я управляю своей судьбой, а не небеса». Эти слова перекликаются с одной из даосских концепций, утверждающей, что судьба зависит от самого человека, а не от неба и земли.

Воплощение Нэчжа в мультипликации позволяет по-новому рассказать его историю. Освобождаясь от строгих рамок, в которые была заключена его роль в мифологии, Нэчжа обретает больше личных переживаний. Персонаж в мультфильме имеет возможность показать себя с разных сторон, раскрыться зрителю не только со стороны мифического воина с невероятной силой, но и со стороны ребенка, переживающего кризисы в отношениях с родителями и пытающегося познать себя. Анимационный фильм поднимает ранее мало исследованную в мифах про Нэчжа тему дружбы и товарищества, более глубоко исследует тему семьи

и детско-родительских отношений, а помимо этого, как ранее было отмечено, фокусируется на важной в даосизме теме судьбы.

Существует мнение, что такое освобождение, несмотря на его преимущества, вгоняет героя в новые рамки, на этот раз коммерческие, навязанные Голливудом [Чжан 2023, с. 344]. Когда Нэча как главный герой мультфильма проявляет агрессию несмотря на то, что по сюжету он является воплощением бусины тьмы, и подобные эмоции соответствуют его образу, сюжет часто смягчает последствия его действий, чтобы у зрителя не исчезло желание сопоставлять себя с персонажем, поддерживать его и желать ему победы. Примером этого служит одна из сцен, в которой Нэча разрушает деревню в ходе битвы с демоном. Уже в следующей сцене зрителю показывают, что это произошло только в нарисованном мире гор и вод. Вышеупомянутая победа тоже обязательна — фильму необходимо оправдать зрительские надежды.

Данную особенность можно связать с тем, что большинство мультфильмов в Китае ориентируются исключительно на детскую аудиторию. В то же время в Японии и США существует прибыльный рынок анимации для более взрослой аудитории [Чжан 2023, с. 240]. Однако поскольку производство подобных мультфильмов требует больше финансовых вложений, инвесторы не склонны финансировать такие проекты, вследствие чего их количество остается незначительным.

Заключение

Анимационная франшиза о Нэча — это яркий пример обретения мифами новой жизни в современном медиапространстве. Исследование показало, что, несмотря на значительные изменения в сюжете и характере персонажа, создателям удалось сохранить суть мифологического образа: Нэча остается бунтарем, бросающим вызов судьбе, но теперь его борьба стала более личной, эмоциональной и близкой современному зрителю.

Фильм 2019 г. не просто пересказывает старую легенду, он переосмысляет ее, наполняет конфликтами, находящими отклик у аудитории. Темы семьи, дружбы и самоопределения, показанные через призму даосской философии, делают историю универсальной, но при этом тесно связанной с китайской культурой.

Успех франшизы доказывает, что традиционные сюжеты не теряют актуальности. Нэча больше не просто мифологический воин, он стал символом сопротивления предопределенности, что особенно актуально в эпоху, когда молодое поколение все чаще задумывается о свободе выбора и самореализации. Этот проект открывает новые горизонты для китайской анимации, показывая, что национальные мифы могут быть не только источником вдохновения, но и мощным инструментом мягкой силы в глобальном культурном пространстве.

Таким образом, франшиза «Нэча» — это не только развлекательный продукт, но и удачный пример того, как традиция и современность могут дополнять друг друга, создавая истории, которые находят отклик у миллионов зрителей по всему миру.

Библиографический список

- Рифтин Б.Л. Нэчжа // Мифы народов мира: энциклопедия: в 2 т. Т. 2 / гл. ред. С.А. Токарев. М.: Сов. Энциклопедия, 1991. 232 с.
- Сюли К. Постмодернизм и воплощение его основных принципов в современном мультфильме «Нэчжа: рождение дьявола» // *Studia Culturae*. 2021. № 49. С. 145—158.
- Фэн Ц. Современная трансформация образа мифологического героя китайской классической культуры в анимационных фильмах // *Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры*. 2025. Т. 31. № 1. С. 177—187.
- Хуан И. Анимация как сегмент киноиндустрии Китая // *Национальные культуры в межкультурной коммуникации: материалы VII Международной научно-практической конференции*, Минск, 07—08 апреля 2022 года. Минск: Белорусский государственный университет, 2023. С. 238—241.
- Чжан Э.Д. Трансгрессивность художественного образа мифологического персонажа Нэчжа в китайском анимационном фильме «Нэчжа» (2019) // *Культурные коды в кинематографе: материалы Международной научной сессии, Санкт-Петербург, 01—03 декабря 2022 года*. СПб.: Издательский дом «Петрополис», 2023. С. 335—345.
- Чэнь П. Переосмысление мифологических персонажей в современных китайских фантастических фильмах // *Барышевские чтения: материалы III Международной заочной научной конференции*, Минск, 27 апреля 2023 года. Минск: Белорусский государственный университет культуры и искусств, 2024. С. 253—258.
- Шитова Е.А. Особенности визуализации мифологического образа Нэчжа в китайской анимации // *Российско-китайские исследования*. 2023. Т. 7. № 2. С. 214—220.
- Li Z. The transformation of images of Nezha and the changing cultural discourses in Chinese national style animated films from 1979 to 2019 // *Humanities and Social Sciences Communications*. 2024. Vol. 11. No 1. Pp. 1—8.
- Meir S. Oedipal God: The Chinese Nezha and His Indian Origins. Honolulu: University of Hawaii Press, 2015. 272 p.
- Sheng K. The Different Faces of Nezha in Modern Taiwanese Culture // *Archiv orientální (ArOr)*. 2013. Vol. 81. Issue 3. Pp. 391—410.
- 陈睿, 陈之奕 [Чэнь Жуй, Чэнь Чжи]. 从“哪吒”和“雷神”形象看神话人物的影视形象塑造 [Создание кинематографических и телевизионных образов мифологических персонажей на примере Нэчжа и Тора] // *电影文学 [Литература о кино]*. 2021. № 3. С. 37—39.
- 王元嫔 [Ван Юаньцян]. 传统美学精神的表达与跨文化传播的启示——以国产动画电影《哪吒之魔童降世》为 [Выражение традиционной эстетики и развитие межкультурной коммуникации: на примере анимационного фильма «Нэчжа»] // *电影新作 [Новые произведения кино]*. 2020. № 2. С. 62—66.
- 张爱红 [Чжан Айхун]. 民族艺术形象的跨界传承懿探以哪吒形象为例 [Трансграничное наследие образов национального искусства: на примере образа Нэчжа] // *艺术百家 [Сто школ искусства]*. 2023. № 5. С. 9—18.

References

- Riftin B. L. Njeczha [Nezha]. Mify narodov mira: jenciklopedija [Myths of the peoples of the world: an encyclopedia], on 2 vols. Vol. 2, Moscow, Sov. Encyclopedia, 1991. 232 p. (In Russ.).
- Xiuli K. Postmodernizm i voploshhenie ego osnovnyh principov v sovremennom mul'tfil'me “Njeczha: rozhdenie d'javola” [Postmodernism and the embodiment of its basic principles in the modern animal film “Nechzha: birth of a devil”], *Studia Culturae*, 2021, no. 49, pp. 145—158. (In Russ.).

Feng J. Sovremennaja transformacija obraza mifologicheskogo geroja kitajskoj klassicheskoj kul'tury v animacionnyh fil'mah [Modern transformation of the image of the mythological hero of chinese classical culture in animated films]. *Izvestija Ural'skogo federal'nogo universiteta. Serija 1: Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury* [Izvestia Ural federal university journal. Series 1. Issues in education, science and culture], 2025, no. 1, pp. 177—187. (In Russ.).

Huang, Y. Animacija kak segment kinoindustrii Kitaja [Animation as a segment of the film industry in China]. Nacional'nye kul'tury v mezhkul'turnoj komunikacii : Materialy VII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii Minsk, 07—08 aprelja 2022 goda [National cultures in intercultural communication: Proceedings of the VII International Scientific and Practical Conference, Minsk, 07—08 April 2022], Minsk, Belarusian State University, 2023, pp. 238—241. (In Russ.).

Zhang E. D. Transgressivnost' hudozhestvennogo obraza mifologicheskogo personazha Njeczha v kitajskom animacionnom fil'me "Njeczha" (2019) [Transgression of imagery of the mythological personage Nezha in the Chinese animation film "Nezha" (2019)]. Kul'turnye kody v kinematographe : Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj sessii, Sankt-Peterburg, 01—03 dekabnja 2022 goda [Cultural codes in cinema [Proceedings of the International Scientific Session, St. Petersburg, December 01—03, 2022], St. Petersburg, Limited Liability Company, the Publishing house "Petropolis", 2023, pp. 335—345. (In Russ.).

Chen P. Pereosmyslenie mifologicheskikh personazhev v sovremennyh kitajskih fantasticheskikh fil'mah [Reinterpretation of mythological characters in modern Chinese fantasy films], *Baryshevskie chtenija : Materialy III Mezhdunarodnoj zaochnoj nauchnoj konferencii, Minsk, 27 aprelja 2023 goda* [Baryshev readings : Proceedings of the III International Correspondence Scientific Conference, Minsk, April 27, 2023], Minsk, Belarusian State University of Culture and Arts, 2024, pp. 253—258.

Shitova E. A. Osobennosti vizualizacii mifologicheskogo obraza Njeczha v kitajskoj animacii [Visualisation Features of Mythological Image of Nezha in Chinese Animation], *Rossijsko-kitajskie issledovaniya* [Russian-Chinese studies], 2023, vol. 7, no. 2, pp. 214—220. (In Russ.).

Li Z. The transformation of images of Nezha and the changing cultural discourses in Chinese national style animated films from 1979 to 2019. *Humanities and Social Sciences Communications*, 2024, no.11(1), pp. 1—8.

Meir S. *Oedipal God: The Chinese Nezha and His Indian Origins*. Honolulu, University of Hawaii Press, 2015. 272 p.

Sheng K. The Different Faces of Nezha in Modern Taiwanese Culture. *Archiv orientální (ArOr)*, 2013, vol. 81, issue 3, pp. 391—410.

陈睿, 陈之奕 [Chen Rui, Chen Zhiyi]. 从“哪吒”和“雷神”形象看神话人物的影视形象塑造 [Creation of Cinematic and Television Images of Mythological Characters Using the Examples of Nezha and Thor] // 电影文学 [Movie Literature]. 2021. № 3.: 37—39.

王元端 [Wang Yuanqiang]. 传统美学精神的表达与跨文化传播的启示——以国产动画电影《哪吒之魔童降世》为例 [The Expression of Traditional Aesthetics and the Development of Intercultural Communication: on the Example of the Animated Film Nezha] // 电影新作 [New Film]. 2020. № 2.: 62—66.

张爱红 [Zhang Aihong]. 民族艺术形象的跨界传承探以哪吒形象为例 [On the Crossover Inheritance of National Art Image: Taking Nezha's Image as An Example] // 艺术百家 [Hundred Schools in Arts]. 2023. № 5.: 9—18.

Поступила в редакцию: 16.06.2025
Принята к публикации: 06.07.2025

Received: June 16, 2025
Accepted: July 06, 2025

Е.П. Таирова

Красота без границ: женщины и новые идеалы в китайской пластической хирургии

Аннотация. В статье рассматривается отрасль пластической хирургии в Китае как социокультурный феномен. Исследование охватывает как исторические предпосылки становления индустрии, так и ее современное состояние, включая ключевые эстетические тренды, гендерные различия среди пациентов и популярные хирургические процедуры. Особое внимание уделено культурным значениям, стоящим за стремлением к определенным чертам внешности, а также влиянию современных стандартов красоты к личной идентичности. Обобщая собранные данные, автор предлагает рассматривать пластическую хирургию не только как медицинскую или коммерческую сферу, но и как зеркало, отражающее ценности и идеалы современного китайского общества.

Актуальность темы обусловлена не только стремительным развитием самой отрасли как социокультурного феномена, через который можно глубже понять современные стандарты красоты в Китае, а также механизмы, стоящие за их формированием. Индустрия пластической хирургии и косметологии — это не просто коммерческое явление, а зеркало общества и его ценностей. Что означает «красота» в современном Китае? Почему именно такие черты считаются привлекательными? И как эти стандарты влияют на личный выбор, самоощущение и идентичность человека?

Цель данного исследования — не только зафиксировать наиболее яркие тренды в сфере пластической хирургии и косметологии, но и попытаться интерпретировать их как культурный и социальный феномен.

В результате анализа были выявлены ключевые социокультурные детерминанты, влияющие на развитие пластической хирургии в Китае: рост влияния социальных сетей и моды на «отфильтрованную» внешность, а также растущая конкуренция на рынке труда, где внешний вид становится экономическим ресурсом. Установлено, что пластическая хирургия все чаще воспринимается как форма самореализации и инвестиция в личный капитал, а не исключительно как медицинская необходимость.

Ключевые слова и фразы: Китай, пластическая хирургия, стандарты красоты, двойное веко, ринопластика, самоидентификация, социокультурные факторы.

Автор: Таирова Елизавета Павловна, студентка, кафедра китайского языка, Институт иностранных языков Московского городского педагогического института. ORCID: 0009-0004-9718-1967. E-mail: Tairovaep839@mgpu.ru

Для цитирования: Таирова Е.П. Красота без границ: женщины и новые идеалы в китайской пластической хирургии // Современная Азия: политика, экономика, общество. 2025. № 2. С. 55—65. DOI: 10.48647/ICCA.2025.38.63.006.

E.P. Tairova

Beauty knows no limits: women and new ideals in Chinese plastic surgery

Abstract. This article examines the plastic surgery industry in China as a sociocultural phenomenon. The study examines both the historical foundations of the industry's emergence and its current state, including key aesthetic trends, gender differences among patients, and popular surgical procedures. Special attention is given to the cultural meanings behind the pursuit of certain physical features, as well as the impact of contemporary beauty standards on personal identity. Based on the collected data, the author argues that plastic surgery should be viewed not only as a medical or commercial domain but also as a mirror reflecting the values and ideals of contemporary Chinese society.

The relevance of this topic lies not only in the rapid development of the industry itself, but also in its role as a sociocultural phenomenon through which one can gain deeper insight into contemporary beauty standards in China and the mechanisms behind their formation. The plastic surgery and cosmetology industry is not merely a commercial enterprise — it is a mirror reflecting societal values. What does “beauty” mean in modern China? Why are certain features considered attractive? And how do these standards influence personal choices, self-perception, and individual identity?

The aim of this study is not only to identify the most prominent trends in the field of plastic surgery and cosmetology, but also to interpret them as a cultural and social phenomenon.

As a result of the analysis, key sociocultural factors influencing the development of plastic surgery in China were identified: the growing influence of social media and the trend toward “filtered” appearances, as well as increasing competition in the job market, where physical appearance is becoming an economic asset. It was found that plastic surgery is increasingly perceived not merely as a medical necessity, but as a form of self-realization and an investment in personal capital.

Keywords and phrases: China, plastic surgery, beauty standards, double eyelid, rhinoplasty, self-identification, sociocultural factors.

Authors: *Tairova Elizaveta P., Student*, Chair of Chinese Language, Institute of Foreign Languages — Moscow City University. ORCID: 0009-0004-9718-1967.
E-mail: Tairovaep839@mgpu.ru

For citation: Tairova E.P. Beauty knows no limits: women and new ideals in Chinese plastic surgery. *Sovremennaya Aziya: Politika, Ekonomika, Obshchestvo* [Modern Asia: Politics, Economy, Society], 2025, no. 2, pp. 55—65. (In Russ.).
DOI: 10.48647/ICCA.2025.38.63.006.

Введение

Несмотря на достаточно молодой возраст индустрии пластической хирургии, она является одной из самых быстро развивающихся и востребованных направлений не только России или США, но и Китая. Эстетическая медицина в Поднебесной становится частью современной культуры и экономики, охватывая все более широкую аудиторию. Согласно китайским медиа, индустрия «медицины красоты» вступила в золотой период развития: объем рынка достиг

296,4 млрд юаней в 2024 г., увеличившись на 11 % по сравнению с предыдущим годом [医美行业最新市场数据分析].

Материалы и методы исследования. В работе были использованы описательный метод и социокультурный подходы. С помощью описательного метода была обобщена информация о текущем состоянии индустрии пластической хирургии в Китае, включая популярные процедуры, гендерные различия среди пациентов и ключевые эстетические предпочтения. Социокультурный подход позволил проанализировать, как идеалы красоты соотносятся с традиционными и современными представлениями о внешности, а также как они влияют на формирование личной и социальной идентичности. Эмпирическую основу исследования составили данные из научных публикаций, аналитических отчетов и материалов китайских медиа.

Результаты исследования

1. Исторический контекст и развитие индустрии

В Китае стремление к красоте уходит корнями в глубь тысячелетней истории. В классических текстах, таких как «Шань хай цзин (山海经)» и «Хуайнань-цзы» (淮南子), упоминались медицинские методы для улучшения внешности: операции по устранению заячьей губы, созданию ямочек, вставке искусственных глаз и другие процедуры. В 1930—1940-х гг. в Китае уже проводилась ринопластике, операции по созданию двойного века, удалению шрамов и увеличению груди. В Шанхае было основано несколько частных клиник, предоставлявших подобные услуги. В 1948 г. профессор Дж. Вебстер провел в Шанхае первый специализированный обучающий курс. Среди его участников были будущие светила отрасли — Чжу Хунъинь (朱洪荫), Чжан Дисэн (张涤生) и Сун Жуяо (宋儒耀). В 1957 г. в Пекине была основана первая в Китае специализированная клиника пластической хирургии (北京整形外科医院). Позднее были созданы аналогичные отделения в городах Гуанчжоу, Шанхай, Чунцин и Сиань [王炜 [Ван Вэй], с.56]. В этот период стали издаваться первые китайские учебники и руководства по пластической хирургии, закладывались научные основы специальности. Чжу Хунъинь составил «Введение в пластическую хирургию», Сун Жуяо — «Исправление заячьей губы и волчьей пасти» и «Пластическое хирургическое лечение травм руки», а Кун Фаньху (孔繁枯) написал «Практическую пластическую хирургию» [整形外科]. Несмотря на политические потрясения 1960—1970-х гг., в этот период Китай стал лидером в области микрохирургической реконструкции: проводились сложные пересадки пальцев, кожных тканей. Начиная с 1978 г., после проведения экономических реформ, отрасль начала стремительно развиваться. Количество выполняемых операций увеличилось в сотни раз, что наглядно демонстрирует пример Шанхайской 9-й больницы (上海第九人民医院): если в 1992 г. там проводилось около 9000 хирургических вмешательств, то к 2002 г. их число достигло 28 000. Тем не менее пластическая хирургия в Китае совершила настоящий прорыв примерно на рубеже XXI в., особенно после 2003 г., чему способствовали различные социальные и экономические изменения [王炜, p.57].

Рост индустрии в среднем составляет 15—20 % ежегодно. Профиль типичного пациента уже давно изменился. В подавляющем большинстве случаев (восемьдесят процентов пациентов) к хирургическому вмешательству обращаются молодые женщины. Средний возраст тех, кому проводится операция, составляет 25 лет. Увеличивается и доля мужчин: чаще всего это представители индустрии медиа, маркетинга и других визуально ориентированных сфер [Zuo 2025].

2. Популярные процедуры

Самой распространенной пластической операцией в Поднебесной остается создание двойного века (全切双眼皮). В Китае, как и во многих странах Восточной Азии, у значительной части населения природное веко — одинарное, не имеющее складок. Кожа верхнего века покрывает внутреннюю часть глаза, а значит, никакая складка не делит веко на две части. Это небольшое хирургическое вмешательство, при котором на верхнем веке формируется складка, визуально увеличивающая глаза. Операцию часто связывают с желанием выглядеть более «западно» — с открытым, «бодрым» взглядом, большими глазами, в то время как другие отмечают, что акцент делается не на абсолютном размере, а на гармоничных пропорциях. Большие глаза визуально улучшают общую привлекательность, так как являются наиболее выразительной частью лица. Востребованность операции также обусловлена относительной ценовой доступностью — средняя стоимость варьируется от 3000 до 8000 юаней, и скоростью реабилитации — отеки и синяки исчезают за 7—10 дней, через месяц швы полностью заживают. Сегодня в Китае операция часто воспринимается как «путь к успеху» — ее дарят детям в честь окончания школы или как награду за хорошие оценки.

Вторая по популярности пластическая операция в Китае — это ринопластика (鼻部整形). Если в западной практике наиболее частой задачей хирурга является уменьшение горбинки, сужение спинки и кончика носа, то в Китае, напротив, популярна операция по увеличению проекции — подъему переносицы, коррекции плоского профиля и утончению широких ноздрей. Так называемый «китайский нос» обычно характеризуется низкой и плоской переносицей, широким основанием и менее выраженным кончиком. Именно эти черты чаще всего становятся объектом эстетических коррекций. Китайцы предпочитают прямой профиль носа с высокой спинкой, четко очерченным кончиком и прямым выступом кончика носа. Хирургические методы адаптированы под эти предпочтения [Samizadeh 2019, p. 106]. В большинстве случаев в переносицу вставляется силиконовый имплант, также может использоваться хрящ пациента — например, из уха или ребра. Это позволяет визуально вытянуть и приподнять нос, сделать его более «трехмерным» в профиль и тем самым избавиться от характерной плоскости лица. Часто дополнительно моделируется кончик носа: его поднимают, сужают и придают более четкую форму. Иногда также сужают крылья носа, если анатомия требует дополнительной коррекции. В Китае ринопластика стоит от 8000 до 50 000 юаней, в зависимости от используемых материалов и сложности операции. Цены в крупных городах (Пекин, Шанхай) на 30—60 % выше, а услуги топовых хирургов могут достигать 80 000 юаней.

Мандибулопластика (下颌角整形手术) — это пластическая операция для изменения формы и размера нижней челюсти. Одна из самых популярных хирургических процедур в Китае среди женщин, стремящихся к так называемому «V-образному» лицу. Самой красивой формой лица принято считать овал, отсюда выражение 瓜子脸 — лицо овальной формы с сужением внизу, лицо в форме семечки тыквы [Samizadeh 2019, p.103]. Такой тип лица обычно считается символом утонченности и элегантности, особенно подчеркивающим объемность черт (высокая переносица, глубоко посаженные глаза). Методы исправления углов нижней челюсти в основном включают в себя операции по шлифованию костей и по резекции костей. Первая обычно стоит около 40 000—50 000 юаней, стоимость второй — около 50 000—100 000 юаней.

В Китае пользуется спросом гениопластика (下巴整形手术). Эта пластическая операция, направленная на моделирование пропорций, форм, размеров и положения подбородка. Согласно статистике, принято считать, что нижняя часть подбородка красивой женщины часто составляет одну шестую от общей длины лица. При стандартных пропорциях лица расстояние от нижней губы до кончика подбородка примерно в два раза превышает расстояние от верхней губы до носовой складки. Если смотреть сбоку, то кончик носа, нижняя губа и наиболее выступающая часть подбородка образуют одну линию, что является стандартным идеальным соотношением. Острый, вытянутый подбородок придает лицу изящество, удлиняет силуэт, создает ту самую V-линию, которая считается эталоном привлекательности [Samizadeh 2019, p.105]. Однако тот факт, что стандартный подбородок доступен лишь немногим людям из-за различных особенностей, не означает, что красивый подбородок недоступен большинству людей. Операция может включать смещение костной ткани или установку импланта и обычно проводится через разрез во рту. Цена на операцию варьируется от 15 000 до 50 000 юаней.

В последние годы новым трендом в пластической хирургии в Китае стали «эльфийские уши» (膨体精灵耳) за счет структурной модификации ушного хряща. В отличие от классической отопластики, здесь акцент делается не на уменьшении, а на объемном моделировании ушной раковины с эффектом «лопухости». Китайки утверждают, что после названной манипуляции их лица выглядят тоньше, меньше и, следовательно, привлекательнее. В Китае торчащие уши традиционно считаются символом удачи, что помогло тренду на «эльфийские уши» захватить местные платформы социальных сетей, такие как Weibo, где китайский хэштег, переводимый как «пластическая операция по созданию эльфийских ушей», набрал более 700 миллионов просмотров. Операция по созданию «эльфийских ушей» в Китае включает в себя два основных метода: хрящевую пластику (отделение и фиксация собственного хряща) и имплантацию синтетических материалов, при этом разрез скрывается за ухом. Стоимость варьируется от 25 000 до 80 000 юаней в зависимости от сложности: импланты дешевле (от 25 000 юаней), а хрящ (например, реберный) дороже (до 80 000 юаней).

Давно не секрет, что в Китае помешаны на чуде. Местные стандарты красоты для обычного русского человека могут показаться чем-то на грани с анорек-

сией — настолько они экстремальны. Китайский идеал — это худоба без намека на мышцы. Подкачанное тело, столь популярное на Западе, здесь не в почете. В Xiaohongshu (小红书) то и дело всплывают странные тренды, подчеркивающие эту одержимость: девушки прикладывают лист А4 к талии, хвастаясь, что их фигура уже ширины бумаги. Кладут помады в ключичные ямки, демонстрируя, насколько выражены их кости. Обматывают наушники вокруг талии, словно пытаясь доказать, что они тоньше провода. Китайцы в своих социальных сетях объясняют это тем, что в современном обществе худоба рассматривается как символ красоты и здоровья. Худые женщины, как правило, хорошо выглядят, легче подбирают одежду и чувствуют себя увереннее в общественных местах. Кроме того, худое телосложение вызывает у людей чувство слабости и потребности в защите, что удовлетворяет психологические потребности мужчин быть защитниками, заботясь о других. Возможно, поэтому липосакция — одна из самых востребованных процедур в Китае. Липосакция (抽脂) — это операция, которая позволяет человеку избавиться от лишнего жира в различных областях тела. В ходе операции удаляется избыток подкожного жирового слоя, который нарушает эстетику тела или лица. Особенно популярна липосакция живота, боков, внутренней поверхности бедра, подбородка и рук. Все чаще пациенты делают 360-градусную липосакцию талии (360° 环形吸脂) и липосакцию, комбинированную с липофилингом — удаление жира с одного участка с пересадкой в другой (в ягодицы или грудь). Как правило, липосакция стоит от 6000 до 100 000 юаней, а конкретная стоимость зависит от области, где проводится липосакция. Самая «дешевая» зона — руки, дороже всего обойдется липосакция всего тела. В погоне за эталоном хрупкости китайские девушки готовы на радикальные меры. Одним из самых шокирующих трендов стала операция по резекции икроножной мышцы — болезненная и рискованная процедура, которую выбирали те, кому казалось, что их икры выглядят «слишком мужественно». Это пластическая операция по уменьшению окружности голени путем удаления части икроножной мышцы или блокирования нервов, управляющих этой мышцей. Такая операция стоит 30 000—80 000 юаней.

Еще один стандарт красоты в Китае — «плечи под прямым углом», когда линии плеч и шеи образуют угол в 90 градусов. Прямая линия плеч производит впечатление собранности и элегантности и считается идеальной для одежды — словно вешалка для одежды. Однако людей с такими плечами от природы немного, большинству приходится добиваться этого эффекта с помощью пластической хирургии. Операция по созданию плеч под прямым углом (直角肩手术) — это пластическая операция, направленная на визуальное формирование четкой, угловатой линии плеч, приближенной к прямому углу между шеей и плечом. Такая форма считается особенно эстетичной в современной азиатской культуре красоты, поскольку подчеркивает хрупкость фигуры, делает силуэт более изящным и фотогеничным. Чаще всего прибегают именно к удалению или ослаблению трапецевидной мышцы и других мышечных тканей, влияющих на линию плеча, уменьшается толщина соединения плеча и шеи, что делает плечи визуально прямее. Цена варьируется в зависимости от клиники, сложности операции и города от 50 000 до 150 000 юаней.

В Китае к трансплантации волос (植发) прибегают чаще, чем в России, причем как лысеющие мужчины, так и девушки, которые хотят сделать локоны более густыми и скрыть широкий лоб. Средняя цена на рынке 15 000—50 000 юаней, 10—30 юаней за фолликулярную единицу.

Увеличение груди (隆胸) — одна из самых популярных пластических операций в мире, неудивительно, что она занимает лидирующие позиции и в КНР. Согласно отраслевому отчету за 2024 год, объем рынка грудных имплантатов в Китае достиг 5,308 млрд юаней, что составляет четверть мирового показателя [乳房植入物行业研究-2024年全球市场收入约195.38亿元, 2025]. В Китае у женщин, как правило, маленькая грудь, и более 60 % из них имеют генетическую предрасположенность. Нетрудно понять, почему все больше китайенок решаются на такую операцию — красивая грудь помогает чувствовать себя увереннее, выглядеть более привлекательно и чаще воспринимается как залог личного и даже карьерного успеха. Стоимость операции по увеличению груди обычно составляет от 30 000 до 150 000 юаней, а конкретная цена зависит от таких факторов, как материал импланта, хирургический метод и опыт врача.

3. Социально-культурные факторы

Развитие пластической хирургии в Китае следует рассматривать как отражение сложной системы культурных трансформаций, цифровых трендов и новых форм социального капитала. В отличие от западных моделей, где хирургия зачастую является выражением индивидуализма, в Китае телесная модификация приобрела характер коллективно санкционированной нормы, укорененной в исторических архетипах, цифровой визуальности и прагматике социального успеха. Традиционные идеалы сохраняют культурную значимость и определяют фон, на котором развивается современная эстетика. Концепт «трех малых» (三小) — изящные кисти, миниатюрные стопы, узкое лицо — впервые артикулированный в поэзии династии Тан, демонстрирует приоритет утонченной, хрупкой женственности. Аналогично культ белизны кожи как символа высокой кастовости и социального статуса восходит к древнекитайскому канону «Книга песен» (诗经), где цвет кожи ассоциировался с принадлежностью к элите [Дашеева 2022, с. 63]. Современные стандарты красоты трансформируются под влиянием глобализированной медиакультуры. Одним из ключевых внешних факторов является корейская волна (韩流), способствующая широкой популяризации образа «кукольной» внешности, характерного для К-поп индустрии.

Параллельно усиливается вестернизация: востребован образ так называемого «мягко европеизированного» лица, отличающегося увеличенными глазами, высокими скулами и сглаженной линией носа [Васьков 2016, с. 396]. Однако, важно подчеркнуть, что данная эстетика адаптируется с учетом этнической идентичности и не стремится к полной маскировке национальных черт.

Сетевые технологии не только визуализируют, но и институционализируют представления о теле как проекте, требующем апгрейда. Цифровые платформы, такие как Xiaohongshu (小红书) и Douyin (抖音), играют ключевую роль в распространении эстетических стандартов [Jin X. 2022]. Алгоритмы приоритизируют контент, связанный с эстетической медициной: хештеги #医美 и #整形案例 встре-

чаются в 43 % и 27 % популярных публикаций соответственно. Это создает «алгоритмическую воронку», где хирургическая трансформация преподносится как логичный этап ухода за собой. Формируется феномен цифрового дисморфизма — искаженного восприятия внешности под влиянием фильтров и AR-масок [沈松钦 2021, р. 96]. Отсюда возникает спрос на «фильтр-ориентированную» пластику — коррекцию внешности в соответствии с параметрами популярных цифровых масок, что ведет к унификации лицевой эстетики [Васендина 2019, с. 760]. На этом фоне формируются мощные цифровые сообщества, в которых обсуждение, планирование и демонстрация пластических операций становятся социально одобряемой нормой. Ключевым инструментом такой социализации выступает платформа SoYoung (新氧) — крупнейший маркетплейс эстетической медицины в Китае. Приложение позволяет пользователям изучать информацию о процедурах, просматривать видео-отзывы, сравнивать рейтинги клиник и врачей, а также напрямую бронировать услуги. К ноябрю 2024 г. приложение достигло более 3,9 млн активных пользователей в месяц, заняв первое место среди аналогичных платформ в Китае [Lai Lin Thomala 2024]. Кроме того, в октябре 2024 г. SoYoung вошла в двадцатку самых быстрорастущих интернет-компаний страны, что подчеркивает институциональную значимость цифровой социализации в сфере телесности [新氧 2025]. В китайской культуре внешность воспринимается как важный инструмент достижения успеха — в карьере, личной жизни и социальном продвижении. Привлекательный облик может быть решающим фактором при приеме на работу, заключении брака и формировании общественного имиджа [Zhang 2024, р. 9]. Инвестиции в себя в виде эстетических процедур рассматриваются как стратегическое поведение, особенно среди женщин. В условиях жесткой конкуренции и при акценте на визуальной репрезентации красота превращается в значимый капитал, способный приносить социальные и экономические дивиденды [Sun 2018].

Заключение

Пластическая хирургия в Китае является не только проявлением стремления к красоте, но и отражением социокультурных трансформаций, влияния цифровых трендов и новых форм социального капитала. Развитие этой индустрии демонстрирует, как традиционные идеалы красоты адаптируются под воздействием глобализации и медиакультуры, а также подчеркивает значимость внешности в достижении личного и профессионального успеха в современном китайском обществе [Kozlov 2017, с. 56]. Формирующиеся в Китае стандарты внешности все чаще сопряжены с конкретными чертами — V-образным лицом, двойным веком, высокой переносицей и изящным подбородком. Эти образы не возникают изолированно, а рождаются на стыке традиций, глобальных трендов, влияния социальных сетей и медиакультуры. В контексте китайского общества красота приобретает особый смысл — она становится не только эстетическим, но и социальным императивом.

Таким образом, изучение феномена пластической хирургии в Китае позволяет глубже понять не только сами трансформации тела, но и более широкие

процессы трансформации идентичности, гендерных ролей, статуса и самовосприятия. Будущее индустрии, вероятно, будет связано не только с техническим прогрессом и расширением ассортимента услуг, но и с дальнейшими изменениями в восприятии красоты, которые отразят новые этапы культурного и социального развития Китая.

Библиографический список

Васендина А.С., Чижова Е.А. Особенности восприятия стандартов красоты в рекламе китайской аудиторией // Актуальные проблемы авиации и космонавтики. 2019. С. 759—762.

Васьков Д.А., Занина К.Ю. Идеал женской красоты в Китае вчера и сегодня // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества. 2016. Т. 6. С. 394—397.

Дашеева С.Б. Косметология в Древнем Китае: уход за кожей // Россия — Китай: развитие регионального сотрудничества в XXI веке. 2022. С. 62—69.

Jin X., Twayigira M., Zhang W., Gao X., Luo X., Xu H., Huang C., Shen Y. Prevalence and associated factors of minimally invasive facial cosmetic surgery in Chinese college students // BMC Psychiatry. 2022. Vol. 22. Art. 27. DOI: <https://doi.org/10.1186/s12888-021-03676-3>.

Kozlov A. Chasing perfection: plastic surgery and unemployment in China / A. Kozlov // Вестник Московского университета. Серия 13: Востоковедение. 2017. № 4-1. С. 53—71.

Lai Lin Thomala. Monthly active user number of leading medical aesthetics apps in China in November 2024 // Statista 2024. URL: <https://www.statista.com/statistics/1139494/china-leading-plastic-surgery-apps-monthly-active-users/> (accessed: 10.05.2025).

Samizadeh S. The ideals of facial beauty among Chinese aesthetic practitioners: results from a large national survey // Aesthetic Plastic Surgery. 2019. Vol. 43. P. 102—114. DOI: 10.1007/s00266-018-1241-8.

Sun Q. Materialism, self-objectification, and capitalization of sexual attractiveness increase young Chinese women's willingness to consider cosmetic surgery // Frontiers in Psychology. 2018. Vol. 9. Art. 2002.

Zhang Y., Jiang M., Liu J., Liu B. Pursuing beauty: socio-cultural and labor-economic determinants of cosmetic surgery consideration among female college students in China // BMC Psychology. 2024. Vol. 12. Art. 519. DOI: 10.1186/s40359-024-02016-w

Zuo Natalia. 'I've had 100 operations and will never stop' — inside China's cosmetic surgery boom // BBC News. URL: <https://www.bbc.com/news/articles/cj3xv653k6do> (accessed: 17.05.2025).

Лифт имплантатов: исследование отрасли грудных имплантатов: в 2024 году мировой доход составил около 19,538 млрд юаней // Мобильный цифровой интеллект Молань. URL: <https://caifuha0.eastmoney.com/news/20250428142934299398790> (дата обращения: 20.04.2025). (На Кит.).

Шань Сунцин. [Шэнь Сунцин]. От医美直播看短视频时代女性的“美貌神话” [Кульм красоты женщин в эпоху коротких видео на примере прямых трансляций в индустрии эстетической медицины] // Журнал Технологического института Цзинчу. 2021. Т. 36. № 4. С. 91—96. (На Кит.).

Вэй Ван Вэй. [Ван Вэй]. История пластической хирургии и эстетической медицины в Китае уходит корнями в древность // Шанхайский транспортный университет. 2015. С. 56—58. (На Кит.).

新氧 [Синьян] // 百度百科 [Энциклопедия Байду]. URL: <https://baike.baidu.com/item/新氧/23751923> (дата обращения: 15.05.2025). (На Кит.).

Анализ последних данных: в 2024 году объём рынка эстетической медицины достиг 296,4 млрд юаней

ней, рост на 11 % — золотой период развития] // 观知海内整理 [Гуаньчжи хайнэй чжэнли]. URL: <https://dongfangqb.com/article/11188> (дата обращения: 23.04.2025). (На Кит.).

整形外科 [Пластическая хирургия] // 百度百科 [Энциклопедия Байду]. URL: <https://baike.baidu.com/item/整形外科/1212849> (дата обращения: 10.05.2025). (На Кит.).

References

Vasendina A.S., Chizhova E.A. Osobennosti vospriyatiya standartov krasoty v reklame kitaiskoi auditoriei [Peculiarities of Beauty Standards Perception in Advertising by Chinese Audience]. *Aktual'nye problemy aviatsii i kosmonavтики* [Current Problems of Aviation and Astronautics], 2019, pp. 759—762. (In Russ.).

Vaskov D.A., Zanina K.Yu. Ideal zhenskoi krasoty v Kitae vchera i segodnya [The Ideal of Female Beauty in China Yesterday and Today]. *Rossiya i Kitai: istoriya i perspektivy sotrudnichestva* [Russia and China: History and Prospects of Cooperation], 2016, vol. 6, pp. 394—397. (In Russ.).

Dasheeva S.B. Kosmetologiya v Drevnem Kitae: ukhody za kozhei [Cosmetology in Ancient China: Skin Care]. *Rossiya — Kitai: razvitie regional'nogo sotrudnichestva v XXI veke* [Russia—China: Development of Regional Cooperation in the 21st Century], 2022, pp. 62—69. (In Russ.).

Jin X., Twayigira M., Zhang W., Gao X., Luo X., Xu H., Huang C., Shen Y. Prevalence and associated factors of minimally invasive facial cosmetic surgery in Chinese college students. *BMC Psychiatry*, 2022, vol. 22, art. 27. DOI: 10.1186/s12888-021-03676-3

Kozlov A. Chasing perfection: plastic surgery and unemployment in China. *Vestnik Moskovskogo Universiteta* [Moscow University Bulletin], 2017, no. 4-1, pp. 53—71.

Thomala L.L. Monthly active user number of leading medical aesthetics apps in China in November 2024. *Statista*, 2024. URL: <https://www.statista.com/statistics/1139494/china-leading-plastic-surgery-apps-monthly-active-users/> (accessed: 10.05.2025).

Samizadeh S. The ideals of facial beauty among Chinese aesthetic practitioners: results from a large national survey. *Aesthetic Plastic Surgery*, 2019, vol. 43, pp. 102—114. DOI: 10.1007/s00266-018-1241-8.

Sun Q. Materialism, self-objectification, and capitalization of sexual attractiveness increase young Chinese women's willingness to consider cosmetic surgery. *Frontiers in Psychology*, 2018, vol. 9, art. 2002.

Zhang Y., Jiang M., Liu J., Liu B. Pursuing beauty: socio-cultural and labor-economic determinants of cosmetic surgery consideration among female college students in China. *BMC Psychology*, 2024, vol. 12, art. 519. DOI: 10.1186/s40359-024-02016-w

Zuo N. 'I've had 100 operations and will never stop' — inside China's cosmetic surgery boom. *BBC News*, 2025. URL: <https://www.bbc.com/news/articles/cj3xv653k6do> (accessed: 17.05.2025).

乳房植入物行业研究：2024年全球市场收入约195.38亿元. 文本：电子 [Research on the Breast Implant Industry: Global Market Revenue Approximately 19.538 Billion Yuan in 2024]. 摩澜数智研究中心 [网站] [Molan Digital Intelligence Research Center]. URL: <https://caifuha0.eastmoney.com/news/20250428142934299398790> (accessed: 20.04.2025). (In Chinese).

沈松钦. 从医美直播看短视频时代女性的“美貌神话”. 文本：直接 [The Myth of Female Beauty in the Era of Short Videos through the Lens of Aesthetic Medicine Livestreams]. 荆楚理工学院学报 [Journal of Jingchu Institute of Technology], 2021, vol. 36, no. 4, pp. 91—96. (In Chinese).

王炜. 中国整形外科和医学美容的历史源远流长. 文本：直接 [Wang Wei. A Long History of Plastic and Aesthetic Medicine in China]. 上海交通大学第九人民医院整形外科 [Plastic Surgery Department of Ninth People's Hospital, Shanghai Jiao Tong University], 2015, pp. 56—58. (In Chinese).

新氧. 文本：电子 [So Young]. 百度百科 [网站] [Baidu Baike]. URL: <https://baike.baidu.com/item/新氧/23751923> (accessed: 15.05.2025). (In Chinese).

医美行业最新市场数据分析: 2024年医美行业市场规模达到2964亿元, 同比增长11%, 医美行业迎来黄金发展期. 文本: 电子 [Latest Market Data on the Aesthetic Medicine Industry: Market Size Reached 296.4 Billion Yuan in 2024]. 观知海内整理 [网站] [Guanzhi Hainei], 2025. URL: <https://dongfangqb.com/article/11188> (accessed: 23.04.2025). (In Chinese).

整形外科. 文本: 电子 [Plastic Surgery]. 百度百科 [网站] [Baidu Baike] URL: <https://baike.baidu.com/item/整形外科/1212849> (accessed: 10.05.2025). (In Chinese).

Поступила в редакцию: 16.06.2025
Принята к публикации: 02.07.2025

Received: June 16, 2025
Accepted: July 02, 2025

И.А. Галкин

Приход Пол Пота к власти

Аннотация. В апреле 2025 г. исполнилось 50 лет с момента вхождения «красных кхмеров» в Пномпень. 17 апреля 1975 г. началась одна из самых страшных страниц в истории Камбоджи, последствия которой изменили облик страны на долгие годы вперед. В данной работе автор рассмотрит политическую борьбу в Камбодже периода 1953—1975 гг. с позиции коммунистического подполья, а также раннюю биографию лидера движения «красных кхмеров».

Ключевые слова: Камбоджа, «красные кхмеры», Пол Пот, Салот Сар, политическая борьба, НЕФК.

Автор: Галкин Иван Андреевич, бакалавр, Московский государственный институт (университет) международных отношений Министерства иностранных дел Российской Федерации. ORCID: 0009-0009-5371-318X.
E-mail: galkinivivan@yandex.ru

Для цитирования: Галкин И.А. Приход Пол Пота к власти // Современная Азия: политика, экономика, общество. 2025. № 2. С. 66—81.
DOI: 10.48647/ICCA.2025.92.55.007.

I.A. Galkin

Pol Pot's Rise to Power

Abstract. April 2025 marks the 50th anniversary of the Khmer Rouge's entry into Phnom Penh. On April 17, 1975, one of the darkest chapters in Cambodia's history began, the consequences of which profoundly reshaped the country for decades. This study examines the political struggle in Cambodia from 1953 to 1975 through the lens of the communist underground movement, alongside the early biography of the Khmer Rouge's leader.

Keywords: Cambodia, Khmer Rouge, Pol Pot, Saloth Sar, political struggle, National United Front of Kampuchea.

Author: Galkin Ivan A., Bachelor, Moscow State Institute of International Relations of Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation.
ORCID: 0009-0009-5371-318X. E-mail: galkinivivan@yandex.ru

For citation: Galkin I. A. Pol Pot's Rise to Power. *Sovremennaya Aziya: Politika, Ekonomika, Obshchestvo* [Modern Asia: Politics, Economy, Society], 2025, no. 2, pp. 66—81. (In Russ.). DOI: 10.48647/ICCA.2025.92.55.007.

I. Юность Пол Пота и формирование политических взглядов лидера «красных кхмеров»

Ранняя биография

Пол Пот, урожденный Салот Сар, появился на свет в деревне Прексбаув, находившейся меньше чем в четырех километрах к западу от города Кампонг-тям, столицы местной провинции, и примерно в ста пятидесяти километрах от Пномпеня. Из-за своей необычайной скрытности, которая с течением лет только усиливалась и выражалась в уничтожении документов и искажении собственной биографии, некоторая путаница с его точной датой рождения не кажется удивительной. В 1977 г. северокорейская радиостанция объявила, что Пол Пот родился в 1925 г. Однако согласно французским колониальным документам, составленным в Камбодже в 1950-х, день рождения Пол Пота приходится на 25 мая 1928 г. Вторая дата многим авторам казалась более правдоподобной, чем первая. Однако в последних интервью она была опровергнута братьями и сестрами Салот Сара. В своем интервью Нейту Тейеру в 1997 г. Пол Пот настаивал на более ранней дате. По этим причинам предпочтение теперь отдается 1925 г. [Чэндлер, с. 26].

Его семья принадлежала к зажиточному крестьянству: отец, Пен Салот, владел 10 гектарами рисовых полей, что в аграрной Камбодже считалось признаком большого достатка. Мать, Сок Нем, пользовалась в своем районе большим уважением за набожность и трудолюбие [Чэндлер, с. 27]. Оба родителя Салот Сара были этническими кхмерами.

Будущий лидер «красных кхмеров», выступавший за уничтожение «буржуазных элементов», вырос в относительно привилегированной среде. Семья Салот Сара была тесно связана с королевским двором [Kiernan, с. 10]. В 1920-х гг., в период правления короля Сисовата Монивонга (1927—1941 гг.), двоюродная сестра Салот Сара, Меак, вошла в состав королевского балета, а позже стала королевской наложницей. После рождения сына Меак получила полномочия управлять женской частью двора. Даже после смерти Монивонга в 1941 г. она сохранила влияние, оставаясь старшим преподавателем королевского балета до 1970-х гг.

В 1934—1935 гг., когда Салот Сару исполнилось девять лет, родители отправили его в Пномпень под опеку Меак (двоюродная сестра Салот Сара) и Суонга (один из старших братьев Салот Сара). Такая практика была распространена в камбоджийском обществе и не означала разрыва с биологической семьей. Однако, по воспоминаниям родственников, Сар тяготился строгостью городской жизни, предпочитая свободу деревенского детства. При этом заметим, что, согласно историку геноцида и кхмерологу Бену Кирнану, Салот Сар никогда не работал в поле [Kiernan, с. 10]. Несмотря на это, конфликтов с родителями у него не было: в конце 1950-х гг. Салот Сар присутствовал на похоронах отца и даже

выделил средства на сооружение мемориальной ступы, хотя позже избегал упоминаний о семье, делая акцент на своем «крестьянском» происхождении.

Жизнь в Пномпене началась для Салот Сара с буддийского монастыря Ват Вотум Ваддей, находившегося под патронажем королевской семьи. Здесь он провел несколько месяцев в качестве послушника, изучая кхмерский язык и основы буддизма. Жесткие монастырские правила, включавшие беспрекословное послушание, могли оказать травмирующее влияние на разлученного с родителями ребенка. Заметим, что именно этот период стал единственным этапом его образования, когда обучение велось на родном языке, а не на французском.

По свидетельствам родственников, Салот Сар в детстве был спокойным и вежливым ребенком. Его приемные родители, которые приняли Сара на попечение в Пномпене, Лот Суонг и Чеа Сами, подчеркивали отсутствие конфликтов со сверстниками: «Он никогда не дрался и не ссорился», — вспоминала Сами в интервью 1990-х гг. Никаких явных признаков будущей жестокости в его поведении не наблюдалось. Как отмечал Суонг, «А-Пот¹ был милым ребенком» [Чэндлер, с. 29], фраза, звучащая зловеще в контексте последующих событий.

Отсутствие травмирующих событий в биографии Салот Сара ставит под вопрос прямую связь между его детством и последующей идеологической радикализацией. Однако двойственность социального статуса, а именно принадлежность к привилегированному слою при имитации крестьянских корней могла сформировать внутренний конфликт, позже проявившийся в ненависти к «буржуазным элементам». Кроме того, строгая монастырская дисциплина и раннее знакомство с иерархией власти, вероятно, повлияли на его методы управления в годы диктатуры.

Учеба за границей

В 1949 г. Салот Сар прибыл в Париж по государственной стипендии [Death of Pol Pot] для изучения радиоэлектроники, однако его истинным увлечением стала политика. В Сорбонне он сблизился с марксистскими кружками, где познакомился с Иенг Сари, Тиоунн Муммом и другими кхмерскими студентами. Под влиянием трудов Сталина, Ленина и Мао он начал разрабатывать идею «аграрного коммунизма», отвергающего городскую элиту и интеллигенцию. В 1950 г. Сар присоединился к группе студентов, отправившихся в Югославию для участия в рабочих лагерях. Хотя позже он называл эту поездку «развлечением» [Чэндлер, с. 66], месяц тяжелого труда на стройках Загреба познакомил его с титовской моделью социализма, которая, вопреки советскому влиянию, делала ставку на умеренный национализм и независимую внешнюю политику. Как подчеркивают исследователи, поездка в Югославию произвела на него благоприятное впечатление [Short, с. 56]. Анализируя и сопоставляя югославскую модель и Кампучию периода «красных кхмеров», можем заметить некоторые идеологические сходства: национализм и «особый путь», отчего резонно предположить, что свой опыт в Югославии Сар действительно считал благоприятным и поэтому проводил похожую политику уже на позиции главы государства.

¹ В кхмерском языке частица «А» перед именем добавляется для указания снисхождения.

Для анализа личности Сара (беря во внимания последующую ксенофобию лидера «красных кхмеров») важно отметить, что во Франции Сар избегал интеграции в местную культуру: в отличие от Мумма и Ваннсака, женившихся на француженках, Сар предпочитал узкий круг кхмерских единомышленников. Его комната на улице Летелльер стала местом полуподпольных дискуссий, где изучали «Капитал» Маркса и сталинский «Краткий курс истории ВКП(б)». По воспоминаниям Кенга Ваннсака, Сар проводил дни за чтением букинистических книг с берегов Сены, увлекаясь Руссо и революционной риторикой Робеспьера, хотя глубины в его суждениях не было [Чэндлер, с. 80—82].

Важным моментом стала статья «Монархия или демократия?», опубликованная в 1952 г. под псевдонимом «Истинный кхмер» в кхмерском студенческом журнале «Кхмер нисат». В ней Сар обвинил короля Сианука в коллаборационизме с французами, назвав монархию «гноящейся раной», которую должен уничтожить народ [Чэндлер, с. 83]. Ссылаясь на Французскую революцию и победы Сталина, он провозгласил, что будущее Камбоджи — за «сплоченной партией под твердым руководством», способной подавить врагов народа. Статья, написанная довольно эмоционально и поверхностно, отразила его зарождающийся культ силы. К концу 1952 г., лишившись стипендии за провал экзаменов, Сар вернулся в Камбоджу. По словам Мей Манна, «Салот Сар был единственным, кто был готов посвятить всю свою жизнь революции», — в отличие от других, колебавшихся [Чэндлер, с. 85].

Французский период заложил основы его идеологии: смесь кхмерского национализма, сталинского [Short, с. 69] авторитаризма и маоистского упора на крестьянство. Однако ключевой чертой Сара оставалась скрытность. Даже близкие соратники, вроде Ваннсака, отмечали его молчаливость и отсутствие ярких амбиций. Эта маска скромного функционера позволила ему десятилетиями избегать публичности. Его неприязнь к интеллигенции и вера в то, что завоевания революции можно сохранить лишь через террор, стали трагическим наследием парижских лет.

Детство и юность Салот Сара демонстрируют несоответствие происхождения и будущей роли коммунистического лидера: выходец из привилегированной семьи стал апологетом крестьянской революции. Учеба во Франции и контакты с международным коммунистическим движением (поездка в Югославию, участие во Всемирном фестивале молодежи в ГДР) сформировали его радикально-левые взгляды, но ключевым элементом идеологии остался кхмерский национализм, направленный на создание чисто аграрного общества. Эти установки предопределили трагедию 1975—1979 гг.

II. Период политической борьбы в Камбодже после обретения независимости

Перед выборами в Национальное собрание (1953—1955 гг.)

После возвращения в Камбоджу в 1953 г. Салот Сар некоторое время жил у своего брата в Пномпене, с которым делился мыслями по поводу политической ситуации в стране. Он хотел войти в контакт с некоммунистическими антифран-

цузскими подразделениями, главным образом с партизанскими отрядами принца Нородома Чантараингсея и группой Сон Нгок Тханя¹. В интервью 1975 г. Салот Чхай вспомнил, как он уговаривал своего брата сотрудничать с Чантараингсеем, однако Салот Сар отверг это под предлогом «феодалности» принца и выразил интерес к достаточно провьетнамскому движению Кхмер Иссарак. В августе того же года Сар вступил в Коммунистическую партию Индокитая на основании своего членства в Коммунистической партии Франции [Чэндлер, с. 95—96].

Европейское образование и связь с городской камбоджийской элитой облегчили продвижение Салот Сара по партийной линии. Не имея боевого опыта и знания вьетнамского языка, он, тем не менее, был определен в престижный приграничный штаб коммунистов. Первая Индокитайская война (1946—1954 гг.) к этому времени стихала, и жизни Салот Сара мало что угрожало. Уже в ноябре 1953 г. Франция даровала Камбодже независимость. Вскоре бывшие некоммунистические группы сопротивления объединились с Сиануком, в то же время провьетнамские отряды ждали дальнейшего развития событий [Чэндлер, с. 97—99].

Вскоре после поражения французов в битве при Дьенбьенфу² была созвана Женевская конференция 1954 г., юридически закрепившая завершение Первой Индокитайской войны и, помимо прочего, разделившая Вьетнам по 17 параллели. Большинство участников сопротивления в Камбодже остались в стране, однако некоторая их часть (как правило, наиболее рьяные представители коммунистического подполья) эвакуировалась в Северный Вьетнам. В их числе были трое друзей Сара из «парижского кружка» — Сьен Ан, Рат Самоен и Юн Соерн.

Согласно Женевским соглашениям относительно Камбоджи, выборы в Национальное собрание должны были состояться в 1955 г. На этом фоне король Сианук³ становился важной политической фигурой, претендуя на роль национального лидера. В ходе предвыборной кампании Сианук использовал свой административный ресурс [История Кампучии, с. 171], подавлял оппозицию, что в конечном счете привело к развалу демократической коалиции и победе партии Сианука с поддержкой более чем 630 тысяч [Чэндлер, с. 108] избирателей.

После выборов в Национальное собрание (1955 г.)

После выборов Салот Сар остался без работы. Этот период примечателен тем, что 14 июля 1956 г., в годовщину взятия Бастилии [Short, с. 113], состоялась скромная свадьба Салот Сара и Кхье Поннари, которая в то время преподавала камбоджийскую литературу в лицее Сисовата и была старше супруга. Поннари

¹ Камбоджийский политический и государственный деятель, республиканец и националист, премьер-министр Камбоджи в 1945 г. (под патронажем японцев).

² Сражение между французскими войсками и армией Объединенного национального фронта Льен-Вьет, произошедшее в марте—мае 1954 г. Считается решающим сражением Первой Индокитайской войны, определившим поражение французских колониальных войск в регионе.

³ Король Камбоджи в 1941—1955 и 1993—2004 гг.

была женщиной маленького роста с элегантными манерами, обычно она не пользовалась косметикой, однако за два месяца до свадьбы ее ученики стали замечать, что она начала «красить губы и носить кое-какие украшения». Салот Сара привлек, в первую очередь, незаурядный ум Поннари. Тогда же он начал преподавать французский язык, географию, историю и право в частном колледже «Чамраон Вичеа» в Пномпене [Чэндлер, с. 109—110].

Как педагог, Салот Сар пользовался традиционным в тогдашнем камбоджийском обществе уважением, которое проистекало еще с тех времен, когда образование в Камбодже находилось в руках индуистских брахманов и буддийских монахов. В колониальные времена, когда рос Салот Сар, учителя также занимали высокое положение в обществе [Чэндлер, с. 110—111]. По воспоминанию одного из его учеников, Сот Полина, который впоследствии стал известным камбоджийским писателем, педагог Салот Сар «говорил отрывисто, без записей, немного подыскивая слова, но никогда не теряясь, под лирическим течением мыслей его глаза были полузакрыты... ученики были очарованы этим учителем» [Short, с. 115].

В начале 1957 г. из Парижа вернулись Иенг Сари и его супруга Кхье Тирит. Первое время они жили вместе с Саром и Поннари в их доме, где часто устраивались дискуссии на актуальные политические темы. В ходе тех дискуссий Салот Сар критиковал коррупцию, однако не обозначал свою принадлежность к коммунистам [Short, с. 117].

Примерно с 1955 г. началось общение между Салот Саром и Нуон Чеа, выходцем из состоятельной семьи Баттамбанга китайско-кхмерского происхождения, который впоследствии стал известен как «Брат номер два». После оккупации Баттамбанга тайскими войсками Нуон Чеа перебрался в Бангкок, где после поступления на юридический факультет Таммасатского университета присоединился к рядам Коммунистической партии Таиланда. Вернувшись в Пномпень в 1955 г., подобно Салот Сару, начал подпольную деятельность. Чеа отвечал за работу на селе, а Сар — в городах [Чэндлер, с. 116—117].

Итоги выборов 1955 г. и последующий уход в преподавание представляют собой ключевую трансформацию роли Салот Сара из открытого (хотя и подпольного) партийного функционера в интеллектуала-педагога. Однако это не было уходом от политики. Напротив, профессия учителя в камбоджийской культуре обеспечила ему уникальную форму социальной легитимации и авторитета, уходящую корнями в традиции глубокого почитания брахманов и монахов-учителей. Это позволило Сару эффективно взаимодействовать с молодежью, о чем красноречиво свидетельствуют воспоминания ученика о его «очаровывающей» манере преподавания. Соккрытие партийной принадлежности указывает на стратегическую осторожность и работу на долгосрочную перспективу в условиях доминирования Сианука. Этот период «затишья» после Женевских соглашений и выборов Сианука на самом деле был периодом интенсивной консолидации идеологического ядра, накопления авторитета и поиска сторонников — важнейших процессов, подготовивших почву для будущей радикальной деятельности «красных кхмеров».

III. Усиление левых сил и выдвижение Салот Сара на ведущие роли в камбоджийском коммунистическом подполье

Политическая ситуация в Камбодже начала 1960-х гг.

В 1960-е гг. риторика короля Сианука ужесточилась по отношению как к США, так и к соседним государствам. Претензии заключались в поддержке бывшего премьер-министра Сон Нгок Тханя, который с одобрения американцев, недовольных «прокоммунистической ориентацией» принца, создал антисиануковское военизированное объединение, а также в «подготовке заговоров» со стороны Таиланда и Южного Вьетнама. Левые силы в стране поддерживали короля. Подобная ситуация благоприятствовала созданию единого коммунистического фронта [Чэндлер, с. 122]. Отношения с Китаем также были напряжены вследствие проводимой Мао «культурной революции»¹.

В сентябре 1960 г. в Ханое был проведен съезд Вьетнамской Рабочей партии, по итогам которого страна вступила во Вторую Индокитайскую войну. Через две недели после этого, с 30 сентября по 2 октября, в Пномпене был проведен партийный съезд в составе 21 делегата [Short, с. 129], который после 1975 г. был объявлен Первым съездом Коммунистической партии Кампучии. Однако в связи с этим съездом имеются некоторые белые пятна [Чэндлер, с. 125]: во-первых, в отдельных документах этот съезд обозначен как «второй», поскольку первый был в 1951 г.; во-вторых, есть основания предполагать, что съезд 1960 г. был созван по указу из Ханоя, где рассчитывали на поддержку коммунистических партий в Лаосе и Камбодже, как это было в ходе Первой Индокитайской войны.

Тем не менее в 1962 г. был убит секретарь Коммунистической партии Камбоджи Ту Самот. По одной версии, за его исчезновением стояли агенты правительства, по другой — Салот Сар убрал своего политического соперника. Однако совершенно очевидно, что этот инцидент открыл Сару путь к вершинам власти: после смерти Самота он стал временно исполняющим обязанности секретаря ЦК компартии. Вскоре после этого, по поручению Сианука был составлен список из 34 фамилий («список Лон Нола»), которые подозревались в подрывной деятельности. Туда были занесены три члена ЦК Коммунистической партии Камбоджи: Салот Сар, Иенг Сари и Сон Сен. Они были вынуждены покинуть Пномпень и искать убежища на востоке страны. Сбежав из города, Сар теперь полностью сконцентрировался на революции, у него уже не было нужды для конспирации. Начиная с 1963 года, он стал «Братом номер один» коммунистического движения в Камбодже [Чэндлер, с. 127—134].

Салот Сар — лидер коммунистической партии

Период 1963—1970 гг. характеризуется для Салот Сара постоянными перемещениями по стране, большую часть времени он и его ближайшие соратники были информационно отрезаны от остального мира. Вместе с тем тогда же произошли важнейшие международные контакты с точки зрения формирования

¹ Масштабная политическая и социальная кампания, проводившаяся в Китае с 1966 по 1976 г. с целью создания «нового человека» и очистки общества от «четырех пережитков»: старая идея, старая культура, старые обычаи и старые привычки.

идеологической базы «красных кхмеров», как их называл Сианук: визиты Салот Сара в Китай начала «культурной революции» и Северный Вьетнам. Посетив Китай, он оказался под сильным впечатлением от начального этапа «культурной революции». Частичная эвакуация из городов, вычищение «классовых врагов», отказ от воинских званий — многое из подобных китайских «практик» будет позаимствовано режимом «красных кхмеров» [Чэндлер, с. 145—147].

Не будет преувеличением сказать, что Вьетнамская война стала коренным событием, определившим вектор развития Камбоджи в 60-е и 70-е гг. XX в. В 1964 г. Сианук подписал секретное соглашение, по которому северовьетнамские войска могли размещаться и перемещаться по стране при условии «уважения к местным жителям» [Чэндлер, с. 148]. С увеличением интенсивности конфликта увеличивалось и значение этих баз в Камбодже. Фактически таким образом Сианук втянул Камбоджу во Вторую Индокитайскую войну. Вследствие размещения вьетнамских баз, с одной стороны, укреплялись позиции коммунистического подполья, а с другой — росло недовольство подобной политикой Сианука со стороны кхмерских элит.

На фоне укрепления позиций «красных кхмеров», вьетнамцы захотели познакомиться с преемником Ту Самота. По приглашению из Ханоя делегация во главе с Салот Саром провела во Вьетнаме около девяти месяцев, в ходе которых, помимо встреч партийных лидеров и согласования политической линии, вьетнамцы проводили для кхмеров курсы подготовки политических кадров [Short, с. 149—151]. Как уже было упомянуто, в 1955 г. некоторые кхмерские коммунисты эвакуировались в Северный Вьетнам, и теперь у Салот Сара встал вопрос о том, насколько далеко простирается их лояльность вьетнамцам [Чэндлер, с. 152—154]. Секретарь Рабочей партии Кампучии (с 1960 г. она называлась так, по подобию Вьетнамской рабочей партии) отстаивал линию на независимый курс красных кхмеров [История Кампучии, с. 210], в то время как вьетнамцы хотели видеть камбоджийских коммунистов в своей орбите.

Тактика камбоджийских коммунистов во второй половине 1960-х гг. во многом обосновывалась внешнеполитической конъюнктурой и опытом соседних государств. В сентябре 1965 г. крупнейшая коммунистическая партия некоммунистического мира подверглась массовым репрессиям и полному уничтожению из-за косвенного участия в попытке госпереворота. Речь идет о Коммунистической партии Индонезии. Опасаясь похожего сценария [Short, с. 155—156], Салот Сар не желал идти на союз с правительством. Национальное собрание, сформированное по итогам выборов 1966 г., избрало Премьер-министром генерала-антикоммуниста Лон Нола, вынудив «красных кхмеров» переместиться на отдаленную базу в провинции Ратанакири [Чэндлер, с. 161—163].

Данный период стал временем критического усиления и радикализации камбоджийского коммунистического движения под руководством Салот Сара. Политика короля Сианука, направленная против США, объективно создавала благоприятную среду для левых, и его секретное соглашение с Северным Вьетнамом (1964) втянуло страну в региональный конфликт. Ключевым внутренним переломом стала гибель Ту Самота, открывшая Салот Сару путь к лидерству и последующее включение его и соратников в правительственный «список Лон Нола»,

что вынудило их бежать из Пномпеня и полностью посвятить себя подпольной революционной деятельности. Этот вынужденный уход в сельские районы и восточные базы стал решающим шагом к формированию независимой партизанской силы, оторванной от городских центров.

Таким образом, внешние факторы (Вьетнамская война, региональная нестабильность) и внутренняя политика Сианука способствовали становлению «красных кхмеров» как автономной и радикальной силы. Пребывание Сара в относительной информационной изоляции способствовало выработке собственной жесткой идеологии, на которую повлиял и опыт визитов в соседние страны, особенно в Китай периода «культурной революции». Несмотря на полученную помощь и обучение, Салот Сар уже в этот период активно отстаивал курс на независимость от вьетнамского влияния, что заложило основу будущего глубокого конфликта. Уничтожение индонезийских коммунистов усилило подозрительность и непримиримость «красных кхмеров», окончательно исключив компромисс с правительством Лон Нола и вынудив движение уйти в глубокое подполье на окраины страны.

IV. Свержение Сианука и борьба НЕФК против Лон Нола

Смена политической власти в Камбодже

В течении 1960-х гг. постепенно накапливалось недовольство политикой Сианука. Во-первых, его авторитарные методы управления, включая аресты и предполагаемые убийства (в том числе обстоятельства исчезновения Ту Самота) политических оппонентов, позиционировали принца как недемократического правителя, а вместе с тем радикализировали несогласные слои населения. Во-вторых, разрешение на размещение баз вьетнамских коммунистов привело к полномасштабным бомбардировкам страны с марта 1969 г. В-третьих, резкие и зачастую необоснованные смены внешнеполитического курса и заигрывание с Западом (в 1969 г. Сианук попытался восстановить отношения с США, но безуспешно) отталкивали от принца даже часть левых, которые его поддерживали. И, наконец, экономическая ситуация в стране была крайне плачевной.

18 марта 1970 г., пользуясь отсутствием Сианука, который проходил лечение во Франции, и благоприятным моментом для ввода войск в столицу под предлогом остановки антивьетнамских погромов (в это время участники антивьетнамских демонстраций ворвались в посольства Демократической Республики Вьетнам и Республики Южный Вьетнам и разгромили их [История Кампучии, с. 213]), генерал Лон Нол как лидер правого крыла и военных вынудил Королевский совет и Национальное собрание объявить об отстранении короля от власти. Сианук узнал об этом в Москве и сразу же отправился в Пекин.

При Лон Ноле Камбоджа превратилась в арену войны. Генерал, изначально поддерживаемый ЦРУ, с молниеносной быстротой после государственного переворота обратился к военному блоку СЕАТО¹ за помощью, и уже через несколько

¹ Созданный по инициативе США военно-политический союз, главной задачей которого являлась борьба с национально-освободительным движением в странах Юго-Восточной Азии.

дней в Камбоджу начали прибывать американские военные самолеты [История Кампучии, с. 214—215]. 30 апреля Р. Никсон объявил о вторжении в Камбоджу для разгрома баз северовьетнамской армии, которую Сианук пустил в восточные районы страны. Несмотря на скорый (1 июля) вывод американских войск, ситуация в стране оставалась очень напряженной. Режим генерала Лон Нола был всецело зависим от американцев, что, на руку коммунистам, начало вызывать в обществе массовые антиамериканские настроения [История Кампучии, с. 216].

Формирование Национального единого фронта Кампучии

На момент переворота Салот Сар находился за границей. Изначально он отправился в Ханой для консультаций с вьетнамцами, однако в начале 1970 г. вместе с вьетнамским премьером Фам Ван Донгом [Short, с. 187—188] спешно поехал в Пекин, куда они прибыли на два дня позже Сианука. На переговорах в китайской столице было решено, что принц выступит против Лон Нола при поддержке вьетнамцев и коммунистического подполья. Начиная с этого момента, «красные кхмеры» состояли в полноценном союзе с вьетнамскими войсками с целью свержения режима Лон Нола, что значительно усилило их позиции. Возможно, Сару было оговорено, что вьетнамцы не собираются возвращать реальную власть Сиануку, и что фигура принца нужна новому объединенному фронту

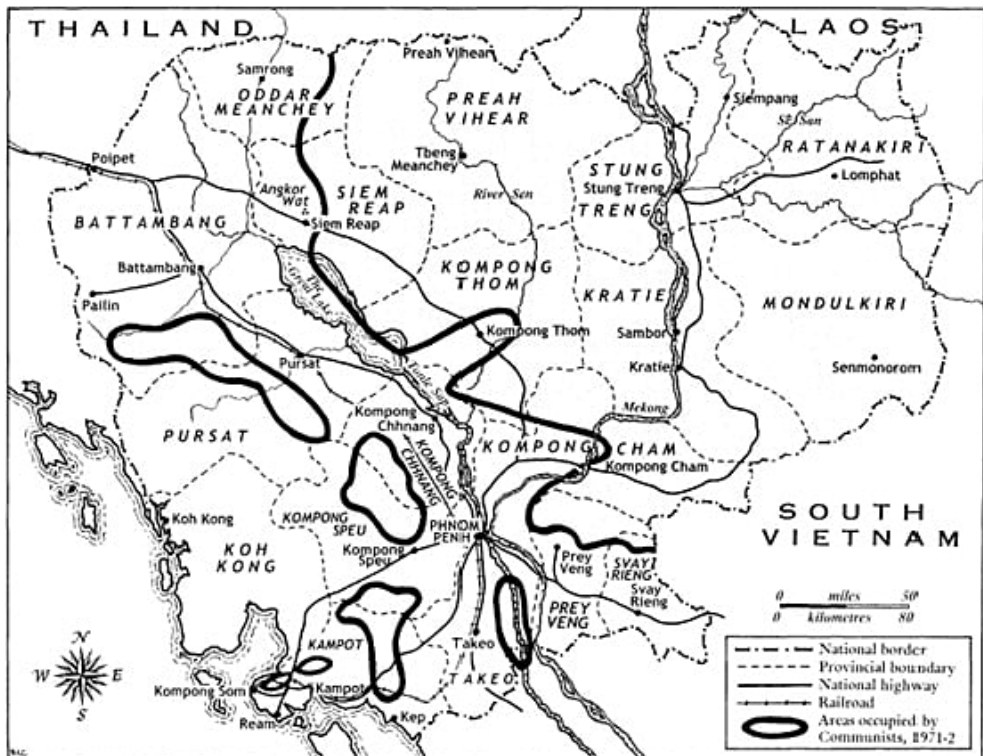


Рис. 1. Карта гражданской войны в Камбодже по состоянию на 1971—1972 гг.

Источник: [Short, с. 203].

(Национальный единый фронт Кампучии — НЕФК) для международной поддержки. Также он знал, что армия вьетнамцев превосходит армию Лон Нола. Наконец, после возвращения из Ханоя в Камбоджу по тропе Хо Ши Мина перед Салот Саром открывалась перспектива получения реальной власти в стране [Чэндлер, с. 176—180].

Пока Сианук оставался в Пекине, Салот Сар принял стратегическое командование вооруженными силами Национального фронта [Чэндлер, с. 202]. Лон Нол предпринял неудачную попытку наступления на позиции коммунистов, известную под названием «Ченла II», которая захлебнулась к декабрю 1971 г. Наибольшую роль в отражении этого наступления сыграли вьетнамские части, которые в целом руководили своими камбоджийскими «товарищами». Угроза со стороны Лон Нола ослабевала, и Салот Сар поставил задачу пропагандировать идеи коммунизма среди рабочих и крестьян, расширять социальную поддержку красных кхмеров. С 1972 г. в Камбодже начали работу партийные школы, куда массово привлекались юноши и молодые девушки.

В ходе Парижских переговоров, которые велись с 1968 г., американская делегация предложила прекращение огня в Индокитае, которое важно было заключить до ноябрьских выборов Президента США. Вьетнамцы увидели выгоду в этом предложении, кратковременное перемирие позволило бы им подготовиться к атаке на Сайгон без опасения американской интервенции. В январе 1973 г. вьетнамская сторона приняла условия США, что означало вывод большей части вьетнамских войск из Камбоджи. Под давлением американцев правительство Лон Нола пошло на прекращение огня [Lon Nol], однако «красные кхмеры» отказались сложить оружие. На то было несколько причин: во-первых, Салот Сар считал, что сможет справиться с Лон Нолом и без вьетнамской поддержки; во-вторых, вариант «примирения» с Лон Нолом, включающий возрождение легенды о лидирующей роли Сианука в НЕФК, никак не устраивал «красных кхмеров»; в-третьих, соглашение между Вьетнамом и США рассматривалось как предательство [Чэндлер, с. 204—205].

Это упрямство побудило США интенсифицировать бомбардировки Камбоджи с марта 1973 г. С одной стороны, американские бомбардировки сеяли панические настроения в обществе и дискредитировали правительство Лон Нола, которое их поддерживало [Lon Nol Says U.S.]; тысячи новобранцев присоединялись к «красным кхмерам», ведомые жадой мести. С другой стороны, бомбардировки достигли своей цели: силы НЕФК больше не окружали Пномпень, и гражданская война продолжилась еще два года. Однако общие последствия американского вмешательства оказались катастрофическими, главным образом, для сельского хозяйства страны.

В конце февраля 1973 г. Сианук, сопровождаемый своей женой Моникой и китайскими кинооператорами, совершил поездку в Камбоджу длиной около месяца. Значение этого визита состояло в демонстрации заинтересованности в принце как в политической силе со стороны Пекина и Ханоя, которые были недовольны излишней независимостью красных кхмеров. Сианук встретился с Иенг Сари (которому было поручено его сопровождать), Кхье Поннари, Сон Сенном, а также впервые с самим Салот Саром. Необходимо уточнить, что в ходе пе-

реговоров в Пекине 1970 г. Сианука не уведомили о присутствии в китайской столице лидера «красных кхмеров», так что это действительно была их первая встреча. Тем не менее Салот Сар намеренно скрыл свое положение в партии и лишь наблюдал за Сиануком в статусе инкогнито вместе со своими подчиненными [Чэндлер, с. 209]. Контакты принца с населением были ограничены, что вызвало у него досаду [Short, с. 226], однако он уже не мог ничего с этим поделать.

Решающая фаза гражданской войны и политика «красных кхмеров»

После отъезда Сианука боевые действия вступили в решающую фазу. Военные операции приняли форму трех последовательных штурмовых атак в 1973, 1974 и 1975 гг., нацеленных на захват Пномпеня [Чэндлер, с. 210]. Первая атака, которой руководил Салот Сар, была отражена при помощи американских бомбардировок. Коммунисты понесли значительные потери, однако показали себя как дисциплинированную боевую силу. В этот период во многих контролируемых «красными кхмерами» районах прошла коллективизация, частная собственность была упразднена, все ресурсы были поставлены на обеспечение армии продовольствием. В начале 1974 г. «красные кхмеры» окружили Пномпень и предприняли вторую попытку штурма, которая также не увенчалась успехом. Но уже к концу года ими была перекрыта дорога, связывающая столицу и портовый город Компонгтям. Единственным способом снабжения осажденного Пномпеня оставался воздушный коридор, по которому американцы осуществляли поставки боеприпасов, горючего и риса [История Кампучии, с. 217]. Часть продовольствия также могла поставляться по реке Меконг, однако конвои находились под постоянным артиллерийским обстрелом, поэтому данный способ снабжения был практически неэффективен.

Вместе с тем из-за радикальной социальной политики «красные кхмеры» начали терять поддержку в глазах жителей занятых территорий, которые массово двигались в Пномпень. К концу 1974 г. население осажденной столицы превысило 2 млн человек [Чэндлер, с. 213], многие из которых пытались спастись от американских бомбардировок и коммунистов.

Известно, что вскоре после празднования годовщины Коммунистической партии Камбоджи 30 сентября 1974 г., Салот Сар сильно заболел. Вообще лидер «красных кхмеров» не отличался хорошим здоровьем: по словам его личного лекаря Чхим Самаука, в апреле 1970 г., когда Сар возвращался из Ханоя в Камбоджу, он болел малярией и отравился ядовитыми павлинными грибами [Чэндлер, с. 194]; в 1974 г. у него «онемела половина тела», был сильный озноб. Обычно лидер «красных кхмеров» болел по нескольку раз в год, но благодаря Самауку быстро вставал на ноги [Чэндлер, с. 214].

V. Третий штурм и падение Пномпеня

Упадок режима Лон Нола

Дипломатическая ситуация была такова, что к концу 1974 г. уже 63 страны признали НЕФК, и правительству Лон Нола лишь с перевесом в 2 голоса удалось сохранить свое представительство в ООН [Short, с. 241]. Внутренне «красные

кхмеры» под руководством Салот Сара наметили последний штурм Пномпеня на сухой сезон весны 1975 г. и выполнили все необходимые приготовления. На этом фоне 1 апреля 1975 г. Лон Нол «отправился с официальными визитами сначала в Индонезию, а потом в Соединенные Штаты Америки» [Lon Nol Reported About to Depart], на деле же он просто сбежал из осажденной столицы. Несколько дней спустя из столицы были эвакуированы американские дипломаты и иностранцы, пожелавшие покинуть Пномпень. Общая обстановка в городе была гнетущей: те, у кого были деньги и связи, скупали последние места в самолетах, а остальные 2 млн человек напряженно ожидали дальнейших событий; несмотря на воздушное снабжение, город получал лишь половину от необходимого жителям продовольствия (в частности, риса), мест в больницах и госпиталях практически не оставалось, хотя в фешенебельных ресторанах по-прежнему подавали фуа-гра и дорогие французские вина [Short, 243—244].

Стратегия Салот Сара заключалась в том, чтобы сначала изолировать Пномпень, а потом добить оставшиеся там войска. В 1975 г. сложились все необходимые для этого части пазла: столица была отрезана от любых наземных путей сообщения с другими городами, и в ночь на 1 января начался артиллерийский обстрел города, а также при помощи китайских мин была полностью заблокирована река Меконг. Центральный комитет к этому моменту определил стратегию после победы: важнейшим элементом стала эвакуация населения из столицы в сельскую местность; помимо этого, было решено отменить деньги, рыночные отношения и частную собственность по всей стране. Католический священник Франсуа Поншо, который стал свидетелем этой эвакуации, в 2013 г. свидетельствовал на суде ООН: «Я видел больных людей, я видел калек, которые ползали, как черви, прямо перед моим домом» [Francois Ponchaud].

13 апреля 1975 г., в Новый год по кхмерскому календарю, обстрелы Пномпеня ненадолго прекратились. Год Тигра сменился годом Зайца, что, согласно кхмерским легендам, было благоприятным знаком. В окруженном Пномпене семьи праздновали Новый год и мечтали о счастливых временах, «красные кхмеры» также праздновали на своей базе неподалеку от столицы. Однако вскоре обстрелы возобновились, вызывая сильные пожары в трущобах и сопутствующие жертвы среди населения. 16 апреля Верховный совет (фактически управлявший столицей после бегства Лон Нола) решил покинуть город и создать временную резиденцию на границе с Таиландом, но в назначенное время вертолеты, которые должны были их забрать, не прилетели [Short, 244—245].

Вступление «красных кхмеров» в Пномпень

17 апреля отряды коммунистов без особого сопротивления вступили в Пномпень и собрались в центре города. Горожане вышли на улицы чтобы их поприветствовать, однако коммунисты смотрели на них с затаенным призрением, поскольку они олицетворяли ту часть населения, которая отказалась присоединиться к революции — «классовых врагов» и «капиталистов», хотя в большинстве своем это были бывшие жители деревень, бежавшие в столицу от американских бомбардировок. В течение 24 часов всем жителям Пномпеня было приказано по-

кинуть город. Те, кто не внес вклад в победу революции, объявлялись врагами и подлежали уничтожению [Чэндлер, с. 217].

Салот Сар не появлялся в Пномпене в течение недели после штурма, и только 23 апреля въехал в опустевший город. Коммунистическая партия Кампучии под его руководством одержала победу над «марионетками американского империализма» и «классовыми врагами». Для Сара это послужило подтверждением, что его стратегия была верной и полностью себя оправдала. Несмотря на победу, он продолжал бояться врагов (как реальных, так и выдуманных) и по-прежнему скрывался, разместив временный штаб на вокзале и организовав оборону по периметру города.

Через год, в ходе выборов в Собрание народных представителей, в списке кандидатов появился некий «представитель работников каучуковых плантаций» по имени Пол Пот, который вскоре станет премьер-министром демократической Кампучии. Посол Камбоджи в Пекине заверял посетителей, что «товарищ Пот всегда пользовался этим именем; товарищ Салот Сар погиб на войне». В Париже старый друг Пол Пота Тиоунн Празит рассказывал публике, что Пот сражался с японцами и работал на каучуковой плантации [Чэндлер, с. 231]. Скрытность лидера красных кхмеров, наблюдавшаяся в течение всей его жизни, не позволила ему выйти на публику под своим настоящим именем, вместо этого он предпочел обезличенный и непритязательный псевдоним, под которым этот человек и войдет в историю как один из самых жестоких правителей современной эпохи.

Таким образом, можем обозначить следующие причины установления режима «красных кхмеров» в Камбодже.

Внутренние причины. После получения независимости правительство Камбоджи в лице Сианука не сумело построить стабильные демократические институты, наоборот, Сианук активно использовал авторитарные методы управления и не прислушивался к мнению народа. Постоянные заигрывания то с левыми, то с правыми силами привели к тому, что в конечном счете правые отстранили принца от власти, а левые сформировали мощное подполье.

Благоприятная внешнеполитическая конъюнктура. Соседство с Северным Вьетнамом усиливало позиции коммунистов на востоке страны, особенно после решения Сианунка разрешить их войскам дислоцироваться на территории страны. Американская поддержка Лон Нола с сопутствующими бомбардировками Камбоджи также играла на руку коммунистам: население не поддерживало правительство, которое одобряло бомбардировки собственной страны, и массово переходило на сторону коммунистов. Немаловажным фактором была поддержка коммунистов из Пекина.

Личные качества Салот Сара / Пол Пота, такие как скрытность и осторожность, безусловно помогли ему в процессе подпольной деятельности, а образованность и хорошие манеры открыли ему возможности для быстрого карьерного продвижения по партийной линии. Работая педагогом, он агитировал студентов в ходе его тайных дискуссионных клубов, а после не забывал про необходимость массовой пропаганды. Он понимал важность контроля над информацией.

Затрагивая личностную и идеологическую эволюцию Салот Сара / Пол Пота, мы можем выделить несколько тезисов. Во-первых, на протяжении всей

жизни лидер «красных кхмеров» носил маски: выходец из привилегированной семьи в маске апологета крестьянской революции; член сопротивления и коммунистического подполья в маске скромного педагога; ксенофоб-националист в маске сторонника интернационализма; глава компартии в маске неприметного функционера в ходе визита Сианука в 1973 г. — он всегда пытался скрыть от окружающих свою настоящую личность то ли по причине уже упомянутой осторожности, то ли по причине паранойи и постоянного страха за свою жизнь. Во-вторых, взгляды Салот Сара / Пол Пота не отличались глубиной, он поверхностно разбирался в теории марксизма; его впечатлял скорее размах исторических процессов, происходящих под знаменем этой идеологии: коллективизация 1930-х гг. в СССР, культурная революция и «Большой скачок» в Китае, то же самое он мечтал воплотить в жизнь в своей стране.

Библиографический список

История Кампучии. Краткий очерк / под ред. Ю.Я. Михеева, Ю.П. Дементьева, В.А. Козhevникова. М.: Наука, 1981.

Чэндлер Д.П. Брат номер один: Политическая биография Пол Пота. Екатеринбург: Ультра. Культура, 2005.

Death of Pol Pot: A Dictator's Rise and Fall // The New York Times. 1998. 17 April. URL: <https://www.nytimes.com/1998/04/17/world/death-of-pol-pot-a-dictator-s-rise-and-fall.html> (дата обращения: 10.04.2025).

François Ponchaud, Priest Who Revealed Cambodian Horrors, Dies at 89 // The New York Times. 2025. 27 January. URL: <https://www.nytimes.com/2025/01/27/world/europe/francois-ponchaud-dead.html> (дата обращения: 10.04.2025).

Kiernan B. The Pol Pot Regime: Race, Power and Genocide in Cambodia. New Haven: Yale University Press, 1998.

Short P. Pol Pot: Anatomy of a Nightmare. New York: Henry Holt and Co., 2005.

Lon Nol Orders Army to Cease Fire // The New York Times. 1973. 29 January. URL: <https://www.nytimes.com/1973/01/29/archives/lon-nol-orders-army-to-cease-fire.html> (дата обращения: 10.04.2025).

Lon Nol Reported About to Depart // The New York Times. 1975. 30 March. URL: <https://www.nytimes.com/1975/03/30/archives/lon-nol-reported-about-to-depart-cambodian-leader-to-visit.html> (дата обращения: 10.04.2025).

Lon Nol Says U.S. Vows Full Support // The New York Times. 1973. 8 January. URL: <https://www.nytimes.com/1973/01/08/archives/lon-nol-says-us-vows-full-support.html> (дата обращения: 10.04.2025).

References

Istoriya Kampuchii. Kratkij ocherk [History of Kampuchea], brief essay Ed. Mikheeva Yu. Ya., Dementyeva Yu. P., Kozhevnikova V. A.], Moscow: Nauka, 1981. (In Russ.).

Chendler D. P. Brat nomer odin: Politicheskaya biografiya Pol Pota [Brother number one: Political biography of Pol Pot.]. Ekaterinburg: Ultra.Kultura, 2005. (In Russ.).

Death of Pol Pot: A Dictator's Rise and Fall. The New York Times. 1998. 17 April. URL: <https://www.nytimes.com/1998/04/17/world/death-of-pol-pot-a-dictator-s-rise-and-fall.html> (accessed: 10 April, 2025).

François Ponchaud, Priest Who Revealed Cambodian Horrors, Dies at 89. The New York Times. 2025. 27 January. URL: <https://www.nytimes.com/2025/01/27/world/europe/francois-ponchaud-dead.html> (accessed: 10 April, 2025).

Kiernan B. The Pol Pot Regime: Race, Power and Genocide in Cambodia. New Haven: Yale University Press, 1998.

Short P. Pol Pot: Anatomy of a Nightmare. New York: Henry Holt and Co., 2005.

Lon Nol Orders Army to Cease Fire. The New York Times. 1973. 29 January. URL: <https://www.nytimes.com/1973/01/29/archives/lon-nol-orders-army-to-cease-fire.html> (accessed: 10 April, 2025).

Lon Nol Reported About to Depart. The New York Times. 1975. 30 March. URL: <https://www.nytimes.com/1975/03/30/archives/lon-nol-reported-about-to-depart-cambodian-leader-to-visit.html> (accessed: 10 April, 2025).

Lon Nol Says U.S. Vows Full Support. The New York Times. 1973. 8 January. URL: <https://www.nytimes.com/1973/01/08/archives/lon-nol-says-us-vows-full-support.html> (accessed: 10 April, 2025).

Поступила в редакцию: 08.06.2025

Принята к публикации: 21.06.2025

Received: June 08, 2025

Accepted: June 21, 2025

И.Н. Рябухин

Из истории исследовательского путешествия Мяо Ю-суня по России в 1887—1889 гг.: знакомство китайского сановника с русскими учеными, востоковедами и промышленниками

Аннотация. В публикации на основе содержания личных писем из отечественных архивов и неизученного источника — «Собрание [материалов о] путешествии по России» (*E you hui bian* 俄遊彙編) — вводятся в научный оборот новые сюжеты, отражающие углубление социокультурного взаимодействия между Россией и Китаем в конце XIX в. Освещены обстоятельства знакомства цинского сановника, политического деятеля, литератора Мяо Ю-суня 繆祐孫 (1850—1894) с российскими учеными, востоковедами, промышленниками — Г.А. Плансоном, М.Г. Шевелевым, Н.Ф. Колесовым, В.П. Васильевым, С.М. Георгиевским, В.К. Цераским, Н.Н. Титушкиным, И.Т. Савенковым, Г.Н. Потаниным и Н.М. Ядринцевым.

Ключевые слова: Россия, Китай, востоковедение, российско-китайские отношения, социокультурное взаимодействие, Мяо Ю-сунь.

Автор: Рябухин Игорь Николаевич, студент, кафедра китаеведения, Амурский государственный университет. E-mail: yizhixi@mail.ru

Для цитирования: Рябухин И.Н. Из истории исследовательского путешествия Мяо Ю-суня по России в 1887—1889 гг.: знакомство китайского сановника с русскими учеными, востоковедами и промышленниками // Современная Азия: политика, экономика, общество. 2025. № 2. С. 82—96.
DOI: 10.48647/ICCA.2025.77.26.008.

I. N. Riabukhin

From the History of Miao You-sun's Research Journey in Russia in 1887—1889: The Chinese Official's Encounters with Russian Scholars, Orientalists and Industrialists

Abstract. The publication based on the content of personal letters from Russian archives and a previously unstudied source — *The Collection of Materials about a Journey Through Russia* (*E you hui bian* 俄遊彙編) — introduces new narratives into academic discourse that reflect the deepening of sociocultural interactions between Russia and China in the late 19th century. The article sheds light on the circumstances of the Qing official, political figure and writer Miao You-sun's 繆祐孫 (1850—1894) acquaintance with Russian scholars, orientalists, and industrialists — G. A. Planson, M. G. Shevelov, N. F. Kolesov, V. P. Vasiliev, S. M. Georgievsky, V. K. Tserasky, N. N. Titushkin, I. T. Savenkov, G. N. Potanin, and N. M. Yadrintsev.

Keywords: Russia, China, Oriental Studies, Russian-Chinese relations, sociocultural interaction, Miao You-sun.

Author: Riabukhin Igor N., student, Department of Chinese Studies, Amur State University. E-mail: yizhixi@mail.ru

For citation: Riabukhin I.N. From the History of Miao You-sun's Research Journey in Russia in 1887—1889: The Chinese Official's Encounters with Russian Scholars, Orientalists and Industrialists. *Sovremennaya Aziya: Politika, Ekonomika, Obshchestvo* [Modern Asia: Politics, Economy, Society], 2025, no. 2, pp. 82—96. (In Russ.). DOI: 10.48647/ICCA.2025.77.26.008.

Введение

В начале 60-х гг. XIX в. в Китае началась политика «самоусиления», направленная на ликвидацию отставания страны от передовых держав Запада. Китайские руководители, ведавшие в те годы «заморскими делами», постепенно пришли к пониманию, что только знание политических и культурных реалий Запада и соблюдение общепринятых стандартов современной дипломатии смогут обеспечить Цинской империи возможность контактов с зарубежными государствами в новой международной ситуации, когда страна была вынуждена втянуться в созданную западными державами систему международных отношений [Самойлов, с. 205]. Одним из направлений данной политики стало развитие внешних связей, сопровождавшееся реформой дипломатической деятельности и постепенным отказом от одиозных внешнеполитических доктрин, что свидетельствовало о начале коренных перемен в устойчивых традициях внешней политики и дипломатии Китая, формировавшихся на протяжении тысячелетий.

В январе 1861 г. для ведения дел со странами Европы и Америки было создано Главное управление по иностранным делам (*Цзунли ямэнь* 總理衙門). В 80-х гг. XIX в. *Цзунли ямэнь* разрабатывает концепцию «исследовательских путешествий» (*юли* 游歷), целью которых становится изучение государственного устройства развитых стран, их внутренней обстановки и достижений в различных областях знания. В рамках этой политики, согласно императорскому эдикту от 1887 г., в Российскую империю был командирован китайский сановник, литератор и политический деятель Мяо Ю-сунь 繆祐孫 (1850—1894). За два года пребывания в России (с декабря 1887 г. по июль 1889 г.) ему ценой собственного здоровья удалось собрать огромный массив информации о большом и незнакомом соседе. Вернувшись на родину, все сведения, полученные в ходе путешествия, а также свои впечатления от поездки он отразил в сочинении «Собрание [материалов о] путешествии по России» (*Э ю хуэй бянь* 俄遊彙編).

Данный источник до сих пор не становился предметом научного изучения как в отечественной, так и зарубежной науке. Известно, что этот труд — не первое описание России китайскими чиновниками, дипломатами. Однако труд Мяо Ю-суня, как и само его путешествие, на наш взгляд, носит особый характер. Эта поездка в Россию во многом была инициирована политическими обстоятельствами, демонстрирующими изменение взглядов цинского руководства на подходы к изучению, описанию иностранных государств, а текст, составленный Мяо Ю-сунем, — далеко не сухая статистика, а многомерное, интересное, живое описание России, увиденное глазами китайского посланника. Более того, это сочи-

нение предполагалось использовать как важнейший источник, позволяющий принять выгодное для китайской стороны экономическое, политическое решение в отношении России.

«Э ю хуэй бянь» является ценным источником по изучению истории русско-китайских отношений, позволяет проследить истоки формирования в Китае представлений о российском государстве, обществе, культуре, науке, географии, военном деле, а также представляет огромный интерес для исследователей в области имагологии, внутренней и внешней политики Империи Цин, русско-китайских научных, социально-политических контактах во второй половине XIX в. Сочинение также снабжает читателя интересными деталями из истории двусторонних отношений и межкультурного взаимодействия в рассматриваемый период.

Сборник «Э ю хуэй бянь» состоит из предисловия, разъясняющего важность изучения России, оглавления и основной части, которую условно можно разбить на два раздела — справочная информация (1—8 *цз.*) и дневниковые записи (9—12 *цз.*). В первых восьми *цзюанях* представлены исследования истории России, освоения Сибири и Средней Азии; описание административно-территориального деления империи с таблицами и картами европейской части России, Сибири и Средней Азии; характеристика железнодорожной системы, водных и наземных маршрутов, горных систем, рек и морей, снабженная таблицами и картами; информация о военных силах, их оснащении и численности населения в регионах. В дневниковых записях Мяо Ю-сунь образцовым литературным китайским языком¹ ежедневно фиксировал ключевые события, происходившие с ним на протяжении всего путешествия, впечатления от увиденного, услышанного и прочитанного, в том числе он упоминает немало эпизодов знакомства с русскими учеными и промышленниками.

Целью настоящей работы является ввести в научный оборот новые сюжеты, отражающие углубление социокультурного взаимодействия между Россией и Китаем в конце XIX в. Источниками данной работы выступают дневниковые записи Мяо Ю-суна и документы из отечественных архивов.

Знакомство с Плансоном Георгием Антоновичем (1859—1937)²

29 октября 1887 г. Мяо Ю-сунь поднялся на борт немецкого парохода «Саксония» и начал свой путь в Россию. Основные порты, в которых судно совершало остановки, двигаясь по маршруту, — Гонконг, Сингапур, Коломбо, Аден, Суэц, Порт-Саид. Добравшись до Италии, в Генуе Ю-сунь пересел на поезд до Берлина, после этого Петербург-Варшавской железнодорожной дорогой последовал в Россию и 7 декабря прибыл в столицу Российской империи — Санкт-Петербург.

¹ Умение грамотно, логично и последовательно излагать свои мысли в письменном виде было одним из ключевых требований, предъявляемых кандидатам, желающим отправиться в исследовательское путешествие.

² Встречи представлены в хронологическом порядке.

В первые дни своего пребывания в России китайский сановник приступил к выполнению поставленных перед ним задач, среди которых были перевод и составление карт. Поскольку Мяо Ю-сунь не владел русским языком, он обратился за помощью к В. Хагену 夏干, прежде работавшему учителем немецкого в *Тунвэн-гуане*. В. Хаген, вероятно, не смог помочь, потому порекомендовал китайскому сановнику русского студента, который владел китайским языком [繆祐孫. 俄遊彙編 [Мяо Ю-сунь. Собрание материалов о путешествии по России], цз. 9, л. 17а]¹. Так, Мяо Ю-сунь познакомился с молодым российским востоковедом, выпускником восточного факультета, студентом юридического факультета Санкт-Петербургского университета Георгием Антоновичем Плансоном, который согласился за 50 рублей помочь гостю с переводом. Побывав в гостях у Плансона, Мяо Ю-сунь заметил, что «Плансон человек скромный, небогатый. Вся квартира наполнена книгами» [繆祐孫. 俄遊彙編 [Мяо Ю-сунь. Собрание материалов о путешествии по России], цз. 9, л. 196]. Плансон и Ю-сунь часто проводили время за обсуждением политики и международных отношений. Беседуя о происходящих в мире событиях, они лучше узнавали взгляды друг друга. Плансон познакомил китайского гостя с важными учреждениями столицы — Императорская Академия художеств, Императорская Публичная библиотека, Императорский Санкт-Петербургский университет, типография П.О. Яблонского (?—1912), члена Санкт-Петербургской городской управы, который был дядей Плансона [繆祐孫. 俄遊彙編 [Мяо Ю-сунь. Собрание материалов о путешествии по России], цз. 9, л. 196, 20а; цз. 10, л. 56, 17].

Знакомство с Михаилом Григорьевичем Шевелевым (1844—1903)

В столице Российской империи Мяо Ю-сунь также познакомился с известным китаеведом, предпринимателем, меценатом М.Г. Шевелевым. В дневнике китайского путешественника мы находим следующие комментарии: «Шевелев занимался торговлей во Владивостоке. В прошлом, [когда] в Хуньчуне проводили демаркацию [российско-китайской] границы, выполнял функции переводчика с российской стороны. Вероятно, в детстве учился в Китае, понимает китайскую письменность и речь, а также хорошо знаком с обычаями и традициями китайцев» [繆祐孫. 俄遊彙編 [Мяо Ю-сунь. Собрание материалов о путешествии по России], цз. 9, л. 19а]. М.Г. Шевелев был хорошо осведомлен об экономической стороне жизни империи, о чем много и охотно рассказывал китайскому гостю:

[Шевелев] страстно говорил о том, что доходы государства не покрывают огромные расходы, выражая надежду, что [России] удастся избежать войн [в ближайшие] несколько десятков лет, чтобы хоть на немного облегчить бедственное положение народа. Также отметил, что на российских рынках немецкие купцы занимают семь-восемь десятых доли, и их помыслы зачастую коварны, из-за чего им трудно ужиться с местными жителями. Немцы и австрийцы стремятся к прибыли и не заботятся о дружеских отношениях с другими странами. Нередко они подделыв-

¹ [цз. 9, л. 17а], где 9 — номер цзюаня, 17 — номер листа, «а/б» — правая/левая страница листа.

вают рублевые банкноты в своих странах и пускают их в оборот в России, обменивая на золото и серебро, после чего вывозят из страны, чем наносят вред доверчивым гражданам, неспособным отличить подделку¹.

Знакомство с Николаем Федоровичем Колесовым (1867—1925)

В Петербурге с Мяо Ю-сунем подружился любознательный студент 3 курса Восточного факультета Санкт-Петербургского университета, ученик В.П. Васильева, С.М. Георгиевского, К.Ф. Голстунского — Н.Ф. Колесов. В дневнике Мяо Ю-суня читаем:

20 день жэнь-инь (1 февраля 1888 г. — И.Р.), снег. <...> Вечером Колесов пригласил меня посмотреть [за ходом] танцевального вечера (бала? — И.Р.). Колесов — студент, изучает китайский язык. Он рассказал, что на экзаменах часто переводит неоконфуцианские книги, такие как «Истинный смысл природы-син и принципа-ли», «Полное собрание сочинений Чжу-цзы» и «Семейные ритуалы Вэнь-гуна». [На экзамене необходимо] самому выбрать одну главу [из трактата] и изложить ее содержание на русском языке и при этом обязательно выучить [версию] на маньчжурской и монгольской письменности.

Половина его маньчжуро-китайских книг — это официальные издания времен Кан[си] и Цянь[луна] (1661—1796. — И.Р.), а также есть [роман] «Записки о Западном флигеле» и другие [книги, опубликованные] частными издательствами. Среди его китайских книг, переведенных на русский язык, были «“Шан шу” в древних знаках», «Канон сыновей почтительности», «Канон в трех иероглифах» и разные песни.

На его столе я увидел книгу Вэй Юаня «Записки о священной войне», литографический текст нанесен крайне деликатно, а также рукописный экземпляр 167-го цзюаня «Каталога “Полного собрания книг по четырем разделам”»².

По окончании гимназии Н.Ф. Колесов поступил на Восточный факультет Санкт-Петербургского университета, выбрав китайско-монголо-маньчжурский разряд. В университете Колесов проявил выдающиеся способности в изучении языков, культуры и истории Востока. Его успехи в учебе были высоко отмечены многими профессорами [Шаронова, с. 451—453]. Стремление углубить свои знания и применить полученные навыки на практике побудило его к необходимости общения с носителями культуры исследуемого региона: в конце февраля моло-

¹ В оригинале: 極言國用浩大，入不敷出，惟冀彌兵數十年，稍紓民困。又云：俄之坐賈，德人居十之七八，其心術皆狡，與土著殆難融洽。德奧人嗜利，不顧友邦之誼，往往自其國偽造盧布鈔以行於俄，易金銀錢以去，愚民罔辨，輒受其害 [繆祐孫。俄遊彙編 [Мяо Ю-сунь. Собрание материалов о путешествии по России], цз. 10, л. 66—7а].

² В оригинале: 二十日壬寅，雪。... 夜，賴利索甫約觀跳舞會。其人學館中習華文者也。言其試多譯中國理學書，如《性理精義》、《朱子全書》、《文公家禮》之類。隨擇一篇，命以俄文敷陳其說，又必兼習滿蒙文字。其書之合滿漢文者，半為康乾時官書，亦有私家所刊《西廂記》等。其譯成俄文之中國書，則有《古文尚書》、《孝經》、《三字經》、雜小曲。於其案頭見有魏源所著《聖武記》，華文石印頗精。又鈔本《四庫全書目錄》第一百六七卷 [繆祐孫。俄遊彙編 [Мяо Ю-сунь. Собрание материалов о путешествии по России], цз. 9, л. 22а—22б].

дой студент вновь навесил Мяо Ю-суня, чтобы обратиться к нему за помощью и поделиться своими наработками:

17 день цзы-сы (28 февраля 1888 г. — И.Р.), ясно. Днем в период вэй-кэ (13:00—15:00. — И.Р.) пришел Колесов. Он достал четыре или пять страниц [своего] перевода маньчжурской версии «Всепроницающего зеркала, управлению помогающего» и две страницы перевода монгольской версии «Высказываний [Хань Юя] о разном». Сказал, что в ближайшее время намерен перевести «Записки о священной войне», а также попросил одолжить ему «Описание заморских государств». [Колесов] достал [книгу], которую учитель (вероятно, С.М. Георгиевский. — И.Р.) поручил ученикам [научиться] трактовать. В ней речь шла о том, что китайская наука придает особое значение Трем устоям и Пяти постоянствам. [Колесов] в общих словах объяснил значение [понятия] «Пять постоянств». Хотя и речь не отличалась сложностью, главную мысль он донес совершенно верно¹.

Знакомство с Василием Павловичем Васильевым (1818—1900) и Сергеем Михайловичем Георгиевским (1851—1893)

М.Г. Шевелев организовал для Мяо Ю-суня и его переводчика Жуй Аня 瑞安 (XIX—XX), встречу с видными российскими востоковедами — В.П. Васильевым и С.М. Георгиевским. Подробнее читаем в дневнике:

27 день гэн-чэнь (7 мая 1888 г. — И.Р.), ясно. Вместе с Шевелевым навесили учителя китайской словесности Васильева, затем отправились к Георгиевскому. Этот человек владеет более чем десятью языками, побывал в Европе, Азии, прожил несколько лет в Китае. Он изучил множество китайских книг и смог понять их Великий смысл. [Он] подарил мне книгу из числа своих работ о Китае, в которой назвал Великий смысл [Трех] устоев и [Пяти] постоянств основой китайской [культуры]².

[Его знания] также охватывают древнюю литературу, среди изученных им произведений [есть такие тексты], как «Пятиканоние», «Четверокнижие», «Речи школы Кун-цзы», «Лао-цзы», «Мо-цзы», «Чжуан-цзы», «Ле-цзы», «Планы сражающихся царств», «Речи царств», «Всепроницающее зеркало, управлению помогающее», «Хроника периода Троецарствия», «Уличные истории», «Исследование конфуцианской литературы», «Высочайше одобренное обозрение [эпохи] Тайпин», «Изначальная черепаха из [императорского] книгохранилища», «Бездонное зеркало — вместилище документов, расположенных по разделам», «Собрание рассуждений о вещах второстепенных», «Всеобъемлющее исследование пяти ритуалов», «Домашние наставления г-на Янь», «Семейные устои Вэнь-гуна», «Семейные ритуалы Вэнь-гу-

¹ В оригинале: 十七日己巳，晴。未刻，賴利索甫來，出所譯滿文《通鑒綱目》四五頁，又蒙古文《雜說》二頁。云將譯《聖武記》，又欲借《海國圖志》。出其塾師示諸生教一首，言中國之學，以三綱五常為重。又分疏五常之義，約百餘言。文雖淺近，旨趣頗端 [繆祐孫。俄遊彙編 [Мяо Ю-сунь. Собрание материалов о путешествии по России], изд. 9, л. 22].

² Мы полагаем, что речь идет о недавно вышедшей книге Георгиевского — «Принципы жизни Китая».

на», «Доклады трону именитых чиновников, [сгруппированные по] прошедшим [династийным] сменам», «Бездонное зеркало древних знаков», «Исследование об изложении сущности канонов» и «Полное собрание стихов Мао Си-хэ».

Он весьма искусен в исследовании событий древности, глубоко верит [в учения] Кун-цзы и Мэн-цзы. Во время беседы он отметил, что Китай появился раньше всех [других стран] и до сих пор сохраняет свои древние порядки, что является недостижимым для европейских стран¹.

Знакомство с Витольдом Карловичем Цераским (1849—1925)

Во время пребывания в Москве Мяо Ю-сунь посетил Краснопресненскую обсерваторию, где познакомился с известным русским астрономом В.К. Цераским, впервые определившим звездную величину и температуру поверхности Солнца, и его учениками. В дневнике читаем:

18 день цзи-хай (4 июня 1888 г. — И.Р.), ясно. <...> Посетил русского знатока астрономии, преподавателя в [местном] учебном заведении Цераского. Поднялись в его обсерваторию, где он продемонстрировал нам различные приборы и аппаратуру. Обсерватория имеет круглую форму, напоминает ворота в небеса, купол походит на зонтик, вращают его с помощью механизмов. Через отверстие в куполе наблюдают за звездами, измеряют их угол наклона, отклонение и скорость движения. Цераский разбирается в механике и приборостроении, он сам создал часы, которые, как он утверждает, ни на секунду не отстают, сверяясь с [положением] звезд. [Я] поинтересовался, сколько у него учеников. Он сказал, что человек 70—80, но лишь 4—5 из них по-настоящему талантливы, остальные же — обладают поверхностными знаниями².

Знакомство с Н.Н. Титушкиным (XIX—XX)³

В солнечной Ялте китайский путешественник познакомился с Н.Н. Титушкиным, первым российским резидентом на Тайване. Его профессиональный путь начался в 1869 г. в Шанхае, где он стал одним из первых российских сотрудников Китайской морской таможенной службы. Позже Титушкин работал в Пекине, совмещая должность таможенного служащего с преподаванием иностран-

¹ В оригинале: 二十七日庚辰，晴。偕余威烈甫訪俄之華文塾師瓦西理，又同訪格倭爾兒耶甫司克，其人能通十餘國文字，曾遊歐亞二洲，在華數年。博覽中國書籍，能曉其大義。贈所著譯中學書一巨冊，極稱綱常大義為中國根本。又旁及古載籍，所讀書則《五經》、《四子》、《家語》、老墨莊列、《國策》、《國語》、《資治通鑑》、《三國志》、《路史》、《闕里文獻考》、《太平御覽》、《冊府元龜》、《淵鑑類函》、《陔餘叢考》、《五禮通考》、《顏氏家訓》、《溫公家範》、《文公家禮》、《歷代名臣奏議》、《古文淵鑑》、《經義考》、《毛西河全集》諸書，頗知考證古事，篤信孔孟。談次謂中國開闢最早，至今能守舊制，歐洲諸國所不及也 [繆祐孫. 俄遊彙編 [Мяо Ю-сунь. Собрание материалов о путешествии по России], цз. 10, л. 16].

² В оригинале: 十八日己亥，晴... 訪日擘司幾，俄之精天文者，為學塾師，登其觀象台，示各儀器。其台圓形，象天厥，覆如傘，用機轉之。於隙驗諸星纏度遲速過差。其人力學兼工製器，自造鐘表，謂準以天星，不失秒忽。詢其徒幾何？曰：七八十人，其高才生僅四五人，餘皆一知半解而已 [繆祐孫. 俄遊彙編 [Мяо Ю-сунь. Собрание материалов о путешествии по России], цз. 10, л. 236—24а].

³ Расшифровка инициалов автору неизвестна. Вероятно, его звали Николай Николаевич Титушкин [Зайцев, с. 468].

ных языков и естественных наук в *Тунвэньгуань* 同文館. В 1873 г. он был назначен главой таможенного отделения г. Килун (Цзилун 基隆). Помимо своей официальной работы, Титушкин проводил метеорологические исследования, результаты которых публиковались в научных отчетах. Его вклад в развитие русско-китайских отношений и научные исследования сделали его важной фигурой в истории российской дипломатии. О судьбе этого выдающегося человека сохранилось крайне мало сведений. Современным исследователям удалось лишь частично восстановить его биографию. Например, Р.В. Зайцев проследил жизненный путь Титушкина с 1869 по 1885 гг., после чего, как отмечает автор, «его следы теряются» [Зайцев, с. 468]. Узнать новые сюжеты из жизни этого человека помогают записи, оставленные Мяо Ю-сунем:

3 день гуй-вэй (11 июля 1888 г. — И.Р.), ясно. <...> Посетил Титушкина (англичане на свой манер зовут его Ди-ту-цзинь). Он раньше преподавал в Тунвэньгуане, владеет китайским языком, занимается изготовлением вина и мела¹.

8 день у-цзы (16 июля 1888 г. — И.Р.), переменная облачность. Титушкин пригласил меня в гости, угостил китайскими яствами. Дом его располагается у подножия горы, а до чего же живописен его сад! Растет там грецкий орех, возраст которого больше ста лет! Тень [от его густой кроны] покрывает территорию более десяти му (т. е. более 0,6 га. — И.Р.)².

Знакомство с Иваном Тимофеевичем Савенковым (1846—1914)

В Красноярске Мяо Ю-сунь посетил каменный двухэтажный дом мещанина Иоакима Волкова, на территории которого с 1873 г. находилась Красноярская учительская семинария. В учебном заведении китайского гостя принял директор, известный педагог, ученый и общественный деятель И.Т. Савенков. Вероятно, в ходе диалога Савенков упомянул о своей коллекции, которая располагалась при семинарии и состояла из геологических, антропологических, палеонтологических и археологических материалов. Артефакты из коллекции заинтересовали китайского путешественника, в его дневнике читаем:

29 день дин-чоу (3 ноября 1888 г. — И.Р.), ясно. Посетил [учительскую] семинарию, затем отправился к Савенкову домой. Осмотрел древние бронзовые монеты, бронзовый топор с крючком [для кушака], каменные наконечники стрел, бронзовый медальон Управления императорских конюшен [эпохи] Мин. Все [перечисленное представляет собой] археологические находки. На месте сделали несколько листов оттисков. Затем [Савенков] рассказал, что в Минусинском музее хранятся [артефакты из] бронзы и камня, на многих из которых есть китайские иероглифы, после чего

¹ В оригинале: 三日癸未，晴。…訪梯都式金（英人譯曰第圖晉），其人曾充同文館教習，能為中國語，以釀蒲陶酒、製白堊為業 [繆祐孫. 俄遊彙編 [Мяо Ю-сунь. Собрание материалов о путешествии по России], цз. 11, л. 14a].

² В оригинале: 初八日戊子，微晴。第圖晉約至其家，饋以中國肴饌。樓舍依山，極園林之勝，有胡桃樹百餘年矣，廣蔭十餘畝 [繆祐孫. 俄遊彙編 [Мяо Ю-сунь. Собрание материалов о путешествии по России], цз. 11, л. 15a].

написал письмо директору этого музея Мартьянову¹ с просьбой отправить оттиски в Иркутск. Тогда [я] подарил [Савенкову] две палочки туши и одну фотографию, попросив его передать [их Мартьянову?]².

Письмо, которое упомянул Мяо Ю-сунь, ныне хранится в Архиве Минусинского музея. Из его содержания мы узнаем, что визит китайских путешественников оказался знаменательным событием для обеих сторон. Гости смогли познакомиться с уникальной коллекцией сибирского ученого и снять оттиски с редких артефактов. В свою очередь, русские ученые обогатили свои коллекции благодаря переводам, выполненным китайскими коллегами, обучились у них традиционной технологии снятия оттисков (*тайнь* 拓印). Стороны обменялись контактами для дальнейшего сотрудничества. В письме И.Т. Савенкова читаем:

Многоуважаемый Николай Михайлович! Один из моих университетских товарищей направил ко мне двух ученых китайских путешественников, Миао и Жуэй, первый, как увидено из карточки, чиновник кит<айского> министерства финансов, а второй мандарин 6-го класса и секретарь одного из китайских научных обществ. Конечно я не преминул склонить их к поездке в Минусинск, заинтересовав их музеем Вашим и тем обилием следов китайского влияния на бывшее Минусинского округа, но небожители, несмотря на то, что народ очень любознательный, с сожалением заявили, что торопятся в Иркутск, дабы скорее возвратиться на родину³.

На небольшом обломке кит<айского> медного зеркала, который вместе с другими более интересными вещами, я отправлю в Иркутск с Д.А. Клеменц⁴, мои гости увидели китайские буквы и принялись за их копировку способом своеобразным и простым. Они попросили бумаги, воды, ваты и кит<айской> туши. Тонкую старую бумагу, другой подходящей не случилось под рукой, они смочили водой и положили на буквы и тщательно надавливали пальцами и комочком ваты в мягкой тонкой бумаж-

¹ Мартьянов Николай Михайлович (1844—1904), русский фармацевт, ботаник и краевед. Основатель Минусинского краеведческого музея (ныне Минусинский региональный краеведческий музей им. Н. М. Мартьянова). Известен своими исследованиями флоры Сибири и значительным вкладом в изучение местной истории и этнографии.

² В оригинале: 二十九丁丑, 晴。游學塾, 旋至薩綠可甫家。觀古銅錢、帶鉤銅斧、石矢鏃、石鐮、明御馬監銅駕牌, 皆得之土中, 即拓印數紙。因言米奴新斯克博物院, 所藏金石, 多有中國字, 即屬函致該院長馬爾棲亞諾甫, 打本寄額爾口城。因遺墨二方, 照相一片, 託其轉致 [繆祐孫。俄遊彙編 [Мяо Ю-сунь. Собрание материалов о путешествии по России], цз. 12, л. 186—19а].

³ Спешка была связана с самочувствием Мяо Ю-суна. Его здоровье значительно ухудшилось во время путешествия по Сибири: он страдал от сильных болей в руках, ногах, груди, мучительного кашля и диареи. В Иркутске он провел в постели более двух месяцев, испытывая слабость, сильную боль, не мог двигаться и даже есть без посторонней помощи. Кинетоз в море, солнечные удары на Кавказе, холод в Сибири серьезно подорвали здоровье путешественника, через четыре года после завершения миссии — в 1903 г. — у Мяо Ю-суна случился инсульт, через год, летом 1904 г. он скончался в возрасте 44 лет [繆荃孫。繆荃孫全集, 雜著 / 張廷銀, 朱玉麒主編 [Мяо Цюань-сунь. Сборник работ Мяо Цюань-суна, раздел «Разное»], с. 181; 陳思。江陰縣續志 [Чэнь Сы. Продолжение описания уезда Цзяньинь], цз. 15, л. 43].

⁴ Клеменц Дмитрий Александрович (1848—1914), русский революционер-народник, этнограф, археолог и музейный деятель, активно участвовавший в пропагандистской работе и научных экспедициях по Сибири и Монголии. В течение жизни работал редактором и сотрудником различных журналов, а также занимал ключевые должности в музеях и научных обществах.

ке. Когда буквы ясно обрисовались, они взяли комочек ваты в бумажке (Миао) или без ваты (Жуэй) натерли тушью и с ловкостью (чуть касаясь), осторожно несколько раз касались выпуклостей буквы, не задевая ничуть фона, на котором выступали буквы. Таких оттисков они живо наделали несколько штук. Я поехал в семинарию за пай-дзе¹ и ее переводами, последние были найдены не скоро. Сняв снимки с гипсового слепка, они мне сказали (я молчал о переводе), что это особый знак телохранителей монгольской династии и дали приблизительно <е> время, заявив, что без справок по книгам трудно передать подробности. Копии с пай-дзе они сняли несколько штук.

Конечно я не мог забыть о медном топоре с китайскими надписями и постарался объяснить г. Жуэй научное значение этой находки, причем опять повторил о влиянии Китая на доисторическую культуру медного века в Минусинском округе, говорят, что музей, а особенно Вы, как ревностный слуга науки, будете признательны им за прочтение и объяснение надписей и отделение вещей орнамента древнекитайского.

Показал атлас музея, он заинтересовал их чрезвычайно. Когда они узнали, что он издан в Томске, гости мои опечалились и посетовали, что им никто в этом городе не сказал об этом атласе. Я послал сынишку в книжный магазин Комарова, но получил ответ, что этой книги у него нет. Миао успокоился только тогда, когда я уверил его, что в Иркутске они наверняка найдут это издание. Они очень заинтересовались сообщением моим о монетах... и просили меня написать Вам, что они пробудут в Иркутске несколько месяцев и будут крайне благодарны за присылку оттисков по их способу, но непременно по несколько снимков с каждой буквы, надписи или монеты, что от своей стороны сообщат свои переводы, ремарки и прочее сколько сейчас, сколько же после справок в книгах по приезду в Пекин. Оттиски придется оставить им и у себя, перенумеровав их, а также и оттиски для китайских ученых, эта нумерация облегчит сообщения по оттискам, ибо и они должны знать, что у нас и у них одинаковы.

Во время пребывания у меня они дали для Вас свои визитные карточки, а затем прислали мне и Вам свои фотографические карточки, которые я пошлю с Д.А. Клеменца, опасаясь порчи их почтовой пересылкой. Мало этого, они послали палочку туши, ибо моей, хоть и купленной у их соотечественников, остались очень недовольны. Г. Миао для Вас специально сделал две копии с пай-дзе и со своей печати² и заявил, что при нескольких таких снимках прочтение всегда возможно.

¹ Пайцзами (от кит. пайцзы 牌子) именуют верительные медальоны, представляющие собой металлические или деревянные пластины продолговатой формы с несколько закругленными углами и круглым отверстием у одного конца пластины. Пайцзы делегировали владельцу власть, наделения особыми полномочиями и подтверждали чинный статус. Образцы юаньских пайцзы в России на конец XIX в. имелись в пяти экземплярах, две из них относятся к территории Енисейской губернии [Вдовин, Кочкина, с. 183—184].

² К письму Савенков И. Т. прикрепил печать (иероглифы плохо читаются) и «Бронзовый медальон Управления императорских конюшен [эпохи] Мин» (Мин Юймацзянь тун цзяпай 明御馬監銅駕牌), который в своем дневнике также упоминает Мяо Ю-сунь. На его обратной стороне записано: «Воины Управления императорских конюшен, сопровождающие свиту, [обязаны] подвешивать этот медальон к поясу, лица без него будут привлечены к ответственности в соответствии с законом. Берущие, а также дающие [медальон] взаймы наказываются одинаково» (御馬監隨駕武士懸帶此牌, 無牌者依律論罪, 借者及借與者罪同) [Письмо И.Т. Савенкова Н.М. Мартьянову, л. 9].

О топоре я их особенно просил, ибо заинтересован им чрезвычайно. Для них лишнее накидать его рисуночек.

Очень рад случаю писать Вам и пожелать Вам хорошего, на этот раз — скорейшего усвоения той же ловкости и быстроты, с которою Жуэй делает снимки с китайских писем. Они спрашивали, нет ли надписей на камнях, утесах и проч. тут я немножко спасовал...

Красноярск 15 сентября 1888 года

Р.С. Мияо и Жуэй очень просят Вас снимать всякий знак или букву, принимаемую Вами за китайскую... [Письмо И.Т. Савенкова Н.М. Мартьянову, л. 6—9].

В письме Савенков отмечает, что Мiao Ю-сунь в знак благодарности дружеский прием подарил ему свою фотографию и фотографию своего переводчика Жуй Аня. Снимки были сделаны во время их пребывания в Нижнем Новгороде признанным живописцем и фотографом Карелиным Андреем Осиповичем (1837—1906). Фотографии имеют дарственные надписи: «На память многоуважаемому директору Савенкову отъ секретаря А. Жуэй. 15 сентября 1888 г.» и «На память многоуважаемому директору Савенкову отъ чиновника китайского Мiao. 15 сентября 1888»¹.

Знакомство с Григорием Николаевичем Потаниным (1835—1920)

В Иркутске китайским путешественникам удалось познакомиться с известным этнографом, публицистом, общественным деятелем конца XIX — начала XX вв., членом Восточно-Сибирского отдела Императорского русского географического общества Г.Н. Потаниным. По просьбе иркутского генерал-губернатора А.П. Игнатьева (1842—1906) Потанин посетил путешественников и провел для них экскурсию по музею Географического общества (ныне — Иркутский областной краеведческий музей имени Н.Н. Муравьева-Амурского, ул. К. Маркса, 2). В дневнике Мiao Ю-суня находим запись от 21 ноября 1888:

<...> затем мы вместе отправились в [музей, но] в нем не было ничего особенно ценного. [Наш] интерес привлекли лишь одежды и головные уборы предков таких народов, как буряты, якуты, тунгусы, самодийцы, а также юртовые колокольчики, посохи, бронзовые статуэтки Будды, каменные мотыги, топоры, человеческие кости, кости крыс цишу², найденные археологами, и древние ножи, мечи, наконечники

¹ С фотографиями в хорошем качестве читатель может ознакомиться на веб-сайте проекта «Енисейская археология: 300 лет» [Вдовин, Майзик].

² Цишу 鼯鼠/鼯鼠/鼠鼯 — мифический зверь, крыса цишу. В «Книге о чудесах духов» (Шэнь и цзин 神異經) I в. до н.э. записано: «На севере льды простираются на тысячи ли, [их] толщина [достигает] сотни чжан. Под водой, в толще земли, обитает [зверь, зовут его] цишу: обликом напоминает крысу, питается растениями; [его] мясо весит тысячу цзиней, [его] можно высушить и съесть, чтобы согреться [в холодные дни]. Его мех достигает восьми чи [в длину] и может быть использован для изготовления спальных подстилок, на которые можно лечь, и не будет холодно. Его кожа подходит для покрытия барабанов — звук [таких барабанов] разносится на тысячу ли. Его мех может привлекать [внимание] крыс — где бы ни находился его хвост, там [всегда] собираются грызуны» [神異經 [Книга о чудесах духов]].

стрел, обнаруженные у реки Лена... Потанин прежде дважды бывал в Китае: первый раз — по суше, через Гуйхуа (Хух-Хото. — И.Р.), Кобдо до Хами, затем в Синин и Ланьчжоу, после чего направился в сычуаньский Сунпань; второй раз — морским путем, в Шанхай, Чжифу (ныне Яньтай. — И.Р.), Тяньцзинь и Цзинши (ныне Пекин. — И.Р.). Его сопровождали военный и охотник, а в качестве переводчика он взял монгола. [Эти путешествия] заняли два года и обошлись в более чем 29 тыс рублей. В подарок он преподнес [мне] одну из своих книг¹.

В одном из писем, адресованных Н.М. Мартьянову, Г.Н. Потанин сообщил о двух путешественниках, которые очень хотели получить от него как можно больше артефактов с китайскими иероглифами:

Многоуважаемый Николай Михайлович, в настоящее время здесь проживают два китайца, путешествующие с научною целью по России. Они, кажется, будут здесь оставаться до весны, так как хотят возвратиться на родину через Амурский край. Они интересуются письменами на минусинских камнях, очень желают иметь с них снимки и просили об этом в Красноярске Семенова. Вероятно, он снесся с Вами, потому что путешественники получили в Иркутске от Вас «Минусинские древности». И как же они были разочарованы — они нашли там только изображение каменных орудий, но никаких письмен. Вследствие этого, они обратились ко мне с просьбою написать Вам. Не знаю, что Вы можете сделать, в какой мере доставить им удовольствие? Я думаю, оттискивание на картон будет стоить денег, а они чуть ли не скупятся, приберегая деньги на проезд до Пекина. Напишите, если что можно для них сделать, и я передам им [Письмо Г.Н. Потанина Н.М. Мартьянову, л. 1—4].

Знакомство с Николаем Михайловичем Ядринцевым (1842—1894)

В конце своего путешествия, в Иркутске, Мяо Ю-суню удалось встретить еще одного выдающегося исследователя Востока — Н.М. Ядринцева. Ядринцев первым открыл и представил научному миру памятник Кюль-Тегина, он также был известен своими исследованиями этнографии сибирских народов, а также исторических и археологических памятников. После встречи с Мяо Ю-сунем Ядринцев отправился в Центральную Монголию по поручению Восточно-Сибирского географического общества. Целью экспедиции было определение местонахождения города Каракорум, бывшей столицы Монгольской империи, и проведение там археологических исследований. По итогам своей работы Н.М. Ядринцев в январе 1890 г. представил доклад на VIII Международном ар-

¹ В оригинале: ...即同往一觀，所度無甚珍異，惟布烈特、雅古特、東姑師土魯汗、薩莫咽特諸族之先世衣冠服匿、穹廬鈴、柱杖、銅佛像及土中所得石鋤、石斧、人骨、磧鼠骨、烈納河所得古刀、劍、箭鏃，皆有古趣...坡塔甯曾遊歷中國二次，一由陸路歸化城科布多至哈密入西甯、蘭州，折而入蜀之松潘；一由海道至上海、芝罘、天津、京師，攜一武弁、一獵戶、所帶譯蒙古人。往來二年，用二萬九千餘盧布。贈所著書一冊 [繆祐孫. 俄遊蒙編 [Мяо Ю-сунь. Собрание материалов о путешествии по России], цз. 12, л. 216—22а].

хеологическом конгрессе, прошедшем в Москве, основываясь на материалах, собранных в ходе экспедиции. О встрече российского ученого и китайских путешественников, читаем в дневнике Мяо Ю-суня:

19 день дин-ю (23 ноября 1888 г. — И.Р.), ясно. <...> Днем в период шэнькэ (15:00—17:00. — И.Р.) вернулся [домой]. Ученый муж Ядринцев пришел с визитом. Этот человек весьма высокомерен, [обладает обширными знаниями в области] археологии, говорит, что [знает] местонахождение города Каракорум эпохи Юань. Также [он] утверждает, что турки — это западные тюрки времен Тан, а арабы — это бактрийцы времен Хань; русское название китайцев «ци-тай», происходит от слова «кидани»; «самоедами» русские называют народы Урянхая. [Он] упомянул, что имеет труды, в которых подробно изучены вопросы, касающиеся Сибири¹.

Заключение

Во время путешествия Мяо Ю-сунь познакомился со многими представителями русской интеллигенции. Ему удалось не только раздобыть большой объем интересующей его информации, но и установить контакты с рядом российских ученых. Последние ввиду малой осведомленности о целях, лежащих в основе исследовательского путешествия, охотно и безвозмездно делились ценной информацией с гостем. В своих записях Мяо Ю-сунь не единожды отмечал гостеприимность и доброжелательность со стороны русских людей, с которыми ему удалось встретиться: ему охотно помогали как в научных, так и в бытовых вопросах. Труд Мяо Ю-суна «Э ю хуэй бянь» впервые позволил китайским читателям «глазами соотечественника» познакомиться с российскими промышленниками, деятелями науки, в том числе востоковедами, и их личными качествами и достижениями, что способствовало углублению социокультурного взаимодействия между Россией и Китаем.

Библиографический список

Вдовин А.С., Кочкина Е.И. Из истории русско-китайских научных связей в конце XIX века // В.В. Верещагин и Восток: В предчувствии евразийства. Череповец: Череповецкий государственный университет, 2016. С. 182—187.

Вдовин А.С., Майзик Е.И. В Сибири найдены китайские древности. URL: <https://archaeology.kkkm.ru/tpost/2ir6xby671-v-sibiri-naideni-kitaiskie-drevnosti> (дата обращения: 20.04.2025).

Зайцев Р.В. Н.Н. Титушкин — первый русский резидент на Тайване // Общество и государство в Китае. Т. 49. С. 462—469.

Письмо Г.Н. Потанина Н.М. Мартыанову // Архив Минусинского краеведческого музея (АМКМ). ОФ 10743/11. Л. 1—4.

¹ В оригинале: 十九日丁酉，晴。... 申刻還。儒士雅得琳側甫來訪。其人頗矜，考古能言元之和林城所在。又云：土爾基即唐時之西突厥，阿剌伯即漢時之大夏；俄稱中國人曰噠台即契丹之音轉；俄所稱薩莫咽特即烏梁海人。云有著作考細畢爾事甚詳 [繆祐孫。俄遊彙編 [Мяо Ю-сунь. Собрание материалов о путешествии по России], цз. 12, л. 22].

Письмо И.Т. Савенкова Н.М. Мартянову // Архив Минусинского краеведческого музея (АМКМ). ОФ 10744/4. Л. 6—9.

Самойлов Н.А. Россия и Китай в XVII — начале XX века. Тенденции, формы и стадии социокультурного взаимодействия. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2014. 368 с.

Шаронова В.Г. Вклад генерального консула Российской империи в Пекине Н.Ф. Колесова в укрепление российско-китайских отношений в конце XIX — начале XX вв. // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Выпуск XXVI : ежегодное издание. М.: ИДВ РАН, 2021. Т. 26. С. 449—463.

神異經 [Книга о чудесах духов]. URL: <https://zh.wikisource.org/zh-hant/神異經> (дата обращения: 20.04.2025).

繆荃孫. 俄遊彙編 [Мяо Ю-сунь. Собрание материалов о путешествии по России]. 上海: 上海秀文書局, 1889. 369頁.

繆荃孫. 繆荃孫全集, 雜著 / 張廷銀, 朱玉麒主編 [Мяо Цюань-сунь. Сборник работ Мяо Цюань-суня, раздел «Разное» / под. ред. Чжан Тин-инь, Чжу Юй-ци]. 南京: 鳳凰出版社, 2014. 848頁.

陳思. 江陰縣續志 [Чэнь Сы. Продолжение описания уезда Цзяньинь]. URL: http://read.nlc.cn/allSearch/searchDetail?searchType=1002&showType=1&indexName=data_403&fid=312001069615# (дата обращения: 20.04.2025).

References

Potantin G. N. Pismo G. N. Potanina N.M. Martyanovu [Letter from G. N. Potantin to N.M. Martyanov] (unpublished). *Arkhiv Minusinskogo kraevedcheskogo muzeya (AMKM)*, OF 10743/11, p. 1—4. (In Russ.).

Samoilov N. A. Rossiya i Kitai v XVII — nachale XX veka. Tendentsii, formy i stadii sotsiokulturnogo vzaimodeistviya [Russia and China in the 17th — Early 20th Century: Trends, Forms and Stages of Sociocultural Interaction]. Saint Petersburg, Saint Petersburg State University Publ., 2014. 368 p. (In Russ.).

Savenkov I. T. Pismo I. T. Savenkova N. M. Martyanovu [Letter from I.T. Savenkov to N.M. Martyanov] (unpublished). *Arkhiv Minusinskogo kraevedcheskogo muzeya (AMKM)*, OF 10744/4, p. 6—9. (In Russ.).

Sharonova V. G. Vklad general'nogo konsula Rossiiskoi imperii v Pekine N.F. Kolesova v ukreplenie rossiisko-kitaiskikh otnoshenii v kontse XIX — nachale XX vv. [The Contribution of the Russian Empire's Consul General in Beijing N.F. Kolesov to Strengthening Russian-Chinese Relations at the End of the 19th — Beginning of the 20th Century]. *Kitai v mirovoy i regional'noy politike. Istoriya i sovremennost'* [China in World and Regional Politics. History and Modernity], 2021, vol. 26, pp. 449—463. (In Russ.).

Vdovin A. S., Kochkina E. I. Iz istorii russko-kitaiskikh nauchnykh svyazei v kontse XIX veka [From the History of Russian-Chinese Scientific Relations at the End of the 19th Century]. *V. V. Vereshchagin i Vostok: V predchuvstvii evrazijskva* [V. V. Vereshchagin and the East: In Anticipation of Eurasianism]. Cherepovets, Cherepovets State University Publ., 2016, pp. 182—187. (In Russ.).

Vdovin A. S., Maizik E. I. V Sibiri naideny kitaiskie drevnosti [Chinese Antiquities Found in Siberia]. URL: <https://archaeology.kkkm.ru/tpost/2ir6xby671-v-sibiri-naideni-kitaiskie-drevnosti> (accessed: 20.04.2025). (In Russ.).

Zaitsev R. V. N. N. Titushkin — Pervyi russkii rezident na Taivane [Nikolai N. Titoushkin — the First Russian Resident in Taiwan]. *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae* [Society and the State in China], vol 49, pp. 462—469. (In Russ.).

陳思. 江陰縣續志 [Chen Si. Continuation of the Jiangyin county gazetteer]. URL: http://read.nlc.cn/allSearch/searchDetail?searchType=1002&showType=1&indexName=data_403&fid=312001069615# (accessed: 20.04.2025). (In Chinese).

繆祐孫。俄遊彙編 [Miao Quan-sun. Collected Works of Miao Quan-sun, Miscellaneous Writings / eds. Zhang Tingyin, Zhu Yuqi]. 上海: 上海秀文書局 [Nanjing, Fenghuang Chubanshe], 2014. 848 p. (In Chinese).

繆祐孫。俄遊彙編 [Miao You-sun. The Collection of Materials about a Journey Through Russia]. 上海: 上海秀文書局 [Shanghai, Shanghai xiuwen shuju], 1889. 369 p. . (In Chinese).

神異經 [The Book of Spiritual Marvels]. URL: <https://zh.wikisource.org/zh-hant/神異經> (accessed: 20.04.2025). (In Chinese).

Поступила в редакцию: 22.04.2025
Принята к публикации: 06.07.2025

Received: Apr 22, 2025
Accepted: July 06, 2025

П.П. Строгонова

Влияние японо-китайской войны 1937—1945 гг. на искусство Китая

Аннотация. На протяжении своей более чем двухтысячелетней истории Китай не раз выступал участником военных конфликтов разных по своему масштабу, историческому контексту и последствиям. Одним из наиболее значительных таких конфликтов прошлого века является японо-китайская война 1937—1945 гг., ставшая поворотным моментом в истории китайско-японских отношений. И если экономические последствия этих событий для обеих сторон могут быть преодолены, вопрос исторической памяти о них до сих пор стоит достаточно остро и не может считаться полностью разрешенным, чем объясняется актуальность данной работы. Несомненно, война такого масштаба не могла не оставить серьезный отпечаток на культуре обоих государств. При изучении влияния японо-китайской войны 1937—1945 гг. на искусство Китая в русскоязычной научной среде, как правило, уделяется внимание только одному узконаправленному вопросу либо кругу проблем, связанных с той или иной сферой культуры либо видом искусства.

В данной статье делается попытка дать комплексный анализ заявленной проблеме и систематизировать разрозненные сведения, представленные результатами исследований российских и зарубежных ученых, занимающихся изучением данного вопроса. Цель статьи — проследить основные направления развития искусства Китая середины XX в. и проанализировать их взаимосвязь с общественно-политической обстановкой в стране в целом и событиями японо-китайской войны 1937—1945 гг. в частности. Поставленная цель определила методологическую базу исследования, в рамках которого применяется комплексный подход, включающий в себя исторический, культурный и систематический анализ. В качестве основного результата проделанной работы были выделены важнейшие тенденции развития китайского искусства под влиянием японо-китайской войны 1937—1945 гг., определены ведущие характеристики художественных работ, созданных в рамках обозначенного периода, а также установлены причинно-следственные связи в отношении происходивших в это время социальных и культурных преобразований в китайском обществе.

Ключевые слова: Японско-китайская война 1937—1945 гг., китайское искусство, китайское искусство XX в., живопись, литература, китайская опера, каллиграфия.

Автор: Строгонова Полина Петровна, бакалавр, 3 курс, кафедра китайского языка Московского городского педагогического университета.

ORCID: 0009-0007-0667-710X. E-mail: StrogonovaPP156@mgpu.ru

Для цитирования: Строгонова П.П. Влияние японо-китайской войны 1937—1945 гг. на искусство Китая// Современная Азия: политика, экономика, общество. 2025. № 2. С. 97—106. DOI: 10.48647/ICCA.2025.45.33.009.

P.P. Strogonova

The Impact of the Second Sino-Japanese War of 1937—1945 on Chinese Art

Abstract. Throughout its more than two-thousand-year history, China has repeatedly been involved in military conflicts of varying scales, historical contexts, and consequences. One of the most significant conflicts of the last century was the Second Sino-Japanese War (1937—1945), which became a turning point in Sino-Japanese relations. While the economic repercussions of these events could be relatively quickly overcome for both sides, the question of historical memory remains highly contentious and unresolved to this day, underscoring the relevance of this study. Undoubtedly, a war of such magnitude left a profound imprint on the cultures of both nations. However, in Russian-language scholarship, research on the impact of the Second Sino-Japanese War on Chinese art has typically focused on narrow, specialized questions or isolated aspects of culture and artistic practice.

This article attempts to provide a comprehensive analysis of the stated problem and systematize fragmented data from the works of Russian and foreign scholars studying this issue. Its aim is to trace the main trajectories of Chinese art in the mid-20th century and analyse their connection to the broader socio-political climate in China, particularly the Sino-Japanese War (1937—1945). To achieve this goal, the study employs a multidisciplinary methodological framework, incorporating historical, cultural, and systematic analysis. As a key outcome, the article identifies the most significant trends in Chinese art under the influence of the Second Sino-Japanese War, defines the dominant characteristics of artworks created during this period, and establishes cause-and-effect relationships regarding the sociocultural transformations that took place in Chinese society at the time.

Keywords: Sino-Japanese War of 1937—1945, Chinese art, Chinese art of the XX century, fine art, literature, Chinese opera, calligraphy.

Author: *Strogonova Polina*, bachelor, 3rd course Department of Chinese Language, Moscow City University. ORCID: 0009-0007-0667-710X.
E-mail: StrogonovaPP156@mgpu.ru

For citation: Strogonova P. P. The Impact of the Second Sino-Japanese War of 1937—1945 on Chinese Art. *Sovremennaya Aziya: Politika, Ekonomika, Obshchestvo* [Modern Asia: Politics, Economy, Society], 2025, no. 2, pp. 97—106. (In Russ.).
DOI: 10.48647/ICCA.2025.45.33.009.

Введение

В 2025 г. отмечается восьмидесятилетняя годовщина окончания второй японо-китайской войны 1937—1945 гг. (кит. 中国抗日战争). В Китае ее называют «Войной Сопротивления японским захватчикам» (кит. 抗日战争). Несмотря на разделяющие современность и события этого периода десятилетия, он по сей день остается важным объектом исторической памяти Китая и камнем преткновения в китайско-японских отношениях, выступая одновременно элементом политической риторики.

Невозможно переоценить воздействие, которое имела эта трагедия на судьбы не только отдельных людей, но всей страны. Потрясения, пережитые народом Китая в ходе этой войны, не могли пройти для него бесследно. Явление такого масштаба имело значительное влияние на социально-политическую ситуацию в

государстве и его отношения со второй стороной конфликта, что закономерно повлекло за собой изменения в культурной жизни страны.

В статье представлены результаты комплексного анализа развития китайского искусства в условиях сопротивления японской военной агрессии 1937—1945 гг., рассматриваются изменения, вызванные социально-политической обстановкой указанного периода. Проблема рассматривается главным образом с двух сторон: с точки зрения изменения вектора развития искусства в Китае и с точки зрения отражения военных событий в произведениях искусства. Такой подход позволяет учесть все основные аспекты преобразования искусства Китая под влиянием японо-китайской войны.

Изменение вектора развития искусства в Китае

Двумя главными точками преломления вектора развития китайского искусства середины XX в., вызванного войной с Японией 1937—1945 гг. (далее — Война Сопротивления), являются преобразование функций и изменение идейного наполнения произведений искусства, создаваемых в указанный период.

Роль культуры и искусства в воздействии на моральное состояние народных масс признавалась политическими лидерами Китая XX в. Культура и искусство и прежде рассматривались как эффективный инструмент идеологической борьбы посредством оказания влияния на сознание широких народных масс. В годы Войны Сопротивления потребность в подобного рода инструменте особенно возросла. В своем выступлении на Совещании по вопросам литературы и искусства в Яньани в мае 1942 г. Мао Цзэдун говорил: «Борьбу за освобождение китайского народа мы ведем на разных фронтах, ведем ее пером и штыком, то есть на фронте культуры и на фронте военных действий. Чтобы победить врага, мы прежде всего должны опираться на армию, у которой в руках винтовка. Но одной только этой армии недостаточно: нам нужна еще армия культуры — такая армия, без которой невозможно сплотить наши ряды и добиться победы над врагом» [Мао Цзэ-дун 1953, с. 83]. На примере данного выступления четко прослеживается официальная позиция Коммунистической партии Китая (КПК) в отношении культуры и искусства в период противостояния японской агрессии. В это время их эстетическая функция отходит на второй план, уступая место наиболее актуальной для текущей социально-политической обстановки просветительско-агитационной роли искусства в рамках выдвинутой Мао Цзэдуном концепции «единства искусства и политики» [Гультяева 2021, с. 35].

Соответственно, изменились цели, стоящие перед искусством. Производство в сфере культуры (особенно это заметно в области кинематографа) перестает видеть своей главной задачей удовлетворение рынка, смещая фокус внимания на внушение аудитории необходимости противостоять японской агрессии [Мо Ч. 2021, с. 46]. Нельзя также не упомянуть задачу поддержания общего морального духа населения, стоящую перед искусством того времени. Так, напесение «黄河大合唱» цели служил сформировавшийся в начале войны в 1937 г. детский хор, выступав-

ший в убежищах для бежавших от войны с кантатой «Хуанхэ» (кит. 《黄河大合唱》) [Gong 2022, p. 440].

В период Войны Соппротивления искусство становится инструментом военной пропаганды, причем для обеих сторон. Так, например, в Китае в военные годы возросла роль настенной живописи как инструмента трансляции политических и идеологических посланий. Примером может послужить осуществленный под руководством Тянь Ханя (кит. 田汉) проект огромного (12,2 м в длину и 4,6 м в высоту) антияпонского мурала, выполненного на стене Башни Желтого журавля (Хуанхэлоу, кит. 黄鹤楼) в Ухане. Мурал изображал руководившего боями против японских войск Чан Кайши на коне на фоне государственного флага Китайской Республики [Fang 2019, p. 19—20].

В то же время в стране развивается пропагандистский комикс как форма художественного коллаборационизма. Японское правительство поощряет (в том числе материально) создание на оккупированных территориях про-японских журналов, в которых как японские, так и китайские художники публиковали бы свои работы, поддерживающие действия Японии на территории Китая. За счет подобной стратегии японское правительство рассчитывало не просто силой захватить китайские территории, но и завладеть «сердцами и умами» народа, полагая, что именно изобразительное искусство способно оказать наиболее сильное влияние на человеческое сознание. Важно также отметить, что сотрудничество с прояпонскими журналами открыло новый путь для безызвестных китайских художников, желающих опубликовать свои работы в крупных изданиях, но не имевших такой возможности при прежних политических обстоятельствах [Taylor 2015, p. 409—410].

Другое важное преобразование, вызванное вступлением Китая в войну с Японией, затронуло сферу художественного образования в стране. До начала вторжения интерес к Японии как к центру художественного обучения со стороны Китая был крайне высок, что было вызвано как рядом социальных и политических факторов, касающихся отношений двух государств, так и их территориальной и культурной близостью (табл. 1). Число студентов из Китая, изучающих нихонга (традиционный японский стиль живописи, яп. 日本画) и ега (западный живописный стиль, яп. 洋画) в Японии в начале XX в., неуклонно росло. Именно Япония в это время выступала ретранслятором достижений европейского и американского искусства для Китайских художников [Бакина 2024, с. 218—219]. Однако в годы войны ситуация в корне переменялась. В ответ на японскую агрессию китайские мастера стали осознанно отказываться от пришедших в страну через Японию художественных тенденций. В частности, в творческих кругах Ки-

Таблица 1. Количество студентов, направленных на обучение из Китая

Направление	1900 г.	1902 г.	1904 г.	1905—1906 гг.
США	ок. 200 чел.			130 чел.
Япония	ок. 200 чел.	500 чел.	>1 тыс. чел.	8—10 тыс. чел.

Источник: [Каткова 2001, с. 100].

тая произошел отказ от модернизма, стало отдаваться предпочтение реализму в искусстве [Ван Ш. 2023, с. 143].

В период Войны Соппротивления в Китае активно развивается и укрепляется в качестве основного художественного метода реализм, в частности его разновидность «социалистический реализм», отвечающий как духовным запросам общественных масс, так и идеологическим запросам руководства страны. В связи с этим можно отметить смещение идейно-ценностных ориентиров произведений искусства, повлекшее за собой возникновение совершенно нового подхода к созданию образов. Любовная тема потеряла свою актуальность и была смещена на второй план как в литературе, так и в музыке и изобразительном искусстве 1930-х—1940-х гг. Художники, музыканты и литераторы стали отдавать предпочтение теме, о которой невозможно было не говорить в условиях окружающей их действительности — к теме войны [Благодер 2024, с. 127]. Героями вместо прежних интеллигентов и красавиц или мифических героев и божеств становится реальный китайский народ, рабочие и крестьяне, мужчины и женщины, вставшие на защиту своей родины в борьбе с иностранным захватчиком [Ван Ш. 2023, с. 143; Мо Ч. 2021, с. 46].

Важно также заметить, что для мобилизации населения на сопротивление захватчикам китайские деятели культуры часто обращались к традиционным формам искусства. Например, в военные годы в этой сфере важную роль играла каллиграфия. С целью объединения нации складывались различные патриотические лозунги, как например «Горячая любовь к Родине» (кит. 热诚爱国) или «Голос народа» (кит. 大众喉舌). В это время создается «Китайское общество изучения каллиграфии» (кит. 中国书学研究会), начинается выпуск журнала «Каллиграфия» (кит. 《书学》), проводятся различные выставки [龙红 2021, р. 19]. Таким образом, можно говорить о том, что военная агрессия со стороны Японии заставила людей обратиться к каллиграфии как к средству выражения чувств и гражданских настроений, что, в свою очередь, стимулировало не только рост интереса к этому искусству в стране, но и повышение общего уровня организованности каллиграфического движения. Кроме того, приобщение к этой деятельности видных политических деятелей, таких как Чжоу Эньлай или Дун Биу, является индикатором значимости каллиграфии в общенациональном деле противостояния японской агрессии [龙红 2021, р. 20—21].

Другой важной формой национального искусства, к которой обратилось китайское общество в годы войны, была опера. Несмотря на возросшее в XX в. влияние вестернизации на китайский музыкальный театр, композиторы старались сохранить традиционные черты национальной оперы, составляющие ее культурную основу. Важнейшей работой этого периода по праву считается «Седая девушка» (кит. 《白毛女》), написанная в 1945 г. коллективом композиторов Академии им. Лу Синя на либретто Хэ Цзинчжи (贺敬之) и Дин Ни (丁毅). Показательно, что эта опера, сочетающая в себе близкие народу легендарный первоисточник и актуальный на момент создания сюжет, коррелирующий с китайскими реалиями в военный период, не только снискала большую популярность у широких народных масс, но и получила высочайшее одобрение руководства КПК, что позволило ей стать первой национальной оперой Китая [Ван Ц. 2021, с. 48].

Отражение военных событий в искусстве

Говоря о влиянии японо-китайской войны 1937—1945 гг. на искусство Китая, невозможно, разумеется, игнорировать отражение, которое военные события нашли в произведениях искусства, создаваемых непосредственно во время и после военных действий.

В развитии темы Войны Соппротивления в китайском искусстве XX—XXI вв. можно условно выделить 4 этапа [Ван Ш. 2023, с. 148]:

- 1) время активных боевых действий, т. е. 1930—1940-е гг.;
- 2) первые послевоенные десятилетия, т. е. 1950—1960-е гг.;
- 3) последняя треть XX в.;
- 4) начало XXI в.

Искусство военного времени, особенно на его начальном этапе, отличается, прежде всего, реакционный характер. Авторы работ, созданных в этот период, стремились запечатлеть окружающие их события, в связи с чем в китайском искусстве начала расти популярность реализма и быстрых в создании творческих форм. Так, например, в изобразительном искусстве получила широкое распространение графика на военную тему, в литературе — поэзии и короткой прозы (рассказов, заметок) [Благодер 2024, с. 127]. Важно отметить, что искусство фиксировало военные реалии Китая на двух уровнях: физическом (выражавшемся как раз в распространении реалистической живописи и графики, показывающей не героев легенд и мифов, а действительность, окружавшую китайцев в тот момент, знакомую и близкую каждому) и психологическом. Последний особенно четко прослеживается на примере литературы того времени. В период Войны Соппротивления китайские писатели обращают внимание на моральное состояние народа и испытания, которым представители всех слоев китайского общества подвергались в условиях военного времени [Благодер 2024, с. 129]. В изобразительном искусстве народные настроения передавались как в графике (гравюры «Раненая голова» (кит. 《负伤的头》) Чжан Вана (张望), 1934 г.) и «Возгласи свой гнев, Китай!» (кит. 《怒吼吧！中国》) Ли Хуа (李桦), 1935 г.), так и в живописи («Беженцы» (кит. 《流民图》) Цзян Чжаохэ (蒋兆和), 1942 г.), преобладал настрой на борьбу, несмотря на многочисленные страдания, с которыми была сопряжена настигшая людей трагедия [Ван Ш. 2023, с. 144; 5, с. 273—274].

В то же время, как уже было упомянуто, искусство военного времени было напрямую сопряжено с целями поднятия боевого духа населения и патриотического воспитания. Такие работы, как «Кто убил твоего ребенка» (кит. 《是谁杀了你的孩子》), «Бомба агрессора» (кит. 《侵略者的炸弹》), использовались в качестве оружия для разоблачения преступлений японского милитаризма [周熹 2020, р. 3].

Искусство послевоенного же периода характеризуется переосмыслением событий войны. Они начинают рассматриваться уже не как общенациональное дело защиты Родины, но как всенародная трагедия, настигшая страну. Интересно в данном контексте видение проблемы Войны Соппротивления потомками реальных ее свидетелей, отражавших в своем творчестве военные и послевоенные события с точки зрения собственного восприятия. Так, например, Янь Гэлин (严歌苓) 1958 г.р., в своем романе «Тетушка Тацуру» (кит. 《小姨多鹤》) рассказывает

историю о японке и ее тяжелой жизни в послевоенном Китае. В своем произведении писательница утверждает идею о главенстве личности над происхождением и поднимает вопрос послевоенной репатриации японцев, в рамках которого ставит под сомнение адекватность ненависти к людям, имеющей в основании исключительно их национальность [Дворцова 2023, с. 37]. Любопытно, что отношение к выходцам из страны-агрессора было принципиально однозначное в годы войны, а проявляемое к ним сочувствие резко осуждалось, как например, это было с оперой «Цю Цзы», написанной в 1941 г. и описывающей сюжет о молодой японке, обманутой своей страной и попавшей в число «женщин для утешения» японской армии, став жертвой осуществляемых японскими военными зверств [Ван Ц. 2021, с. 2399]. Роман же Янь Гэлин пользуется существенным успехом. Эта разница в отношении ясно демонстрирует изменение восприятия темы Войны Соппротивления в народном сознании.

Заключение

Несмотря на многочисленные испытания, которым подверглось искусство Китая в середине XX в., сложно охарактеризовать влияние японо-китайской войны 1937—1945 гг. как однозначно отрицательное.

С одной стороны, нарушение культурного обмена с Японией, основной страной, из которой приходили новые веяния, достижения развития западного искусства, так же, как и намеренный отказ китайских художников от пришедших из Японии течений, негативно сказалось на художественном образовании и общем развитии искусства Китая посредством знакомства с достижениями в этой сфере стран Запада и Японии. С другой стороны, вынужденное (или частично вынужденное) отречение китайских деятелей культуры от устоявшегося вектора развития искусства в стране стимулировало активный поиск новых путей в соответствии с новыми проблемами и задачами, диктуемыми им изменившейся социально-политической обстановкой в государстве, что в свою очередь способствовало возникновению новых путей творческой реализации деятелей культуры Китая.

Основными чертами, присущими искусству, измененному Войной Соппротивления, являются направленность на народ (т. е. целенаправленное повышение его доступности широким слоям населения, а не узкому кругу высокообразованной элиты, как это было прежде), политико-идеологическое содержание, установление реализма как основного художественного направления, распространение военных сюжетов и обращенность к героям-выходцам из народа, вставшим на защиту своей страны.

Библиографический список

Бакина А.В. Роль Японии в становлении художественного образования Китая: первые опыты кросс-культурного обмена в период между японо-китайскими войнами // Первый Российско-Китайский форум. Теория и практика художественного образования: вызовы современ-

ности, традиции и национальные школы XXI века: Коллективная монография по материалам международной научной конференции. Москва: Российский государственный художественно-промышленный университет им. С.Г. Строганова, 2024. С. 216—219.

Благодер Ю.Г. Китайская национальная литература в годы Японо-китайской и Второй мировой войн (1937—1945 гг.) // Общество: философия, история, культура. 2024. № 6(122). С. 125—130. DOI: 10.24158/fik.2024.6.18.

Ван Ц. Китайское оперное искусство периода японо-китайской войны: жанр через призму вестернизации // Манускрипт. 2021. Т. 14, № 11. С. 2397—2403. DOI: 10.30853/mns20210434.

Ван Ц. Образ Си Эр в опере «Седая девушка»: генезис и драматургия развития // Актуальные проблемы высшего музыкального образования. 2021. № 3(61). С. 47—54. DOI: 10.26086/NK.2021.61.3.020.

Ван Ц. Трагические образы китайских гравюр времен японо-китайских войн 1931—1945 гг. // Актуальные проблемы мировой художественной культуры: Сборник научных статей XI Международной научно-практической конференции, посвященной памяти профессора У.Д. Розенфельда, Гродно, 18 октября 2023 года. Гродно: Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, 2023. С. 271—276.

Ван Ш. Тема антияпонской войны в изобразительном искусстве Китая XX — начала XXI века // Философия и культура. 2023. № 6. С. 141—151. DOI 10.7256/2454-0757.2023.6.40967.

Гультяева Г.С. Реалистическая живопись Китая XX века в контексте визуализации культуры // Обсерватория культуры. 2021. Т. 18, № 1. С. 32—43. DOI 10.25281/2072-3156-2021-18-1-32-43.

Дворцова А.Н. Осмысление Японо-китайской войны и ее последствий в произведениях Янь Гэлин // Вестник Луганского государственного педагогического университета. Серия 3. Филологические науки. Медиакommunikation. 2023. № 1(94). С. 34—39.

Каткова З.Д., Чудодеев Ю.В. Китай — Япония: Любовь или ненависть? К проблеме эволюции социально-психологических и политических стереотипов взаимовосприятия (VII в. н. э. — 30—40-е гг. XX в.). Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Институт востоковедения РАН, Крафт+, 2001. 376 с.

Мао Цзэ-дун Избранные произведения: Период войны против японских захватчиков // Мао Цзэ-дун. Избранные произведения.: В 4 т. Т. 3 / пер. с китайск. М.: Изд-во иностр. лит. 1953. 446 с.

Мо Ч. Влияние культуры «верности и сыновнего благочестия» на образ китайских женщин в кино во время японо-китайской войны 1937—1945 гг. // Искусство и культура. 2021. № 1(41). С. 45—50.

Fang X. Visualizing Struggle: Mural as Propaganda in the Second Sino-Japanese War // American University. 2019. 64 p.

Gong Y. The New Music Movement in the rear area led by the Southern Bureau of the Communist Party of China // Culture and Civilization. 2022. Vol. 12, No. 5-1. P. 436—446. DOI:10.34670/AR.2022.78.95.033.

Taylor J. E. Cartoons and collaboration in wartime China: the mobilization of Chinese cartoonists under Japanese occupation // Modern China. 2015. Vol. 41. No. 4. P. 406—435.

龙红, 姜贤俊. 抗战时期陪都重庆书法艺术发展简论 // 重庆大学出版社. — 2021年. 第6 (2011) 期. 第18-22页.

周熹, 邓德祥, 赵晓睿, 崔迪. 抗战美术精神的当代弘扬与升华 // 艺术科技. 2020年. 第33 (24) 期. 第3-5页.

References

Bakina A.V. [et al.]. Rol Iaponii v stanovlenii khudozhestvennogo obrazovaniia Kitaia: pervye opyty kross-kulturnogo obmena v period mezhdu iaponno-kitaiskimi voynami. [The Role of Japan In the Development of Art Education in China: The First Experiences Of Cross-Cultural Exchange During The Period Between The Sino-Japanese Wars]. Pervyi Rossiisko-Kitaiskii forum. Teoriia i praktika

khudozhestvennogo obrazovaniia: vyzovy sovremennosti, traditsii i natsionalnye shkoly XXI veka: Kollektivnaia monografiia po materialam mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii [Collective monograph based on the proceedings of the First Russian-Chinese forum “Theory and practice of art education: challenges of modernity, traditions and national schools of the 21st century”]. Moscow, Rossiiskii gosudarstvennyi khudozhestvenno-promyshlennii universitet im. S.G. Stroganova Publ., 2024, pp. 216—219. (In Russ.).

Blagoder Iu. G. Kitayskaya nacional'naya literatura v gody Yaponi-kitayskoy i Vtoroy mirovoy voyn (1937—1945 gg.) [The Development of Chinese National Literature during the Sino-Japanese and World War II (1937—1945)]. Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura [Society: philosophy, history, culture], 2024, no.6, pp. 125—130. (In Russ.). DOI: 10.24158/fik.2024.6.18.

Wang J. D.V. Kitayskoe opernoe iskusstvo perioda yaponi-kitayskoy voyny: zhanr cherez prizmu vesternizatsii [Chinese Opera Art of the Sino-Japanese War Period: Genre through the Lens of Westernization]. *Manuskript*, 2021, no.11, pp. 2397—2403. (In Russ.). DOI: 10.30853/mns20210434.

Wang J. Obraz Si Er v opere “Sedaya devushka”: genezis i dramaturgiya razvitiya [The image of Si Er in the opera “The Gray-haired Girl”: genesis and dramatic development. Aktual'nye problemy vysshego muzykal'nogo obrazovaniya [Actual problems of higher music education], 2021, no.3(61), pp. 47—54. (In Russ.). DOI: 10.26086/NK.2021.61.3.020.

Wang Z. [et al.]. Tragicheskie obrazy kitaiskikh graviur vremen iaponi-kitaiskikh voyn 1931—1945 gg [Tragic images of Chinese engravings during the Japanese-Chinese wars of 1931—1945]. Aktualnye problemy mirovoi khudozhestvennoi kultury : Sbornik nauchnykh statei XI Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posviashchennoi pamiati professora U.D. Rozenfelda, Grodno, 18 oktiabria 2023 goda. [Current Problems of World Artistic Culture: A Collection of Scientific Articles of the XI International Scientific and Practical Conference, dedicated to the memory of Professor W. D. Rosenfeld, Grodno, October 18, 2023.]. Grodno, Yanka Kupala State University of Grodno Publ., 2023, pp. 271—276. (In Russ.).

Wang S. Tema antiyaponskoy voyny v izobrazitel'nom iskusstve Kitaya XX — nachala XXI veka [The theme of the anti-Japanese war in the visual arts of China XX — early 21st century]. *Filosofiya i kul'tura* [Philosophy and Culture], 2023, no. 6, pp. 141—151. (In Russ.). DOI: 10.7256/2454-0757.2023.6.40967.

Gulyaeva G. Realisticheskaya zhivopis' Kitaya XX veka v kontekste vizualizatsii kul'tury [Realistic Painting of the 20th Century China in the Context of Cultural Visualization]. *Observatoriya kul'tury* [In Space of Art and Cultural Life], 2021, vol. 18, no. 1, pp. 32—43. (In Russ.). DOI: 10.25281/2072-3156-2021-18-1-32-43.

Dvortsova A. N. Osmyslenie Iaponi-kitaiskoi voyny i ee posledstviy v proizvedeniiakh Yan Gelin [The Reflection of the Second Sino-Japanese War and its Consequences in Yan Gelin's Works]. Vestnik Luganskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya 3. Filologicheskie nauki. Mediakommunikatsii [Journal of Lugansk State Pedagogical University. Series 3. Philological Sciences. Media communications], 2023, no.1, pp. 34—39. (In Russ.).

Katkova Z. D., Chudodeev Iu. V. Kitai — Iaponiia: Liubov ili nenavist? K probleme evoliutsii sotsialno-psikhologicheskikh i politicheskikh stereotipov vzaimovospriiatiia (VII v. n. e. — 30—40-e gg. XX v.) [China — Japan: love or hatred? To the problem of evolution of the social-psychological and political stereotypes of mutual perception (VII AD — 40—40s XX cent.)]. Moscow, Institut vostokovedeniia RAN, Kraft+ Publ., 2001. 376 p. (In Russ.).

Mao Zedong Izbrannye proizvedeniia: Period voyny protiv iaponskikh zakhvatchikov [Selected Works: The Period of the War Against the Japanese Invaders], Moscow, Izd-vo inostr. lit. 1953, vol.3, 446 p. (In Russ.).

Mo Zh. Vliianie kultury “vernosti i synovnego blagochestiia” na obraz kitaiskikh zhenshchin v kino vo vremia iaponi-kitaiskoi voyny 1937—1945 gg [Influence Of The Culture Of “Loyalty And Filial Piety” On The Image Of Chinese Women In The Fictional Cinema During The Second Sino-Japanese War Of 1937—1945]. *Iskusstvo i kultura* [Art and Kultur], 2021, no.1(41), pp. 45—50. (In Russ.).

Fang X. Visualizing Struggle: Mural as Propaganda in the Second Sino-Japanese War. American University. 2019. 64 p.

Gong Y. The New Music Movement in the rear area led by the Southern Bureau of the Communist Party of China. Culture and Civilization, 2022, vol. 12, no. 5-1, pp. 436—446. DOI: 10.34670/AR.2022.78.95.033.

Taylor J. E. Cartoons and collaboration in wartime China: the mobilization of Chinese cartoonists under Japanese occupation. *Modern China*, 2015, vol. 41, no. 4, pp. 406—435.

龙红, 姜贤俊. 抗战时期陪都重庆书法艺术发展简论 // 重庆大学出版社 [Long H., Jiang X. A Discussion on the Development of Calligraphy Art in Chongqing during the Anti Japanese War]. 年. 第 期. 第 页 [Chongqing University Press], 2021, no.6(2011), pp. 18—22. (In Chinese).

周熹, 邓德祥, 赵晓睿, 崔迪. 抗战美术精神的当代弘扬与升华 [Zhou X., Deng D., Zhao X., Cui D. Contemporary Promotion and Sublimation of the Spirit of Anti Japanese War Art]. 艺术科技. 2020年.第33 (24) 期. 第3-5页 [Art Technology], 2020, no.33(24), pp. 3—5. (In Chinese).

Поступила в редакцию: 16.06.2025
Принята к публикации: 10.07.2025

Received: June 16, 2025
Accepted: July 10, 2025

Научный семинар «Китай и треугольник Россия—США—Европа в контексте политического и энергетического взаимодействия»

Для цитирования: Научный семинар «Китай и треугольник Россия — США — Европа в контексте политического и энергетического взаимодействия» // Современная Азия: политика, экономика, общество. 2025. № 2. С. 107—116.
DOI: 10.48647/ICCA.2025.10.43.010.

Round Table

Scientific seminar “China and the Russia—USA—Europe Triangle in the Context of Political and Energy Cooperation”

А.СН. Mokretskii, A.V. Voloshina, Е.О. Zaklyazminskaya, Т.М. Mamakhatov, А.К. Ivanova, A.V. Kotov

For citation: Scientific seminar “China and the Russia—USA—Europe Triangle in the context of Political and Energy Cooperation”. *Sovremennaya Aziya: Politika, Ekonomika, Obshchestvo* [Modern Asia: Politics, Economy, Society], 2025, no. 2, pp. 107—116. (In Russ.). DOI: 10.48647/ICCA.2025.10.43.010.

30 апреля 2025 г. Советы молодых ученых Института Китая и современной Азии РАН (ИКСА РАН) и Института Европы РАН (ИЕ РАН) провели научный семинар на тему: «Китай и треугольник Россия — США — Европа в контексте политического и энергетического взаимодействия».

В мероприятии приняли участие:

Е.О. Заклязьминская, к.э.н., в.н.с., руководитель Центра мировой политики и стратегического анализа ИКСА РАН;

Т.М. Мамахатов, к.э.н., в.н.с. Центра «Россия, Китай, мир» ИКСА РАН;

А.Ч. Мокрецкий, с.н.с. Центра «Россия, Китай, мир» ИКСА РАН;

А.В. Волошина, н.с. Центра изучения новейшей истории Китая и его отношений с Россией ИКСА РАН;

А.К. Иванова, к.э.н., руководитель Лаборатории «Механизмы обеспечения экономической безопасности Европы: вызовы для национальных интересов России», с.н.с. Центра германских исследований Отдела страновых исследований ИЕ РАН;

А.В. Котов, к.э.н., зав. Сектором экономики ФРГ, в.н.с. Центра германских исследований Отдела страновых исследований ИЕ РАН.

А.Ч. Мокрецкий. В этом году исполняется 50 лет со дня установления дипломатических отношений между КНР и Европейским Союзом (Пекин делает акцент именно на этом сроке). Оглядываясь на полувековой опыт взаимодействия, который, следуя конфуцианской традиции, можно назвать периодом «познания воли Неба», стоит отметить, что наиболее ценным результатом двусторонних связей, в китайском понимании, является взаимное уважение, наиболее мощной движущей силой выступают взаимная выгода и общая победа (互利共赢), наиболее прочной основой консенсуса служит многосторонность или мультилатерализм, а отношения Китая и ЕС можно определить как отношения партнеров по сотрудничеству.

За последние 50 лет в сфере экономической кооперации КНР и ЕС наблюдалось значительное развитие. Согласно китайским данным, объем торговли увеличился с 2,4 млрд долл. до более 780 млрд долл., а объем инвестиций — почти с нуля до примерно 260 млрд долл. Общее количество поездок по маршруту Китай—ЕС превысило 100 тыс., что делает этот транспортный узел важным каналом (буквально «золотым»), соединяющим Азию и Европу.

Сегодня, спустя 50 лет, совокупный объем экономик КНР и Европы превышает треть объема мировой экономики, а сотрудничество Китая и ЕС имеет большое стратегическое значение и мировое влияние. В Пекине убеждены, что здоровые и стабильные отношения между Китаем и ЕС не только дополняют друг друга, но и «освещают» миру путь (показывая «правильное» направление).

Во время телефонного разговора с председателем Европейского совета Антониу Коштой 14 января 2025 г. председатель КНР Си Цзиньпин отметил, что чем более серьезной и сложной становится международная ситуация, тем больше Китай и ЕС должны придерживаться первоначального намерения при установлении дипломатических отношений, укреплять стратегическую коммуникацию, повышать стратегическое взаимодоверие и держаться отношений партнерства. Пекин по-прежнему доверяет Европе и верит, что ЕС может стать надежным партнером КНР. Обе стороны обладают способностью и мудростью должным образом решать существующие проблемы путем дружеских консультаций и совместно открывать перспективы на следующие 50 лет, на которые стоит смотреть с нетерпением.

Если использовать китайскую терминологию, то китайско-европейские отношения можно охарактеризовать следующей формулой: «в политике холодно, в экономике горячо». Тем не менее, несмотря на значительное политическое влияние на экономическое взаимодействие, «температура», хоть и снижается, но остается комфортной и теплой. На протяжении 50 лет отношений Брюссель не забывал поднимать различные политические вопросы, такие как события на пло-

щади Тяньаньмэнь, секта фалуньгун, права человека, Тибет и далай-лама, уйгурский вопрос, Тайвань и др.

До «второго пришествия» Д. Трампа в Белый дом ЕС раскручивал «зеленую повестку» в двусторонних отношениях. В частности, как известно, 5 июля 2024 г. Европейский Союз ввел тарифы на импорт электромобилей китайского производства. Размер пошлин составлял до 37,6 %. Индивидуальные ставки были установлены для трех наиболее представительных игроков рынка: BYD — 17,4 %; Geely — 19,9 %; SAIC — 37,6 %. Компании, которые, по мнению Брюсселя, сотрудничали с расследованием по борьбе с субсидиями, включая Tesla и BMW, облагались пошлинами в размере 20,8 %. Те, кто отказывался от сотрудничества, — в размере 37,6 %. Таким образом, высокие пошлины на электромобили из Китая были введены в Европе по результатам расследования о противодействии «незаконным субсидиям».

Политика также присутствовала в вопросе заключения большой сделки с ЕС. Практически сразу после прихода Си Цзиньпина к власти в 2012 г. Пекин выступал за создание зоны свободной торговли¹. Во время каждого саммита стратегического диалога высокого уровня ЕС-КНР (формат взаимодействия существует с 2010 г.) поднимались не только стратегические вопросы и проблемы безопасности, включая региональные связи, нераспространение [ОМУ], изменение климата, но и экономическая дорожная карта.

В начале апреля 2025 г. Д. Трамп объявил о введении новых пошлин на продукцию других стран, в том числе в отношении Европейского Союза в размере 20 %. Как уточнил американский президент, Вашингтон не планировал вводить пошлины в полном объеме, а ограничился ставками примерно вдвое ниже тех, что применяют другие государства. Тем не менее по данным Белого дома, товары, представляющие критическую важность для производства и нацбезопасности под эти рестрикции не попали².

Введенные против Европы пошлины могут способствовать сближению Брюсселя с Пекином. Более сговорчивый ЕС непременно будет искать возможности обхода пошлин и проявит «забывчивость» к некоторым проблемным моментам в двустороннем взаимодействии. Высоко вероятно, что Европа пообещает снять наложенные на КНР санкции и ограничения или частично их снимет. При этом полностью «политическая» повестка снята не будет и останется ложкой дегтя в бочке меда.

Таким образом, Китай сохраняет тесные отношения с Европой. Несмотря на различные разговоры о потере субъектности ЕС, скорейшем развале европейского сообщества, который по принципу домино начнется после Брексита (с 2016 г. прошло 9 лет, а воз и ныне там), Пекин по-прежнему считает регион важным для себя, сохраняя намерение продолжать, развивать и заканчивать свою Инициативу Пояса и Пути именно в Европе.

¹ Shannon Tiezzi. Beijing Pushes For China-EU Free Trade Deal // The Diplomat, January 28, 2014. URL: <https://thediplomat.com/2014/01/beijing-pushes-for-china-eu-free-trade-deal/> (accessed: 8 May, 2025).

² США ввели пошлины на товары из других стран // РИА-Новости, 3 апреля 2025. URL: <https://ria.ru/20250402/poshliny-2008993829.html> (дата обращения: 08.05.2025).

А.В. Волошина. На протяжении большей части 70-летней истории существования тайваньского вопроса европейские страны не были активными игроками в Тайваньском проливе — основными акторами здесь оставались Пекин, Вашингтон и Тайбэй. Европа достаточно быстро перестала быть значимой ареной борьбы Китайской Республики (КР) и КНР за дипломатическое признание: с принятием в 1971 г. резолюции Генеральной Ассамблеи ООН 2758, передавшей место представителя Китая правительству КНР, подавляющее большинство европейских стран разорвали отношения с Тайбэем в пользу установления дипломатических связей с Пекином (на сегодняшний день среди европейских государств лишь Ватикан продолжает признавать Китайскую Республику). Хотя в 1980—1990-е гг. произошел ряд обострений в отношениях Пекина с некоторыми европейскими государствами по поводу продаж вооружений острову, повышения уровня контактов и пр., они носили спорадический характер, и после жесткой реакции Китая европейские правительства большей частью ограничили свои отношения с Тайванем экономической и культурной сферами, избегая провоцировать Пекин по этому чувствительному для него вопросу.

Ситуация стала меняться в последние 5 лет под влиянием ряда внешних и внутренних факторов. По мере роста соперничества США и КНР, переосмысления Штатами своей стратегии в отношении Китая и активного задействования ими «тайваньской карты», активизировались попытки Вашингтона вовлечь европейские страны в тайваньскую повестку, привлечь с их помощью внимание международного сообщества к тайваньской проблеме, приобщить европейские страны к давлению на Пекин и выработать совместную дорожную карту в случае вспышки конфликта в Тайваньском проливе, в частности в деле принятия каких-либо антикитайских санкций. На этом фоне ощутимо выросли внутренние настроения скептицизма в отношении КНР среди ряда европейских стран, усилилось восприятие ими Китая как угрозы с точки зрения национальной безопасности и экономики — эти процессы были подпитаны событиями пандемии и конфликта на Украине; роль же Тайваня как «демократического союзника», важного центра высокотехнологичного производства, особенно в области полупроводников, перспективного партнера европейских стран в развитии их мощностей производства микрочипов, в деле переноса ряда цепочек поставок из Китая, а также значимость стабильности в Тайваньском проливе для международных морских перевозок возросли.

Это привело к трансформации подхода Европейского Союза и национальных европейских правительств к тайваньскому вопросу: ситуации в Тайваньском проливе стало уделяться все больше внимания, а развитие отношений между Тайбэем и странами Европы постепенно набирало обороты.

Первая Стратегия ЕС в Индо-Тихоокеанском регионе (ИТР), выпущенная в 2021 г., утверждала, что «демонстрация силы и растущая напряженность в Тайваньском проливе может оказать прямое влияние на европейскую безопасность и процветание». Германия, Литва и Чехия в своих собственных стратегиях в отношении Китая и ИТР отдельно остановились на ситуации в Тайваньском проливе, подчеркивая, что статус-кво там не может быть изменен немирными средствами. Неслучайной в этом плане стала активизация в последние годы транзи-

тов через Тайваньский пролив военно-морских судов европейских стран: Франции, Нидерландов, Великобритании и Германии (Берлин возобновил транзиты в 2024 г. после 22-летнего перерыва).

Символом явного сдвига в сторону более активной политики в отношении Тайваня стала деятельность как национальных парламентов европейских стран (в частности, Литвы, Чехии, Словакии, Бельгии, Швейцарии, Нидерландов, Британии), так и Европарламента в деле принятия резолюций в поддержку Тайваня. Так, например, за последние пять лет Европарламент принял более 40 протайваньских резолюций. Политическая поддержка конвертировалась в укрепление контактов — в ноябре 2021 г. состоялся первый визит делегации Европарламента на остров. Особо активными игроками на тайваньском направлении стали страны Центральной и Восточной Европы: среди их громких инициатив — переименование Литвой тайбэйского офиса в Вильнюсе в «представительство Тайваня в Литве» в 2021 г. и телефонный разговор новоизбранного президента Чехии П. Павла с тогдашней главой администрации острова Цай Инвэнь в 2023 г.

По мере того, как европейские страны все больше вовлекаются в тайваньскую повестку, маловероятно, что в свете прихода администрации Д. Трампа в США произойдет какая-либо значимая системная «перезагрузка» китайско-европейских отношений по тайваньскому вопросу.

А.К. Иванова. С 2019 г. стратегии западноевропейских стран по обеспечению энергетического перехода и экономической безопасности в условиях усиливающейся международной технологической конкуренции всё более фокусируются на сырьевом обеспечении и диверсификации поставок. После ужесточения экономических санкций против РФ в 2022 г. цены на рынках сырья были дестабилизированы. Возросли экономические риски для высокотехнологической промышленности ЕС. Серьезно изменились показатели торговли в энергетическом секторе стран ЕС. Стала более значительной роль поставок из США.

Важно отметить силы и группы интересов, которые оказывают влияние на решение политических кругов в США, Великобритании и ФРГ. Интересы ФРГ в сфере энергетики и сырьевого обеспечения не были приняты во внимание президентом Байденом и европейскими партнёрами. Новая американская администрация утратила интерес к Украине и значительно ужесточила свою политику в отношении Европы.

Ожидается, что торговая политика Соединённых Штатов в отношении импортных ограничений для европейских стран приведет к снижению объёмов европейского экспорта. Наиболее значимую роль для ЕС играют пошлины на сталь и алюминий, товары автомобильной промышленности (автомобили и запчасти).

Изменение вектора внешней политики США после возвращения в Белый Дом администрации Д. Трампа стало для европейских стран серьезным вызовом. Пока администрация Трампа развивала модели заморозки конфликта за счёт прямого диалога с Россией и Украиной, лидеры Германии, Франции и Великобритании не смогли предложить полноценного мирного плана. Неспособность

европейских лидеров решить вышеуказанные проблемы потенциально может привести к падению интереса к повестке либерального истеблишмента и усилению позиций евроскептиков.

А.В. Котов. Торговые связи между Россией и Европейским Союзом не прерваны полностью. Основным драйвером этих отношений остается германский, французский и итальянский бизнес. Однако объемы внешнеэкономической кооперации остаются на минимальном уровне. Например, в 2024 г. товарооборот с Германией составил 9,5 млрд евро, что значительно ниже показателя в 120 млрд евро в 2012 г. Среди основных торговых партнеров России в ЕС по объему товарооборота также выделяются Нидерланды (9,9 млрд евро) и Италия (9,4 млрд евро) в 2023 г.

На территории Российской Федерации в настоящее время функционирует около 1,2 тыс. компаний с немецким капиталом. Решение о продолжении или прекращении их деятельности на российском рынке принимается самими компаниями, что создает сложности в оценке реального состояния дел. Многие компании продолжают осуществлять хозяйственную деятельность, несмотря на введенные антироссийские санкции со стороны Европейского Союза.

Логистические трудности, вызванные санкциями, также играют значительную роль в снижении объемов торговли. Крупнейшие морские перевозчики отказываются осуществлять доставку контейнеров в Россию, а некоторые поставщики опасаются отправлять товары без 100 % предоплаты. Дополнительные ограничения на трансграничные расчеты за перевозки, а также задержки платежей в евро из-за проверок со стороны банков ЕС усложняют ситуацию.

В среднесрочной перспективе возможно смягчение отдельных санкционных ограничений, однако восстановление торгово-экономических отношений РФ и ЕС до прежнего уровня маловероятно без значительной политической воли. Со стороны России, скорее всего, не будут допущены ошибки в условиях размещения европейских компаний, что потребует отработки новых условий взаимодействия. Европейские фирмы окажутся в условиях усиленной конкуренции с российскими и китайскими компаниями.

Энергетическое сотрудничество между Россией и Европейским Союзом сохраняется преимущественно в сфере поставок сжиженного природного газа (СПГ). Однако ЕС и его государства-члены продолжают испытывать трудности в контроле за его притоком. Несмотря на введение добровольных мер и многократные обсуждения в Брюсселе, импорт российского СПГ в ЕС достиг рекордных уровней. За последние два года ряд официальных лиц ЕС и государств-членов неоднократно призывали к действиям, направленным на ограничение беспрепятственного притока российского СПГ, однако результаты данных инициатив оказались незначительными. Например, с 1 января по 23 октября 2024 г. на континент (Европа не континент) поступило 314 его партий общим объемом 19 млн тонн, что на 10 % превышает объем поставок за весь 2023 г., когда в Европу было доставлено 17,5 млн тонн. ЕС продолжает оставаться значительным рынком для российского газа. В 2024 г. около 70 % всего российского

экспорта СПГ было направлено на Запад, в то время как около 30 % предназначалось для азиатских стран.

Несмотря на возможное потепление отношений между Россией и США в геополитической сфере, санкции против российских арктических нефтегазовых проектов, скорее всего, сохранятся. Энергетическое сотрудничество России с государствами Глобального Юга может оказаться более устойчивым в условиях текущих геополитических реалий.

Е.О. Заклязьминская. В Пекине не удивлены охлаждением отношений между Вашингтоном и Брюсселем после возвращения Трампа в Белый дом. С 2024 г. Си Цзиньпин заблаговременно начал укреплять политический диалог с Евросоюзом. Китайский лидер посетил Францию, Сербию (Сербия не входит в ЕС) и Венгрию. Это был его первый визит в ЕС после пятилетнего перерыва. Си успел встретиться не только с лидерами этих государств, но и с главой Еврокомиссии Урсулой фон дер Ляйен.

Китай и Евросоюз являются важнейшими торговыми партнерами друг друга: для Китая Евросоюз — второй по объемам поставок партнер после стран АСЕАН, для ЕС КНР — главный торговый партнер. В 2024 г. взаимная торговля достигла 785,82 млрд долл. На Китай приходится около 21,3 % всех поставок в Евросоюз, в КНР направлено около 8,3 % всего экспорта ЕС.

Евросоюз торгует с Китаем с торговым дефицитом, который в 2024 г. составлял 247 млрд долл. Это прежде всего связано с тем, что Китай не заинтересован в закупке европейских товаров с высокой добавленной стоимостью, поскольку производит их сам. Основным интерес Пекина — это сырье и микрочипы. Ни то, ни другое не являются конкурентным преимуществом ЕС. Среди крупнейших партнеров Китая в Евросоюзе назовем Германию, Голландию, Францию, Италию и Швейцарию. В Германии Китай закупает автомобили и автозапчасти, которые использует на своих производственных линиях, в Швейцарии — товары класса люкс. Евросоюз покупает китайскую электронику, бытовые приборы и телекоммуникационное оборудование.

История взаимоотношений Китая и ЕС в последние годы схожа с американской: еще в первый президентский срок Трампа Евросоюз поддержал политику сдерживания Китая. В 2019 г. Пекин был назван «системным соперником». В 2021 г. Евросоюз взял курс на снижение зависимости от Китая. Торгово-экономические отношения между странами начали стремительно ухудшаться. Евросоюз инициировал антидемпинговые расследования по отношению к китайским электромобилям. Рост протекционизма в Европе отразился введением в июле 2024 г. импортных пошлин на китайские электрокары в размере от 17,4 до 37,6 %. На американские электромобили Tesla китайской сборки были наложены «ущадящие» пошлины в размере всего 7,8 %.

Весь 2024 г. Китай пытался углубить торгово-экономические связи с ЕС. Лучших результатов он добился в сближении с Центральной и Восточной Европой: в 2024 г. двузначный рост показала торговля КНР с Сербией (не входит в ЕС) (на 31,8 %), с Румынией (на 27,4 %), с Боснией и Герцеговиной (не входит в ЕС) (на 15,2 %), с Хорватией (на 16,8 %) и с Венгрией (на 11,6 %). С Германией,

главным партнером Китая в ЕС, за рассматриваемый период торговля выросла всего на 0,8 %. Ухудшение отношений в связке «КНР — ЕС» отражается в падении китайского импорта из Евросоюза. В 1 квартале 2025 г. импорт КНР из ЕС сократился на целых 6,3 %.

Тарифная война, развязанная Вашингтоном в начале 2025 г., действительно стала катализатором «примирения» между Пекином и Брюсселем. «Тарифное безумие», которое затронуло более 200 стран мира (всего 206) не обошло и Евросоюз: Трамп запланировал введение 20 % пошлин на страны ЕС. Напомним, что на Китай из-за «непослушного нрава» и встречных тарифов, были наложены импортные пошлины в размере 145 %.

До «отката» Вашингтоном импортных тарифов до «базовых» 10 % на 90 дней 11 апреля 2025 г. Китай предпринимал активные попытки сближения с Евросоюзом. 8 апреля 2025 г. накануне предоставленной странам трехмесячной «передышки» состоялись переговоры премьер-министра КНР Ли Цяна с главой Еврокомиссии Урсулой фон дер Ляйен. Китай вспомнил, что стороны являются «важнейшими торговыми партнерами», интересы которых «тесно переплетены». Китайский премьер напомнил, что страна выступает за «экономическую глобализацию и либерализацию торговли». Стороны выступили за «переговорное разрешение текущей ситуации» и за недопущение «дальнейшей эскалации». Примерно тогда же Пекин обозначил намерение о проведении совместного с Евросоюзом крупного саммита в конце июля 2025 г., как раз по истечении 90-дневного «моратория». Весна и начало лета станут тем самым «переговорным окном» для многих стран мира для проведения переговоров как с США, так с Китаем с целью снизить возможные последствия высоких тарифов.

Еще одним важным сюжетом, сближающим позиции Пекина и Брюсселя, стали введенные Трампом 25 % пошлины на все импортируемые в США автомобили. 11 апреля 2025 г. стороны приступили к обсуждению «смягчения» тарифной политики ЕС по отношению к китайским электрокарам и замены пошлин на систему «минимальных цен».

Дальнейший сценарий развития торгово-экономического диалога между Китаем и Евросоюзом трудно прогнозируем. Вероятность негативного сценария и введения США обещанных 20 % пошлин против Евросоюза высока. В таком случае Пекин и Брюссель будут вынуждены сближаться, стремясь найти наиболее выгодные, компромиссные условия сотрудничества. На встрече с Ли Цяном Урсула фон дер Ляйен напомнила о необходимости «выравнивания» торгового баланса между странами, а также о предоставлении европейским товарам доступа на китайский рынок.

Брюсселю в сложившейся ситуации приходится «лавлировать». При любом развитии тарифной войны Брюссель будет вынужден «сесть за стол переговоров» с Пекином, поскольку США не откажутся от политики сдерживания Китая, а Китай в свою очередь не оставит попытки поисков нового рынка сбыта для своей продукции в «третьих» странах.

Пекин нацелен на поиск «единомышленников» и создание «антитарифного» союза. Любые намерения Вашингтона по «изоляции» Китая обречены на провал, поскольку страна в настоящий момент является крупнейшим торговым партне-

ром для большинства государств мира. Стремление исключить Китай из глобальных цепочек добавленной стоимости навредит как национальным экономикам этих стран из-за отсутствия альтернативы Китаю, так и обычным гражданам, которые утратят возможность покупать привычные китайские товары.

У Китая и ЕС есть как совпадающие, так и расходящиеся интересы. Конкуренция между сторонами не спадет. Китай и ЕС продолжат искать новые рынки сбыта для своей продукции, однако «общая беда» сплотит их, подтолкнет к поискам компромиссов и вынудит отложить «застарелые проблемы» в «долгий ящик».

Т.М. Мамахатов. Говоря о современном состоянии и перспективах российско-европейского взаимодействия в области энергетики, остановимся на следующих основных моментах. Первый из них — это возвращение России на энергетический рынок европейских стран. Если США и Россия договорятся о сотрудничестве в сфере энергетики, это может положительно сказаться на энергообеспечении Европы, которая еще не до конца отказалась от поставок российского СПГ через серые схемы. Также возможно восстановление поставок через трубопровод «Северный поток-2». В ходе переговоров России и США, проходящих в Эр-Рияде, эта тема может быть поднята. «Если США и Россия договорятся о сотрудничестве в области энергетики, то газовая труба для Европы может быть обеспечена и это пойдет на пользу Европе, потому что она будет получать дешевый российский газ» — цитата президента РФ В.В. Путина¹.

На сегодня можно сказать, что дешевые российские энергоресурсы еще остаются существенным преимуществом в переговорном процессе, и европейские потребители действительно нуждаются в этом ресурсе, так как отказ от него в результате введения санкций против России привел к инфляции в Европе, увеличению цен на энергию и общему энергетическому кризису, поставив под сомнение планы Евросоюза по продвижению зеленой энергетики, в которой значительную роль играл дешевый российский природный газ.

Тем не менее поставки российского газа в Европе были заменены американским сжиженным природным газом из сланцев, а также СПГ из Катара. Таким образом, говоря о возвращении России на рынок Европы, надо помнить, что главным конкурентом Москвы на газовом рынке являются США с их сланцевым газом.

Россия понимает, что сегодня на глобальном энергетическом рынке США являются ее конкурентами в области поставок природного газа, во многом за счет сланцевого газа и СПГ. Речь идет о поставках не только в Европу, но также в Индию. Новая политика Трампа направлена на укрепление США как энергетической сверхдержавы. Сотрудничество с Вашингтоном в области энергетики, если и сохранится, то будет кратковременным и частичным, так как для этого требуется снятие санкций, что политически практически невозможно, пока идут боевые действия на Украине.

¹ Путин считает возможное сотрудничество России с США в энергетике полезным и для Европы // Интерфакс, 13 марта 2025 г. URL: <https://www.interfax.ru/russia/1013548> (дата обращения: 08.06.2025).

При этом президент РФ Владимир Путин заявил о готовности к сотрудничеству с США в сфере редкоземельных металлов. Он уточнил, что Россия обладает значительными запасами этих ресурсов и открыта для работы как с американскими властями, так и с частными компаниями, как бы оставляя дверь открытой для американских предложений по сотрудничеству в разных сферах¹.

Кроме того, для России необходимо восстановление торговых связей в стратегически значимых промышленных секторах экономики, таких как IT-сектор на уровне производителей микрочипов и программного обеспечения, нефтегазовая отрасль (особенно нефтесервисные компании «большой четверки») и производственная сфера (станки, запасные части и т. д.). На данный момент многие нефтегазовые проекты, как НОВАТЭК на северо-западе России и в Сибири заморожены из-за адресных санкций со стороны Конгресса США.

Поступила в редакцию: 10.06.2025

Принята к публикации: 15.07.2025

Received: June 10, 2025

Accepted: July 15, 2025

¹ *Елизавета Пуншева.* США и Россия рассматривают Арктику как направление для сотрудничества // Сетевое издание «Реальное время», 27 февраля 2025 г. URL: <https://realnoevremya.ru/news/329696-ssha-i-rossii-rassmatrivayut-arktiku-kak-napravlenie-dlya-sotrudnichestva> (дата обращения: 08.06.2025).